

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сиднева А.Н.

Формализм школьных знаний с позиций деятельностного
подхода в психологии: перспективы исследований 11

Долганов Д.Н.

Эмпирический анализ психосемантического пространства
самоопределения 32

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Реан А.А., Егорова А.В., Коновалов И.А.

Взаимосвязь использования экранного времени и проявления
различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте 60

Ячmeneва Н.П., Балева М.В., Корниенко Д.С.

Механизмы отчуждения моральной ответственности: априорная
вероятность и личностные предикторы 84

Сапронов Ф.А., Горбунова Е.С.

Сравнение сгенерированных ИИ стимулов и фото: исследование
зрительного поиска 109

Гаврилова М.Н., Сурилова И.У., Сухих В.Л.

Игрушки для ролевой и режиссерской игры: как их
предпочтение связано с регуляторными функциями в
дошкольном возрасте? 132

МЕТОДИКА

Колыванова Э.В., Ениколопов С.Н.

Психометрический анализ русскоязычной версии опросника
«The Displaced Aggression Questionnaire» (Опросник смещенной
агрессии) 158

Фёдоров А.А., Злобина М.В.

Самоотчетная конформность в структуре личностных диспозиций 188

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Клименко Т.С., Абдуллаева М.М.

Личностные предикторы и «предохранители» профессионального
выгорания врачей — представителей ядерной медицины 217

Белинская Е.П., Холмурадова К.С.

Сравнительный анализ взаимосвязи отношения к смерти
и эмоционального выгорания у медицинских работников
онкологических учреждений в Узбекистане и Германии 246

Володина К.А., Русяева И.А., Рагулина А.А.

Стратегии совладающего поведения у женщин, мужья которых
работают вахтовым методом 265

Моросанова В.И., Бондаренко И.Н., Цыганов И.Ю.

Стресс, осознанная саморегуляция и экзаменационная
успешность у студентов инженерных вузов 284

CONTENT

THEORETICAL STUDIES

Sidneva A.N.
Formalism of school knowledge from the standpoint of the activity approach in psychology: research prospects 11

Dolganov D.N.
Empirical analysis of the psychosemantic space of self-determination ... 32

EMPIRICAL STUDIES

Rean A.A., Egorova A.V., Konovalov I.A.
Screen time in relation to the manifestation of different types of aggression in older adolescence 60

Yachmeneva N.P., Baleva M.V., Kornienko D.S.
Mechanisms of moral disengagement: apriori probability and personality predictors 84

Sapronov F.A., Gorbunova E.S.
Comparing AI-generated stimuli and photos: visual search study 109

Gavrilova M.N., Surilova I.U., Sukhikh V.L.
Role play toys and play figures: how is their preference related to executive function in children aged 4 to 7 years? 132

METHODS

Kolyvanova E.V., Enikolopov S.N.
Psychometric analysis of the Russian version of “The Displaced Aggression Questionnaire” 158

Fedorov A.A., Zlobina M.V.

Self-reported conformity within the structure of personality dispositions	188
--	-----

APPLIED STUDIES

Klimenko T.S., Abdullaeva M.M.

Personality predictors and “fuses” of professional burnout in nuclear medicine physicians	217
--	-----

Belinskaya E.P., Kholmuradova K.S.

Comparative analysis of the relationship between attitudes towards death and emotional burnout among medical staff of oncological institutions in Uzbekistan and Germany	246
--	-----

Volodina K.A., Rusyaeva I.A., Ragulina A.A.

Coping strategies in women whose husbands work on a rotational basis	265
--	-----

Morosanova V.I., Bondarenko I.N., Tsyganov I.Yu.

Stress, conscious self-regulation, and examination success in engineering students	284
---	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / THEORETICAL STUDIES

Обзор / Review

<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-10>

УДК/UDC 159.9.075; 159.922.8

Формализм школьных знаний с позиций деятельностного подхода в психологии: перспективы исследований

А.Н. Сиднева ✉

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

✉ asidneva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Формальное, поверхностное усвоение школьных знаний изучается в психолого-педагогической науке под разными терминами, за каждым из которых стоит отдельное исследовательское направление. Житейские понятия, «поверхностный» подход к учению, функциональная неграмотность, разрыв знания и применения — в рамках этого далеко не полного списка исследуются, по сути, одни и те же феномены формализма знаний, преодоление которых является одной из ключевых задач современного школьного образования.

Цель. В данной работе сопоставляются разные подходы к анализу функционального смысла ошибок формализма, выделяется специфика деятельностного подхода к ошибкам учащихся и описываются перспективы данного подхода.

Методы. Обзор проблематики формализма знаний в рамках указанных направлений осуществлялся при помощи метода функционального анализа в значении «анализ психического явления в отношении выполняемой им социально заданной функции».

Результаты. Анализ показал, что ошибки формализма школьных знаний в большинстве подходов рассматриваются негативно — как то, чего необходимо избегать. Однако с точки зрения деятельностного подхода ошибки формализма выступают необходимой обратной связью педагогов и разработчикам программ, указывая на конкретные направления модификации процесса обучения, выступая, таким образом, одним из важнейших средств выявления ключевых психолого-педагогических условий эффективного усвоения новых понятий.

Выводы. На основе проведенной работы обосновывается необходимость дальнейших исследований формализма в рамках деятельностного подхода — анализ существующих учебных программ с позиции того, какие конкретно условия эффективного усвоения и развития в них поддерживаются, а какие нет. Теоретическое значение предложенного подхода к исследованию формализма знаний состоит в выделении перспектив развития современной психологии учения.

Ключевые слова: педагогическая психология, обучение, формализм знаний, ошибки в обучении, житейские понятия, научные понятия, деятельностный подход

Для цитирования: Сиднева, А.Н. (2025). Формализм школьных знаний с позиций деятельностного подхода в психологии: перспективы исследований. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 11–31. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-10>

Formalism of School Knowledge from the Standpoint of the Activity Approach in Psychology: Research Prospects

Anastasia N. Sidneva ✉

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

✉ asidneva@yandex.ru

Abstract

Background. The formal, shallow assimilation of school knowledge is studied in psychological and pedagogical science under different terms, each of which has a separate research area. Naive concepts, a “superficial” learning approach, functional illiteracy, the gap between knowledge and application — within the framework of this far from complete list, the same phenomenon of formalism is studied. In fact, overcoming the formalism is one of the key tasks of modern school education.

Objective. This paper compares different approaches to the analysis of the functional meaning of formalism mistakes, highlights the specifics of the activity approach to student mistakes, and describes the prospects for this approach.

Methods. In order to study the formalism of knowledge within the approaches, outlined above, functional analysis was applied as “the analysis of a mental phenomenon in relation to the performed socially-determined function”.

Results. The analysis shows that the errors of the formalism of school knowledge in most approaches are viewed negatively as something that must be avoided. However, from the point of view of the activity-based approach, the formalism mistakes are a necessary type of feedback for teachers and programme developers, pointing to specific areas of modification of the learning process, thus acting as one of the most important means of identifying key psychological and pedagogical conditions for the effective assimilation of new concepts.

Conclusions. Based on the work carried out, the need for further research of formalism within the framework of the activity approach is substantiated — an analysis of existing curricula from the perspective of which specific conditions for effective assimilation and development are supported in them and which are not. The theoretical significance of the proposed approach to the study of the formalism of knowledge is to highlight the prospects for the development of modern psychology of teaching.

Keywords: educational psychology, learning, formalism of knowledge, formalism mistakes, naive concepts, scientific concepts, activity approach

For citation: Sidneva, A.N. (2025). Formalism of school knowledge from the standpoint of the activity approach in psychology: research prospects. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 11–31. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-10>

Введение

Проблема формального, поверхностного усвоения школьных знаний приобретает в последнее время особую актуальность. Происходящая стремительными темпами цифровизация образовательного процесса приводит к увеличению доступности новой информации, разнообразию способов ее получения, изменению роли учителя (Fransson et al., 2018; Arinushkina et al., 2023). Однако это не только не гарантирует качественного усвоения знаний, но и зачастую мешает ученикам: они просто не успевают осмысливать то, что получают, и зачастую прибегают к запоминанию вместо понимания, использованию обходных путей для решения задач. Описывая эти феномены, зачастую используют термин «формализм знаний» (Формализм в обучении, 2024). При этом в психолого-педагогической науке существует множество направлений исследований, которые фактически изучают феномен формального усвоения знаний, однако описывают его разными терминами (разрыв знания и применения, наивные

(житейские) представления, поверхностный подход к учению, функциональная неграмотность и т.д.) (Entwistle et al., 1979; Vosniadou, 2019; Равен, 2002; Ковалева и др., 1999; Диагностика учебной успешности в начальной школе, 2009). Это затрудняет ориентировку исследователей в данной проблематике, поиск действительных причин формализма и способов его профилактики и преодоления. Задачами данной статьи являются, с одной стороны, обзор и систематизация разнородных направлений исследований, которые фактически изучают формализм школьных знаний, и с другой — выделение специфики решения проблемы формализма в деятельностном подходе (далее ДП) и обоснование перспективы дальнейших исследований исходя из ключевых положений ДП.

Теоретическое обоснование

С нашей точки зрения, негативная характеристика формализма (как того, чего нужно всячески избегать), существующая как в современной образовательной практике, так и в психолого-педагогической науке, должна быть переосмыслена. Феномены формального усвоения знаний — та реальность, которая дает возможность связать то, как мы учим, с тем, что мы получаем «на выходе» в виде результата; то «сопротивление материала», которое только и дает возможность построить процесс обучения психологически обоснованно. Именно ошибки формализма знаний, которые делают дети, «подсвечивают» те конкретные недостатки обучения, над которыми нужно работать, условия эффективного усвоения и развития. Данная теоретическая позиция опирается на работы в русле ДП, в которых именно анализ ошибок детей приводил к выдвижению гипотез о требуемом строении действий, нужных для усвоения новых понятий. Существующие в рамках деятельностного подхода теории, в частности теория развивающего обучения Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова (далее РО), зачастую воспринимаются лишь как «одни из» теорий учения и обучения. В данной работе мы попытаемся показать, как принципы этой и других теорий, созданных в русле ДП, фактически меняют сам способ исследований в области психологии учения. Результаты такого анализа могут помочь учителям более рефлексивно относиться к используемым методикам, понимать важную роль ошибок учащихся и воспринимать их как необходимую обратную связь о качестве обучения.

Выборка

В данной работе рассматриваются психологические и педагогические направления исследований последних 100 лет, посвященные анализу формального, поверхностного усвоения школьных знаний в разных теоретических подходах и направлениях — типология формализма (Божович, 1980), личные подходы к учению (Entwistle et al., 1979; Marton, Säljö, 1976), уровни постановки учебных целей (Bloom et al., 1956; Anderson et al., 2001; Беспалько, 2002; Симонов, 1999; Ковалева и др., 1999; Mullis et al., 2006; Диагностика учебной успешности в начальной школе, 2009), изменение житейских представлений (Выготский, 1999; Vosniadou, 2019; Казанская, Ромащук, 2021), различия в мышлении экспертов и новичков (Rohwer, Thomas, 1989), провокация ошибок (Гальперин, 1992; Давыдов, 2000; Цукерман, Ермакова, 2004).

Методы

Обзор проблематики формализма знаний в рамках указанных направлений осуществлялся при помощи метода функционального анализа в значении «анализ психического явления в отношении выполняемой им социально заданной функции» (Ромащук, 2009).

Результаты

Формализм школьных знаний: понятие и направления исследований

В педагогике под формализмом понимается «отрыв формы от содержания, придание форме самостоятельного существования и значения» (Скаткин, 1947, с. 7). Однако это очень абстрактное определение порождает некоторую путаницу терминов, связанную с разными значениями термина «форма». Во-первых, о формализме процесса обучения часто идет речь как о формализации этого процесса. Формальное (в смысле институционализированное) образование можно противопоставить неформальному или информальному, например семейному (Международная стандартная классификация образования МСКО-2011, 2011), здесь речь идет о форме организации обучения. Во-вторых, термин «форма» часто употребляется в смысле обобщенной, абстрактной структуры чего-либо (Российская социологическая энциклопедия, 1999), примером могут служить «формальные операции» по Ж. Пиаже (Пиаже, Инельдер, 2002). Данное понимание

прослеживается, например, в классическом педагогическом споре о «формальной дисциплине» (Выготский, 1996). Теория формального образования в качестве основной своей цели обосновывала развитие общих, формальных структур у детей; для целей такого развития считалось необходимым обучать специальным, максимально «формальным», оторванным «от жизни» предметам (древние языки, математика и др.). Теория материального образования в качестве основной цели выдвигала подготовку детей к решению жизненных задач, и в этой связи в учебный план считалось необходимым включать предметы, которые такую подготовку обеспечивают (физика, химия, инженерия и др.). Здесь под «формализмом» в обучении понимается приобретение некоторых обобщенных структур — ключевая линия развития мышления ребенка. Третий смысл термина «формализм в обучении и воспитании» — это формальное, внешнее отношение к процессу обучения у учителей, характеризующее определенный тип профессиональных педагогических деформаций (Логинова, 2015; Фельдштейн, 1989). Формальное отношение к учению может наблюдаться и у учащихся. В таких случаях говорят о низкой школьной вовлеченности (Потанина и др., 2023) или о так называемом «поверхностном» подходе, противопоставляемом «глубокому» (Entwistle et al., 1979; Marton, Säljö, 1976). Очевидно, формальное отношение учащихся к учению часто порождает формализм в его последнем из описываемых смысле — как качество усвоенного.

Формализм в этом понимании — это группа феноменов, характеризующих результат усвоения, когда ученик демонстрирует знание лишь внешней «формы» новых знаний, что выражается в специфических ошибках при ответе на вопросы или решении задач. С точки зрения Л.И. Божович (Божович, 1980), которая впервые поставила вопрос о психологическом анализе формализма, понятие «формальные знания» хотя и объединяет все феномены поверхностного усвоения, но охватывает неоднородные по психологическому содержанию явления и факты. При этом формальные знания важно отличать от отрывочных или недостаточных, они обладают своей спецификой (Божович, 1980, с. 284). Л.И. Божович выделила три типа ошибок формализма.

Первый тип ошибок — ошибки вербализма — характеризуется тем, что, получая задание на понимание текста или задачу для решения, дети не пытаются понять, о чем идет речь, а пользуются различными обходными путями, заменяющими им размышление (заучивание наизусть, «вытаскивание» из текста задачи числовых

значений и выполнение с ними любых операций). Причина этого состоит в том, что дети относятся к получаемым знаниям как к чему-то чуждому действительности и жизни (Божович, 1980). Сходные феномены объединялись Л.С. Славиной (Славина, 1998) в так называемый феномен «интеллектуальной пассивности», которая зачастую проявлялась только в учебной сфере, для преодоления этого она предлагала включать учебные задания в игровой контекст. В зарубежной психологии так понимаемый формализм объяснялся либо уже упомянутым поверхностным подходом к учению, когда учение понимается как простое накопление знаний (Entwistle et al., 1979; Marton, Säljö, 1976), либо несформированностью когнитивных/метакогнитивных стратегий, неумением учиться (Veenman et al., 2006).

Второй тип ошибок формализма, описанный Л.И. Божович и наиболее распространенный в школе, — это ошибки, связанные с использованием житейских объяснений. Научные и житейские понятия как бы сосуществуют в сознании детей, но в жизненных ситуациях они чаще используют объяснения от здравого смысла рядоположенно с научными — «булавка тонет, потому что она из металла, тяжелая и потому что ее удельный вес больше удельного веса воды» (Божович, 1980, с. 285). В современной зарубежной психологии существует направление исследований концептуальных изменений (conceptual changes) (Özdemir, Clark, 2007; Vosniadou, 2019), в котором изучаются наивные понятия учеников и способы их «превращения» в научные. Еще Л.С. Выготский (Выготский, 1999) говорил о ключевой роли обучения научным понятиям для перестройки всего мышления учеников, однако, как показывают исследования, самого факта передачи детям именно научных понятий оказывается недостаточно.

Третий тип ошибок формализма — ошибки, связанные с неадекватным анализом предметной ситуации решаемых задач, с желанием ученика обязательно применить то знание или тот принцип, который был освоен, даже если в этой ситуации он совершенно не подходит. Эта проблема поднимается в исследованиях экспертов и новичков и зачастую связывается с организацией структур знаний — схем (Rohwer, Thomas, 1989). Именно новички — люди, только начинающие осваивать новую область, демонстрируют «привязку» к только что усвоенному принципу, пытаясь «подводить» под него факты, у них проблемы именно с анализом предметной ситуации задачи (Rohwer, Thomas, 1989).

Зачем вообще изучать ошибки формализма, что такое изучение дает кроме феноменологических описаний? С этой точки зрения

важно посмотреть, как описываются функции ошибок формализма разными исследователями.

Функциональный анализ ошибок формализма

В основании первого, наиболее распространенного представления о функциях ошибок лежит предположение о постепенном приближении к качественному (безошибочному!) усвоению через промежуточные формы. Сначала ученик не может даже воспроизвести, например, определение понятия; на более продвинутом уровне может воспроизвести, но не умеет пользоваться. А позднее вполне успешно применяет или даже достраивает это определение, видя его ограничения. Уровни усвоения при этом могут выделяться разные и по разным критериям — от классической (Bloom et al., 1956) и усовершенствованной таксономии учебных задач Б. Блума (Anderson et al., 2001), а также сходных с ними в отечественной педагогике (Беспалько, 2002; Симонов, 1999) до современных представлений об уровнях усвоения, положенных в основу международных тестов PISA, PIRLS, TIMSS и др. (Ковалева и др., 1999; Mullis et al., 2006). В основе этих работ лежит базовое для когнитивной психологии представление о том, что механизм усвоения заключается в постепенном присвоении сначала некоего знания, а лишь затем отработки, закрепления этого знания и расширения умений им пользоваться через неизбежные ошибки. В качестве «финальной» стадии наиболее качественного усвоения обсуждается компетентность как умение решать жизненные задачи (Равен, 2002; Зимняя, 2009).

Другой подход к анализу ошибок формализма берет свое начало в психологии мышления, в частности гештальтпсихологии (Romashchuk, 2023). С точки зрения данного подхода процесс обучения сродни процессу мышления — это постепенное переструктурирование имеющихся понятий и систем понятий через «хорошие» ошибки. Такие ошибки, выявляющиеся в ходе конструктивной критики предыдущих понятий, позволяют понять, в каком направлении осуществлять это переструктурирование. Данный подход активно развивается в уже упомянутом направлении исследований концептуальных изменений через идею постепенной, эволюционной трансформации наивных концепций (Vosniadou, 2019). Некоторые авторы (Казанская, Ромащук, 2021) связывают данный подход также с идеями Л.С. Выготского, который понимал развитие мышления не как линейный переход, а диалектически — через «снятие» предшествующей стадии (Выготский, 1999). Важным здесь является то,

что в данном подходе по сравнению с предыдущим выделяется позитивная функция ошибок формализма — без них не произойдут ни эффективное учение, ни акт мышления.

В третьем подходе к анализу ошибок, предлагаемом в РО, ошибки формализма не просто играют позитивную роль, а их необходимо специально провоцировать у детей через специальные задачи с ловушками (Цукерман, Ермакова, 2003). В основе выделения уровней усвоения действий здесь лежит тип опосредования культурным содержанием (Диагностика учебной успешности в начальной школе, 2009) — в этом смысле речь идет о развитии культурной способности — от начальной (формальной) к зрелой (функциональной) форме (Диагностика учебной успешности в начальной школе, 2009, с. 24). Сходным образом в теории П.Я. Гальперина ключевым условием формирования полноценного действия являлась вариация типов задач — по предметным, логическим и психологическим характеристикам. Каждая из этих вариаций приводила к формированию определенного свойства действия, которое как раз и означало отсутствие определенного типа ошибок (Гальперин, 1992). С нашей точки зрения, для развития ДП важно более четко обозначить общую теоретическую позицию по отношению к ошибкам формализма, намеченную еще в ранних исследованиях в русле данного подхода.

Как можно заметить, ошибки формализма в большинстве направлений исследований рассматриваются скорее как «проблемы» конкретных детей, которые важно вовремя обнаружить и затем скорректировать. Однако, с нашей точки зрения, ошибки играют более важную роль: они фактически показывают то, насколько психологически адекватно выстроен сам процесс обучения. Так, П.Я. Гальперин специально отмечал, что «каждую ошибку учащегося необходимо рассматривать как указание на отсутствие некоего условия, при наличии которого этой ошибки не было бы» (Гальперин, 1992, с. 8). К сожалению, система предлагаемых П.Я. Гальпериным условий формирования нового действия зачастую воспринималась как нормативная, а вопрос «почему» не всегда выступал явно. Однако некоторые исследовали (Лидерс, Фролов, 2006; Щедровицкий, 2004; Vysotskaya et al., 2022) специально отмечали, что метод планомерного формирования связан с изменением и самого объекта исследования — это не просто учение, а система «учение-обучение», где результат усвоения (и ошибки учеников) является прямым следствием наличия или отсутствия конкретных психолого-педагогических условий.

Если посмотреть с этой точки зрения, например, на ошибки вербализма, описанные Л.И. Божович (Божович, 1980), то сама постановка задачи формирования именно действий, адекватных понятиям, а не просто знаний, уже по факту предупреждает такого рода ошибки, поскольку только при выполнении действия знание получает свою ориентировочную функцию и в этой функции и усваивается (Зинченко, 1961; Леонтьев, 1998). Ошибки предметного натурализма, также описанные Л.И. Божович, очевидно, связаны с отсутствием одного из условий формирования разумности действия по П.Я. Гальперину. Речь идет об ориентировке на существенные характеристики материала, составляющие предмет науки (Гальперин, 1998), характеризующую содержательную (а не формальную) обобщенность по В.В. Давыдову (Давыдов, 2000; Савельева, 1989). Ошибки некритичного использования связаны с отсутствием у детей средств адекватного анализа предметных ситуаций задачи, что хорошо показано в работе Л.Ф. Обухова (Обухова, 1968): в данном исследовании испытуемые 6 класса перестали демонстрировать этот тип формализма как только их просили сначала делать рисунок условий задачи.

Попробуем показать на материале современных исследований, как именно деятельностный подход можно использовать в исследованиях и разработке учебных программ в разных предметных областях.

Обсуждение результатов

Условия профилактики ошибок формализма знаний в разных предметных областях

Начальное чтение

Формальные стратегии чтения обнаруживаются уже на начальных этапах его становления при использовании традиционных программ, однако, как и в случае с другими ошибками формализма, внешне такое чтение может выглядеть вполне нормально. Это, во-первых, так называемый феномен «слова-стекла», описанный в работах А.Р. Лурия, С.Н. Карповой и др. (Карпова, Колобова, 1978; Лурия, 1946), при котором предметность ситуации, описываемой словами, затрудняет понимание смысла, сообщаемого этим словом («Какое слово длиннее — змея или червячок?» — «Конечно, змея, червячок ведь маленький»). Во-вторых, автоматизация послогового чтения при полном непонимании смысла. Зачастую можно наблюдать ситуацию, когда дети прочитывают две первые буквы слова, а затем

додумывают его значение. Важно отметить, что все эти ошибки наиболее явно заметны в условиях, когда чтение затруднено (например, нужно прочитать «слипшиеся» слова и понять, о чем идет речь, — см., например, Высоцкая и др., 2024), что опять же говорит о том, что формализм можно выявить только при разработке специальных заданий-ловушек. Как сделать так, чтобы в области начального чтения описанных феноменов формализма не возникало?

Исследования, в которых были предприняты попытки ответить на этот вопрос, проводились еще Д.Б. Элькониным (Эльконин, 1989), в букваре которого дети специально исследовали «работу букв» алфавита и учились при чтении опираться на последующую гласную, а также в работах С.Н. Карповой (Карпова, Колобова, 1978) и других авторов. В недавнем исследовании (Высоцкая и др., 2024) предложено создать в обучении такие условия, в которых ориентировка на предметную действительность, описанную в тексте, стала бы необходимой для успешного выполнения действия чтения. Один из вариантов — так называемое чтение «к концу», когда читается последняя буква последнего слова предложения и строятся догадки, что за осмысленное слово тут могло бы быть, а затем эти догадки проверяются присоединением предыдущей буквы. Таким образом, чтение здесь выступает не как самостоятельное (и часто — формальное!) действие, а как операция по проверке гипотезы о том, что именно так написанное слово может сообщать. Ошибки формального чтения, таким образом, дают возможность понять, как именно нужно выстроить содержание обучения чтению и почему именно так.

Начальная математика

Формализм в области начальной математики в первую очередь заключается в отрыве умения решать математические задачи (текстовые или арифметические) от распознавания ситуаций, для разрешения которых в принципе нужны математические понятия. Традиционная начальная математика построена на постепенном абстрагировании — эмпирическом обобщении по В.В. Давыдову (Давыдов, 2000): от заданий счета, сложения и вычитания количества конкретных объектов дети переходят к работе с абстрактными числовыми значениями. Но часто бывает так, что решение примеров детям удастся, а вот с текстовыми задачами возникают проблемы, ведь в них нужно «вернуться» к предметной ситуации и описать эту ситуацию математически. Подобные трудности часто описываются как отсутствие функциональной математической грамотности —

умения применять математику в жизни (Ковалева и др., 1999). Другими типичными ошибками, связанными с отрывом математики от реальности, являются складывание/вычитание разнородных величин, работа с пропорциональными величинами как с абсолютными (складывание/вычитание скоростей, процентов и пр.), проблемы с дробями и пр. Какие условия обучения могут помочь избежать такого формализма? С точки зрения В.В. Давыдова (Давыдов, 1962), число должно появляться при решении специальных практических задач — это задачи предсказания, хватит ли одних объектов/величин для других или сколько других нужно взять. Во всех этих задачах (называемых задачами комплектования) есть единица уравнивания — «болт — гайка», «рубашка — две пуговицы», и каждую из этих единиц можно обозначить меткой (а затем посчитать эти метки). Аналогичная задача может быть поставлена с величинами (например, нужно подобрать подоконник такой же длины, как длина оконного проема). Таким образом, число приобретает осмысленность, если им описываются уже уравненные части (мерки) двух дискретных количеств или двух величин. Типичные затруднения (ошибки формализма) детей здесь связываются с отсутствием у учащихся специальных модельных средств — единиц уравнивания, которые необходимо формировать в процессе обучения (Лобанова, Высоцкая, 2024). Таким образом, и в области начальной математики ошибки формализма также указывают прямой путь к тому, что необходимо изменить в содержании обучения начальной математике.

Обучение языку

Одной из ключевых линий курса русского языка является введение детей в специфику языковой действительности. Однако по факту освоение этой действительности на всех уровнях («слово» — «предложение» — «текст») в традиционных программах происходит формально. Правила графики, орфографии, морфологии, синтаксиса используются только в школьных заданиях, у детей не возникает понимания того, для чего они нужны, и в итоге возникают многочисленные ошибки (написание «как слышится», путаница в правилах проверки орфограмм, путаница с морфологическим анализом и определением частей речи, членов предложения, непонимание художественных текстов и т.д.). Почему возникают эти ошибки и как сделать так, чтобы их не было? Причина в специфике обучения языку: в таком обучении речь всегда идет об анализе соотношения формы и смысла, то есть об анализе тех «сообщений», которые передаются

единицами языка (Давыдов, 2000). Так, обучение морфемному анализу может строиться так, чтобы распознавание и выделение морфем опиралось на понимание специфических сообщений, передаваемых каждой морфемой (числа, падежа и т.д.) (Айдарова, 1978). На уровне отдельных фонем речь идет про неизменный фонемный состав (в отличие от изменчивого звукового и буквенного); сохранение фонемного состава слова (а значит — орфографическое написание) необходимо для того, чтобы слово было «узнано» читателем (а значение слова тем самым передано), — и важно сохранять это постоянство на письме, при этом правильно озвучивая слова в устной речи (Репкин и др., 2010). На уровне текста важно разбирать не то, о чем в нем говорится (как это часто происходит на уроках), а соотносить то, что сказано, с тем, как именно это сказано. Так, в основе разработки программ обучения литературному чтению Г.Н. Кудиной и З.Н. Новлянской (Кудина, Новлянская, 1996) лежит идея выделения и опробования детьми разных позиций — автора, читателя, критика, а также позиций внутри текста (рассказчик, герой). Постановка в эти позиции самих детей позволяет обсуждать языковые формы их выражения. Таким образом, аналогично начальному чтению и математике, ошибки формализма в обучении родному языку указывают путь совершенствования процесса такого обучения.

Заключение

В данной работе выделены и обобщены различные подходы к анализу функционального смысла ошибок формализма школьных знаний. Показано, что в большинстве таких подходов ошибки формализма рассматриваются негативно — как то, чего необходимо избегать, в то время как в рамках деятельностного подхода ошибки формализма специально провоцируются, предоставляя учителю и разработчику программы обратную связь о том, как соотносится то, чему и как учат, с тем, что получается «на выходе» в виде результата. Настоящая линия исследований, заложенная трудами П.Я. Гальперина и В.В. Давыдова, позволит сделать деятельностный подход действительной методологией исследований в области психологии учения.

Список литературы

Айдарова, Л.И. (1978). Психологические проблемы обучения младших школьников русскому языку. Москва: Изд-во «Педагогика».

Беспалько, В.П. (2002). Образование и обучение с участием компьютеров (педагогика третьего тысячелетия). Москва: Изд-во Московского психолого-социального ун-та; Воронеж: Изд-во «МОДЭК».

Божович, Л.И. (1980). Психологический анализ формализма в усвоении школьных знаний. В кн.: Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. Под ред. И.И. Ильева, В.Я. Ляудис. (С. 282–290). Москва: Изд-во Московского ун-та.

Выготский, Л.С. (1996). Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте. *Психологическая наука и образование*, (4), 5–18. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/1996_n4/Vygotsky (дата обращения: 09.04.2025).

Выготский, Л.С. (1999). Мышление и речь. Москва: Изд-во «Лабиринт».

Высоцкая, Е.В., Лобанова, А.Д., Сиднева, А.Н. (2024). Переход от букв к слову: к проблеме осмысленности начального чтения дошкольников и первоклассников. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(1), 207–226. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-09>

Гальперин, П.Я. (1992). Ответы на вопросы корреспондента журнала «Estudios de psicologia». *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (4), 3–10.

Гальперин, П.Я. (1998). Разумность действий и предмет науки. В кн.: Психология как объективная наука: избранные психологические труды. (С. 318–332). Москва: Изд-во Московского психолого-социального ун-та; Воронеж: Изд-во «МОДЭК».

Давыдов, В.В. (1962). Анализ строения счета как предпосылка построения программы по арифметике. В кн.: Вопросы психологии учебной деятельности младших школьников. Под ред. Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова. (С. 50–184). Москва: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР.

Давыдов, В.В. (2000). Виды обобщения в обучении. Москва: Изд-во «Педагогика».

Диагностика учебной успешности в начальной школе. (2009). Под ред. П.Г. Нежнова, И.Д. Фрумина, Б.И. Хасана, Б.Д. Эльконина. Москва: Изд-во Института развития образования.

Зимняя, И.А. (2009). Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования. *Эксперимент и инновации в школе*, (2), 7–14.

Зинченко, П.И. (1961). Непроизвольное запоминание. Москва: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР.

Казанская, К.О., Ромашук, А.Н. (2021). Проблема перехода от житейских к научным понятиям: подход концептуальных изменений и школа Л.С. Выготского. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (3), 239–259. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.03.12>

Карпова, С.Н., Колобова, И.Н. (1978). Особенности ориентировки на слово у детей. Москва: Изд-во Московского ун-та.

Ковалева, Г.С., Красновский, Э.А., Краснокутская, Л.П., Краснянская, К.А. (1999). Изучение знаний и умений учащихся в рамках Международной Про-

граммы PISA. Общие подходы. Москва: Изд-во Института общего среднего образования РАО.

Кудина, Г.Н., Новлянская, З.Н. (1996). Основные принципы и методы экспериментального курса «Литература как предмет эстетического цикла». *Психологическая наука и образование*, 1(4), 48–52. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/1996_n4/Kudina (дата обращения: 09.04.2025).

Леонтьев, А.Н. (1998). Психологические вопросы сознательности учения. В кн.: *Теории учения*. Хрестоматия. Под ред. Н.Ф. Талызиной, И.А. Володарской. (С. 17–38). Москва: Изд-во Российского психологического общества.

Лидерс, А.Г., Фролов, Ю.И. (2006). Метод планомерного формирования в истории отечественной психологии. *Культурно-историческая психология*, (2), 60–67. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2006_n2/Liders (дата обращения: 09.04.2025).

Лобанова, А.Д., Высоцкая, Е.В. (2024). Возможности опосредствования решения арифметических задач третьеклассниками: процедура «комплектования». *Психологическая наука и образование*, 29(1), 87–98. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290107>

Логинова, А.В. (2015). Профессиональная деформация личности педагога и пути ее преодоления. *Молодой ученый*, (11), 1750–1752.

Лурия, А.Р. (1946). О патологии грамматических операций. *Известия Академии педагогических наук РСФСР*, (3), 61–98.

Международная стандартная классификация образования МСКО-2011. (2013). Канада: Изд-во Института статистики ЮНЕСКО.

Обухова, Л.Ф. (1968). Формирование системы физических понятий в применении к решению задач. В кн.: *Зависимость обучения от типа ориентировочной деятельности: сборник статей*. Под ред. П.Я. Гальперина, Н.Ф. Талызиной. (С. 153–186). Москва: Изд-во Московского ун-та.

Пиаже, Ж., Инельдер, Б. (2002). Генезис элементарных логических структур: классификация и сериация. Москва: Изд-во «Эксмо-Пресс».

Потанина, А.М., Цыганов, И.Ю., Моросанова, В.И. (2023). Типологические особенности ресурсов успеваемости обучающихся в зависимости от профиля школьной вовлеченности в разные периоды обучения. *Национальный психологический журнал*, 18(4), 188–205. <https://doi.org/10.11621/nprj.2023.0416>

Равен, Дж. (2002). Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. Москва: Изд-во «Когито-Центр».

Репкин, В.В., Восторгова, Е.В., Некрасова, Т.В. (2010). Русский язык. В кн.: *Сборник примерных программ для начальной школы (система Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова)*. Под ред. А.Б. Воронцова. (С. 33–84). Москва: Изд-во «Вита-пресс».

Ромашук, А.Н. (2009). Функциональный анализ эгоцентрического мышления: Автореф. дисс. канд. психол. наук. Москва.

Российская социологическая энциклопедия. (1999). Под ред. Г.В. Осипова. Москва: Изд-во «НОРМА-ИНФРА-М».

Савельева, О.В. (1989). Психологические критерии качества знаний младших школьников: Автореф. дисс. канд. пед. наук. Москва.

Симонов, В.П. (1999). Диагностика степени обученности учащихся. Москва: Изд-во «МПА».

Скаткин, М.Н. (1947). Формализм в знаниях учащихся и пути его преодоления. Москва: Изд-во «Учпедгиз».

Славина, Л.С. (1998). Трудные дети. Москва: Изд-во Московского психолого-социального ун-та; Воронеж: Изд-во «МОДЭК».

Фельдштейн, Д.И. (1989). Формализм в воспитании и неформалы. *Вопросы психологии*, (4), 24–30. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1989/894/894024.htm> (дата обращения: 09.04.2025).

Формализм в обучении. (2024). Большая российская энциклопедия, 28 декабря 2024 г. URL: <https://bigenc.ru/c/formalizm-v-obuchenii-6fe4cf> (дата обращения: 13.04.2025).

Цукерман, Г.А., Ермакова, И.В. (2003). Развивающие эффекты системы Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова. Взгляд со стороны компетентностного подхода. *Психологическая наука и образование*, 8(4), 56–73. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2003_n4/Tsukerman (дата обращения: 09.04.2025).

Щедровицкий, Г.П. (2004). Психология и методология. Москва: Изд-во «Путь».

Эльконин, Д.Б. (1989). Как учить детей читать. В кн.: Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. (С. 381–405). Москва: Изд-во Академии педагогических наук СССР.

Anderson, L.W., Krathwohl, D.R., Airasian, P.W., Cruikshank, K.A., Mayer, R., Pintrich, P.R., Rath, J.D., Wittrock, M.C. (2001). A taxonomy for learning, teaching, and assessing: a revision of Bloom's taxonomy of educational objectives. New York: Longman Publ.

Arinushkina, A.A., Morozov, A.V., Robert, I.V. (2023). Impact of digitalization in a changing educational environment. Preface. Hershey: IGI Global Publ. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0433-4>

Bloom, B.S., Engelhart, M.D., Furst, E.J., Hill, W.H., Krathwohl, D.R. (1956). Taxonomy of educational objectives: the classification of educational goals. In *Handbook: Cognitive domain*. (pp. 1103–1133). New York: Longman Publ.

Entwistle, N.J., Hanley, M., Ratcliffe, G. (1979). Approaches to learning and levels of understanding. *British Educational Research Journal*, 5(1), 99–114. <https://doi.org/10.1080/0141192790050110>

Fransson, G., Holmberg, J., Lindberg, O.J., Olofsson, A.D. (2018). Digitalise and capitalise? Teachers' self-understanding in 21st-century teaching contexts. *Oxford Review of Education*, 45(1), 102–118. <https://doi.org/10.1080/03054985.2018.1500357>

Marton, F., Säljö, R. (1976). On qualitative differences in learning: I. Outcome and process. *British Journal of Educational Psychology*, 46(1), 4–11. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8279.1976.tb02980.x>

Mullis, I.V.S., Kennedy, A.M., Martin, M.O., Sainsbury, M. (2006). PIRLS 2006. Assessment Framework and Specifications. Progress in International Reading Literacy Study. Boston: TIMSS & PIRLS International Study Center Publ.

Özdemir, G., Clark, D.B. (2007). An overview of conceptual change theories. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 3(4), 351–361. <https://doi.org/10.12973/ejmste/75414>

Rohwer, W.D., Thomas, J.W. (1989). Domain-specific knowledge, metacognition, and the promise of instructional reform. In: C.B. McCormick, G. Miller, M. Pressley, (eds.). *Cognitive strategy research: from basic research to educational applications*. (pp. 104–132). New York: Springer-Verlag Publ. https://doi.org/10.1007/978-1-4613-8838-8_5

Romashchuk, A.N. (2023). Activity-based approach to the teaching and psychology of insightful problem solving: scientific concepts as a form of constructive criticism. *Psychology in Russia: State of the Art*, 16(3), 14–29. <https://doi.org/10.11621/pir.2023.0302>

Veenman, M.V.J., Van Hout-Wolters, B.H.A.M., Afflerbach, P. (2006). Metacognition and learning: conceptual and methodological considerations. *Metacognition and Learning*, 1, 3–14. <https://doi.org/10.1007/s11409-006-6893-0>

Vosniadou, S. (2019). The development of students' understanding of science. *Frontiers in Education*, (4), 1–6. <https://doi.org/10.3389/feduc.2019.00032>

Vysotskaya, E.V., Lobanova, A.D., Yanishevskaya, M.A., Khrebtova, S.B. (2022). An approach to teacher training based on the “technological” content of primary science education. *New Ideas in Child and Educational Psychology*, 1-2(2), 49–65. <https://doi.org/10.11621/nicep.2022.0202>

References

Aidarova, L.I. (1978). Psychological problems of teaching Russian to younger schoolchildren. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)

Anderson, L.W., Krathwohl, D.R., Airasian, P.W., Cruikshank, K.A., Mayer, R., Pintrich, P.R., Rath, J.D., Wittrock, M.C. (2001). A taxonomy for learning, teaching, and assessing: a revision of Bloom's taxonomy of educational objectives. New York: Longman Publ.

Arinushkina, A.A., Morozov, A.V., Robert, I.V. (2023). Impact of digitalization in a changing educational environment. Preface. Hershey: IGI Global Publ. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-0433-4>

Bespalko, V.P. (2002). Computer-assisted education and training (pedagogy of the third millennium). Moscow: Moscow Psychology-Social Institute Publ.; Voronezh: MODEK Publ. (In Russ.)

Bloom, B.S., Engelhart, M.D., Furst, E.J., Hill, W.H., Krathwohl, D.R. (1956). Taxonomy of educational objectives: the classification of educational goals. In *Handbook: Cognitive domain*. (pp. 1103–1133). New York: Longman Publ.

Bozhovich, L.I. (1980). Psychological analysis of formalism in the assimilation of school knowledge. In: I.I. Il'yasov, V.Ya. Lyaudis, (eds.). A textbook on age and educational psychology. (pp. 282–290). Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)

Davydov, V.V. (1962). Analysis of the structure of the account as a prerequisite for building an arithmetic program. In: D.B. El'konin, V.V. Davydov, (eds.). Questions of psychology of educational activity of primary school students. (pp. 50–184). Moscow: Academy of Pedagogical Sciences RSFSR Publ. (In Russ.)

Davydov, V.V. (2000). Types of generalization in teaching. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)

Diagnosis of academic success in elementary school. (2009). P.G. Nezhnov, I.D. Frumin, B.I. Khasan, B.D. El'konin, (eds.). Moscow: Institute of Educational Development Publ. (In Russ.)

El'konin, D.B. (1989). How to teach children to read. In: Elkonin D.B. Selected psychological works. (pp. 381–405). Moscow: Academy of Pedagogical Sciences RSFSR Publ. (In Russ.)

Entwistle, N.J., Hanley, M., Ratcliffe, G. (1979). Approaches to learning and levels of understanding. *British Educational Research Journal*, 5(1), 99–114. <https://doi.org/10.1080/0141192790050110>

Fel'dshtein, D.I. (1989). Formalism in education and informals. *Voprosy psikhologii*, (4), 24–30. (In Russ.)

Formalism in teaching. (2024). The Great Russian Encyclopedia, December 28, 2024. URL: <https://bigenc.ru/c/formalizm-v-obuchenii-6fe4cf> (дата обращения: 13.04.2025).

Fransson, G., Holmberg, J., Lindberg, O.J., Olofsson, A.D. (2018). Digitalise and capitalise? Teachers' self-understanding in 21st-century teaching contexts. *Oxford Review of Education*, 45(1), 102–118. <https://doi.org/10.1080/03054985.2018.1500357>

Gal'perin, P.Ya. (1992). Answers to the questions of the correspondent of the magazine “Estudios de psicologia”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, (4), 3–10. (In Russ.)

Gal'perin, P.Ya. (1998). Reasonableness of actions and the subject of science. In: Psychology as an objective science: selected psychological works. (pp. 318–332). Moscow: Moscow Psychology-Social Institute Publ.; Voronezh: MODEK Publ. (In Russ.)

Karpova, S.N., Kolobova, I.N. (1978). Features of word orientation in children. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)

Kazanskaya, K.O., Romashchuk, A.N. (2021). The problem of transition from everyday to scientific concepts: the approach of conceptual changes and the School of L.S. Vygotsky. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, (3), 239–259. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.03.12>

Kovaleva, G.S., Krasnovskii, E.A., Krasnokutskaya, L.P., Krasnyanskaya, K.A. (1999). The study of students' knowledge and skills in the framework of the International PISA Program. Common approaches. Moscow: Institute of General Secondary Education of the RAE Publ. (In Russ.)

Kudina, G.N., Novlyanskaya, Z.N. (1996). Basic principles and methods of the experimental course "Literature as a subject of the aesthetic cycle". *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 1(4), 48–52. (In Russ.)

Leont'ev, A.N. (1998). Psychological issues of the consciousness of teaching. In: N.F. Talyzina, I.A. Volodarskaya, (eds.). *Theories of teaching. The textbook*. (pp. 17–38). Moscow: Russian Psychological Society Publ. (In Russ.)

Liders, A.G., Frolov, Yu.I. (2006). The method of systematic formation in the history of Russian psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, (2), 60–67. (In Russ.)

Lobanova, A.D., Vysotskaya, E.V. (2024). The mediation of arithmetic problem-solving by third-graders: the procedure of "assembling sets". *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 29(1), 87–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2024290107>

Loginova, A.V. (2015). Professional deformation of the teacher's personality and ways to overcome it. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, (11), 1750–1752. (In Russ.)

Luriya, A.R. (1946). On the pathology of grammatical operations. *Izvestiya Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR = News of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR*, (3), 61–98. (In Russ.)

Marton, F., Säljö, R. (1976). On qualitative differences in learning: I. Outcome and process. *British Journal of Educational Psychology*, 46(1), 4–11. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8279.1976.tb02980.x>

Mullis, I.V.S., Kennedy, A.M., Martin, M.O., Sainsbury, M. (2006). PIRLS 2006. Assessment Framework and Specifications. Progress in International Reading Literacy Study. Boston: TIMSS & PIRLS International Study Center Publ.

Obukhova, L.F. (1968). Formation of a system of physical concepts applied to problem solving. In: P.Ya. Gal'perin, N.F. Talyzina, (eds.). *The dependence of learning on the type of orientation activity: collection of articles*. (pp. 153–186). Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)

Özdemir, G., Clark, D.B. (2007). An overview of conceptual change theories. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 3(4), 351–361. <https://doi.org/10.12973/ejmste/75414>

Piazhe, Zh., Inel'der, B. (2002). The genesis of elementary logical structures: classification and serialization. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)

Potantina, A.M., Tsyganov, I.Yu., Morosanova, V.I. (2023). Typological features of academic achievement resources in relation to different school engagement profiles during different periods of education. *National Psychological Journal*, 18(4), 188–205. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0416>

Raven, Dzh. (2002). Competence in modern society: identification, development and implementation. Moscow: Kogito-Tsentr Publ. (In Russ.)

Repkin, V.V., Vostorgova, E.V., Nekrasova, T.V. (2010). Russian language. In: A.B. Vorontsov, (ed.). *Collection of sample programs for elementary schools (D.B. Elkonin — V.V. Davydov system)*. (pp. 33–84). Moscow: Vita-Press. (In Russ.)

Rohwer, W.D., Thomas, J.W. (1989). Domain-specific knowledge, metacognition, and the promise of instructional reform. In: C.B. McCormick, G. Miller, M. Pressley,

(eds.). Cognitive strategy research: from basic research to educational applications. (pp. 104–132). New York: Springer-Verlag Publ. https://doi.org/10.1007/978-1-4613-8838-8_5

Romashchuk, A.N. (2023). Activity-based approach to the teaching and psychology of insightful problem solving: scientific concepts as a form of constructive criticism. *Psychology in Russia: State of the Art*, 16(3), 14–29. <https://doi.org/10.11621/pir.2023.0302>

Romashchuk, A.N. (2009). Functional analysis of egocentric thinking. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. (In Russ.)

Savel'eva, O.V. (1989). Psychological criteria for the quality of knowledge of primary school students. Summ. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow. (In Russ.)

Shchedrovitskii, G.P. (2004). Psychology and methodology. Moscow: Put' Publ. (In Russ.)

Simonov, V.P. (1999). Diagnostics of the degree of students' learning. Moscow: MPA Publ. (In Russ.)

Skatkin, M.N. (1947). Formalism in students' knowledge and ways to overcome it. Moscow: Uchpedgiz Publ. (In Russ.)

Slavina, L.S. (1998). Difficult children. Moscow: Moscow Psychology-Social Institute Publ.; Voronezh: MODEK Publ. (In Russ.)

The International Standard Classification of Education ISCED 2011. (2013). Canada: UNESCO Institute of Statistics Publ. (In Russ.)

The Russian Sociological Encyclopedia. (1999). G.V. Osipov, (ed.). Moscow: NORMA-INFRA-M Publ. (In Russ.)

Tsukerman, G.A., Ermakova, I.V. (2003). Developmental effects of the D.B. Elkonin–V.V. Davydov system. A view from the competence approach. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 8(4), 56–73. (In Russ.)

Veenman, M.V.J., Van Hout-Wolters, B.H.A.M., Afflerbach, P. (2006). Metacognition and learning: conceptual and methodological considerations. *Metacognition and Learning*, 1, 3–14. <https://doi.org/10.1007/s11409-006-6893-0>

Vosniadou, S. (2019). The development of students' understanding of science. *Frontiers in Education*, (4), 1–6. <https://doi.org/10.3389/educ.2019.00032>

Vygotskii, L.S. (1996). The problem of learning and mental development at school age. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, (4), 5–18. (In Russ.)

Vygotskii, L.S. (1999). Thinking and speech. Moscow: Labirint Publ. (In Russ.)

Vysotskaya, E.V., Lobanova, A.D., Sidneva, A.N. (2024). Transition from letters to words: meaningfulness in preschoolers' and first graders' initial reading. *Lomonosov Psychology Journal*, 47(1), 207–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-09>

Vysotskaya, E.V., Lobanova, A.D., Yanishevskaya, M.A., Khrebtova, S.B. (2022). An approach to teacher training based on the “technological” content of primary science education. *New Ideas in Child and Educational Psychology*, 1–2(2), 49–65. <https://doi.org/10.11621/nicep.2022.0202>

Zimnyaya, I.A. (2009). Key competencies — a new paradigm of the result of modern education. *Ekspерiment i innovatsii v shkole = Experiment and Innovation at School*, (2), 7–14. (In Russ.)

Zinchenko, P.I. (1961). Involuntary memorization. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences RSFSR Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анастасия Николаевна Сиднева, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории консультативной психологии и психотерапии Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, asidneva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9815-9049>

ABOUT THE AUTHORS

Anastasia N. Sidneva, Cand. Sci. (Psychol.), Research Associate at the Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, asidneva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9815-9049>

Поступила 10.02.2025. Получена после доработки 01.04.2025. Принята в печать 23.04.2025.

Received 10.02.2025. Revised 01.04.2025. Accepted 23.04.2025.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / THEORETICAL STUDIES

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-11>
УДК/UDC 159.923.2

Эмпирический анализ психосемантического пространства самоопределения

Д.Н. Долганов ✉

Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

✉ dodn-b@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В связи с постоянно обновляющимся курсом на развитие в масштабах государства растет спрос на активную, самоопределяющуюся личность. В связи с чем феномен самоопределения не только становится теоретическим конструктом междисциплинарного дискурса, но и представляет вполне отчетливый практический интерес с позиции развития практик образования, обеспечивающих становление субъектности.

Цель. Первичный эмпирический анализ особенностей психосемантического пространства самоопределения. Основная задача исследования — выделить и описать факторную структуру психосемантического пространства восприятия ситуаций самоопределения.

Выборка. На этапе апробации семантического дифференциала участвовало 300 человек, студенты вузов г. Тюмени, гуманитарного, естественнонаучного направлений подготовки. Из них: женщин — 230 человек (76,6 %); мужчин — 70 человек (23,4 %). Средний возраст 24,8 года.

Методы. Использована авторская версия семантического дифференциала оценки ситуаций самоопределения, включающая 25 однополярных признаков оценки.

Результаты. Выделено четыре фактора. Первый фактор включает переменные, которые позволяют охарактеризовать восприятие ситуации самоопределения в позитивном ключе, через переживание положительных эмоций и чувств. Второй фактор включает набор переменных, характеризующих ситуацию самоопределения с позиции анализа ситуации и рациональности. Третий фактор по совокупности переменных указывает на управление содержанием деятельности в заданных рамках. Четвертый фактор двухполюсный и включает две переменные безразличия — активность.

Выводы. Выделенные факторы можно соотнести с моделью системного описания В.А. Ганзена. Кроме того, факторная структура сопоставима с моделью Ч. Осгуда. Соотнесение с данными моделями позволяет охарактеризовать структурные и функциональные аспекты самоопределения.

Ключевые слова: самоопределение, психосемантика, личность, ценностные ориентации, деятельность

Для цитирования: Долганов, Д.Н. (2025). Эмпирический анализ психосемантического пространства самоопределения. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 32–59. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-11>

Empirical Analysis of the Psychosemantic Space of Self-Determination

Dmitry N. Dolganov ✉

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

✉ dodn-b@yandex.ru

Abstract

Background. With the current course for development on a national scale, the demand for an active, self-determining personality is growing. In this regard, the issue of self-determination becomes not only a theoretical construct of interdisciplinary discourse, but also represents a very clear practical interest from the standpoint of devising educational practices that ensure the development of subjectivity.

Objective. This work aims at carrying out the primary empirical analysis of the psychosemantic space of self-determination. The main objective of the study is to identify and describe the factor structure of the psychosemantic space of perception of self-determination situations.

Study Participants. At the stage of testing the semantic differential, 300 students in humanities and science of Tyumen universities participated, including 230 women (76.6 %) and 70 men (23.4 %). The average age is 24.8 years.

Methods. A special version of the semantic differential with 25 unipolar evaluation features was used to assess self-determination situations.

Results. Four factors were identified. The first factor includes a set of variables that allow us to characterize the perception of self-determination positively and experience positive emotions and feelings. The second factor includes variables that characterize self-determination situations from the standpoint of situational

analysis and rationality. The third factor as a set of variables indicates management of activity content within a given framework. The fourth factor is bipolar, including two variables: indifference and activity.

Conclusions. The identified factors can be interpreted within the context of V.A. Ganzen's system description principles. Moreover, the factor structure is comparable with the model of Ch. Osgood. Correlation with these models allows us to characterize the structural and functional aspects of self-determination.

Keywords: self-determination, psychosemantics, person, value orientations, activity

For citation: Dolganov, D.N. (2025). Empirical analysis of the psychosemantic space of self-determination. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 32–59. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-11>

Введение

Понятие «самоопределение» в психологической науке является достаточно устоявшимся термином. Однако при рассмотрении структуры и функционально-динамических проявлений процесса самоопределения возникает множественность трактовок, отчасти обусловленная тем, что самоопределение является и процессом, и результатом, что позволяет говорить о его структуре, функциях, динамике, эффектах (результатах). Например, в словарных статьях энциклопедического словаря-справочника встречается некоторое множество трактовок понятия. Самоопределение трактуется как: характеристика развивающейся личности; механизм личностной зрелости; один из видов универсальных учебных действий; противоположность конформизму. В собственно словарной статье «Самоопределение» мы видим выделение трех основных линий: самоопределение как обнаружение и утверждение своей позиции в контексте проблемной ситуации; самоопределение как механизм личностной зрелости, который заключается в выборе субъектом своего места в системе отношений; самоопределение как период на стыке подросткового и юношеского периодов, заключающийся в синхронизации ценностно-смысловых оснований (Энциклопедический психологический словарь-справочник, 2021).

Параллельно, учитывая аспекты функционирования современного общества, мы видим своего рода социальный заказ на форми-

рование самоопределяющейся, социально ответственной, самоорганизующейся, инновационной личности гражданина и специалиста. В связи с данным обстоятельством феномен самоопределения не только становится теоретическим конструктом междисциплинарного дискурса, но и представляет вполне отчетливый практический интерес с позиции развития практик образования, обеспечивающих становление субъектности.

Теоретическое поле понятия «самоопределение»

В зависимости от того, с какой позиции авторы рассматривают понятие «самоопределение», можно выделить несколько фокусов. Исследуется самоопределение как целостная система, рассматриваются все основные аспекты и виды самоопределения; предпринимаются попытки формулировки интегрального определения и обобщения имеющихся взглядов. Понятие «самоопределение» соотносится с понятием идентичности, самодетерминации.

Н.С. Бастракова, проводя тщательный анализ понятия «самоопределение», указывает, что его нужно рассматривать и как процесс, и как результат некой специфичной деятельности, которая развивается во времени, в системах отношений с собой и обществом, определяет выделение личностных смыслов, обретение идентичности и умение планировать и управлять собственной жизнью. Описывается структура самоопределения: целеполагание как определение жизненных ориентиров; ресурсы как способы действия; выбор и принятие решения, которые, по мнению автора, завершают процесс самоопределения (не вообще, а отдельной итерации); оценка эффективности, появляющаяся в сличении полученных результатов с затраченными усилиями. В целом данная работа вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, достаточно подробно и на многих уровнях психического рассмотрен феномен самоопределения, но с другой стороны, обобщенные «синтетические» определения не вносят большой ясности в понимание явления. Несколько линейно выглядит описанная структура, которая вполне соотносима со структурой деятельности (от постановки цели до выбора способа действия и реализации задуманного через волевой переход к действию). Причем, к сожалению, в описанной структуре отражены преимущественно внутренние компоненты, тогда как проактивное (инициативное) действие на основе принятого решения умалчивается (Бастракова, 2020).

С.Н. Щеклеина, анализируя представления о разных видах самоопределения, приходит к выводу о том, что интегральное понятие самоопределения представлено его различными разновидностями, и особую роль среди них играет социальное самоопределение, которое выступает как самостоятельный вид и в то же время включает в себя другие разновидности самоопределения (нравственное, личное, профессиональное, жизненное). Однако остается открытым вопрос о необходимости выделения категории социальное самоопределение, если по объему оно сопоставимо с понятием самоопределения вообще. Но тем не менее сама попытка вполне оправдана, так как позволяет отнестись к явлению самоопределения структурно (Щеклеина, 2010).

Е.Б. Филинкова высказывает идею о том, что разделение самоопределения на различные виды является искусственным приемом, наподобие тому, как в психологии познавательных процессов мы можем дифференцировать отдельные процессы, но при этом понимая целостность самого акта познания. Поддерживая эту мысль автора, мы можем добавить, что различные виды самоопределения отличаются друг от друга предметной направленностью. Тогда как механизмы, по-видимому, должны быть достаточно универсальны (Филинкова, 2017).

Н.Л. Иванова предлагает достаточно интересный взгляд на понимание самоопределения на примере самоопределения в сфере бизнеса. Здесь самоопределение представляет собой процесс, в ходе которого конструируется социальная идентичность и способ принятия решений (Иванова, 2011). Соотнесение понятий идентичности и самоопределения встречается и в других работах. М.В. Рязанцева отмечает, что в зарубежной психологии наиболее близким к понятию самоопределения выступает понятие идентичности. Отмечается влияние предметной деятельности (в форме практики) на процесс профессионального самоопределения (Рязанцева, 2015).

Среди зарубежных подходов к проблеме самоопределения наиболее широко распространенным подходом является теория самодетерминации Эдварда Л. Деси и Ричарда М. Райна, как на это указывает И.Ю. Лабзова. Наиболее характерно использование понятия самодетерминации через соотнесение с набором базовых потребностей человека, определяющих рост, развитие и активность в различных сферах жизнедеятельности (Лабзова, 2017).

М.М. Одинцова и соавторы, рассматривая понятие самодетерминации, предлагают трехуровневую модель: первый уровень —

функциональная самодетерминация, реализуемая через адаптивность, поддержание напряженности развития, общими принципами функционирования живых систем; второй уровень — деятельностная самодетерминация, которая проявляется как целевой аспект активности субъекта; третий уровень — смысловая самодетерминация, предопределяющая свободу выбора. Важным моментом является эмпирическая проверка данной модели, которая позволила выделить значимость обыденных экспликаций субъективного опыта в области представлений о самодетерминации (Одинцова и др., 2023). Развивая эту мысль, мы можем говорить о том, что относительно самоопределения мы также можем выделить уровень семантических категорий, в которых зафиксированы представления о ситуациях, условиях и результатах самоопределения.

Анализ структуры и механизмов самоопределения позволяет выделить как очень важный его компонент — ценности. Н.В. Нарыков, Т.Г. Анистратенко предлагают изучать самоопределение на междисциплинарной основе как целостность. Самоопределение обобщается ими как форма социальной рефлексии. Рассуждая о самоопределении минимального (массового) человека (представителя массового сознания как социального актора), авторы утверждают, что самоопределение проявляется в исключении из ценностного пространства тех ценностей, которые выходят за пределы индивидуального благополучия (Нарыков, Анистратенко, 2017). В данном положении мы можем видеть работающий принцип и для других уровней социально-личностной организации. В этом смысле можно экстраполировать принцип исключения ценностей на разные типы ценностных ориентаций, описанных М.С. Яницким. Для адаптирующегося типа ценностных ориентаций мы видим соотношение с понятием минимального человека и ориентацию на адаптацию, выживание, приспособление. Для социализирующегося типа характерна ориентация на традиционные ценности и семейные группы. Для индивидуализирующегося типа свойственна ориентация на индивидуализацию и развитие (Яницкий, 2012). Соответственно, в каждом случае мы можем говорить о том, что субъект, принимая то или иное решение, будет руководствоваться принципом исключения ценностей, не соответствующих ориентиру благополучия. В первом варианте это ценности личного благополучия, во втором случае ценности референтных групп, в третьем случае вновь индивидуальные ориентиры, но связанные с личностным ростом и развитием. Ю.В. Селиванова с соавторами, разрабатывая диагностическую методику оценки личностного самоопределения, отталкиваются от выделенной

ими взаимосвязи самоопределения и адаптационной готовности. Утверждается, что личностная активность связана с уровнем адаптивности в образовательной среде. Конечно, стоит отметить, что данные результаты получены на выборке студентов с ограниченными возможностями здоровья. Но тем не менее данный факт также укладывается в выделенные аспекты самоопределения (Селиванова и др., 2021).

О.К. Позднякова на основе проведенного обобщающего анализа выводит следующее определение: «...самоопределение личности есть и процесс, и результат выбора человеком собственной позиции, есть выбор им отношений, образующих содержание позиции, есть выбор ценностей, направленность на которые составляет ценностные ориентации личности, становящиеся ядром самоопределения» (Позднякова, 2021, с. 273). В этом определении, на наш взгляд, звучит очень важная мысль о том, что самоопределение — это не только выбор в предметном содержании, но это всегда еще и позиционность, опосредуемая отношениями и регулируемая ценностями. Данный взгляд сопоставим с представлениями К.А. Абульхановой, которая, развивая идеи С.Л. Рубинштейна, формулирует идею самоопределения через соотношение внешнего и внутреннего. Проблему самоопределения составляют противоречия между внешними требованиями и условиями, предъявляемыми субъекту, и внутренними потребностями, способностями, возможностями самого субъекта. Важным моментом является возможность выделения значимого противоречия (проблемы) для данного субъекта. И только умение выделить данное противоречие позволяет определить способы удовлетворения актуальных потребностей. Взаимодействуя с миром, личность проходит несколько стадий. Первая стадия — личность не выделена из общего хода событий; вторая стадия — выделение себя из потока событий посредством самоопределения к ним; на третьем, высшем уровне, личность начинает управлять траекторией жизни. Таким образом, личностное развитие здесь представлено как переход от изменчивой и зависимой от внешнего мира жизнедеятельности к устойчивому самодетерминированному бытию (Абульханова, Березина, 2001). В более частном варианте похожая мысль встречается в работе О.М. Краснорядцевой. Анализируя особенности самоопределения студентов, автор указывает, что значимым моментом в этом процессе является способность личности привести свой образ жизни в соответствие с имеющимся образом мира, который представлен как ценностно-смысловая реальность (Краснорядцева, 1999).

М.Р. Гинзбург рассматривает самоопределение личности как явление, лежащее в двух плоскостях. Первая плоскость — ценностно-смысловая, вторая плоскость — временная. Если в ценностно-смысловом поле формируются жизненные смыслы, то во временной плоскости возникает пространство реального или потенциального действия и реализации смыслов (Гинзбург, 1994).

А.Б. Купрейченко, А.Е. Воробьева, анализируя различные модели самоопределения, выделили ряд важных характеристик, которые позволяют дифференцировать данный феномен от других явлений: ценностно-смысловые компоненты, которые выступают базой, «стержнем» самоопределения; самоопределение всегда порождает преобразовательную деятельность субъекта; самоопределение является динамическим образованием; наличие субъектных оснований и качеств, иерархически организованных и имеющих субъективную значимость (Купрейченко, Воробьева, 2013).

Н.С. Подходова, Д.К. Бондаренко предлагают рассматривать самоопределение как циклический процесс, протекающий по некоторому стандартному алгоритму. При этом каждый последующий проход цикла не является тождественным по уровню, содержанию, качеству предыдущему. Каждый новый виток — это всегда более высокий уровень. В качестве основной линии, по которой происходит самоопределение, авторы рассматривают ценности, определяющие отношение субъекта к себе, другим, обществу. При переходе с одного уровня ценностей на другой вступают в дело механизмы саморегуляции, обеспечивающие совершение волевого действия. Рассматривая особенности становления самоопределения, авторы полагают, что общекультурные компетенции при определенных условиях, созданных в образовательном пространстве, переходят в ценности учащегося и тем самым наполняют и запускают циклы самоопределения (Подходова, Бондаренко, 2018). В.И. Блинов и соавторы, характеризуя профессиональное самоопределение, указывают на то, что это не разовый акт, а длительный процесс (Блинов и др., 2014).

А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, исследуя феномен самоопределения в экономической сфере жизнедеятельности, указывают на функционально-динамический характер этого процесса. Последующее проявление элементов сдерживания и стимулирования экономической активности рассматривается как основной механизм гармонизации самоопределения. В целом процесс самоопределения идет скачкообразно, что обусловлено переходами на качественно новые уровни жизнедеятельности субъекта. Описан эффект смены

ведущей функции, когда одни и те же элементы экономического самоопределения выполняют то стимулирующую, то сдерживающую функцию (Журавлев, Купрейченко, 2007).

А.Г. Михайлова, анализируя взаимосвязь самоопределения и мотивации личности, указывает на достаточно важный момент. Совершая акт самоопределения, субъект получает возможность почувствовать уверенность и контроль над собственной жизнью, что положительно сказывается на мотивации (Михайлова, 2021). То есть можно говорить о том, что самоопределение является механизмом формирования атрибуции. В случае самоопределения субъект осознает собственную причастность к деятельности, и это проявляется в интернальности. Тогда как при отсутствии самоопределения субъект видит ситуацию как заданную извне и управляемую другими, что является проявлением экстернальности. Таким образом, пространство самоопределения предполагает присутствие и участие других, что можно назвать интерактивностью самоопределения.

В продолжение мысли об интерактивности приведем пример из исследования зарубежных специалистов. Ш. Сян с соавторами, рассматривая вопрос о самоопределении в организационном контексте и в рамках теории Э.Л. Деси и Р.М. Райана, отмечают, что проактивный лидер, который способен делиться знаниями, компетенциями, тем самым способствует удовлетворению ряда потребностей сотрудников и повышению уровня их самоопределения и (что подтверждено эмпирически) дальнейшему распространению знаний между сотрудниками. Данный факт, в соотнесении с выше-сказанным об опосредованной отношениями позиции, позволяет развить тезис об интерактивности как одном из частных механизмов самоопределения: учет отношения другого к себе, к предметному содержанию регулируют выбор или игнорирование позиции (Xiang et al., 2021).

Интересными представляются взгляды В.Н. Иванченко и Е.С. Плотниковой. Авторы, анализируя представления о понятии самоопределения, указывают на то, что структурно его можно представить в трех уровнях: когнитивный уровень — субъект мыслит себя в различных позициях; поведенческий уровень — субъект совершает конкретные действия; регулятивный уровень — синхронизирует когнитивный и поведенческий уровни за счет норм и ценностей (Иванченко, Плотникова, 2017). Похожая логика обнаруживается в работах А.А. Попова. Процессуально выделяется два этапа протекания самоопределения. Доактовое состояние, которое характеризуется

построением карты событий, и активное состояние, проявляющееся в наличии «экрана самоопределения», в пространстве которого субъект совершает выбор (Попов, 2008).

Опираясь на вышесказанное, обозначим аспекты самоопределения, которые мы считаем наиболее важными для развиваемого взгляда:

- Целостность акта самоопределения, что предполагает отличие различных видов самоопределения друг от друга только предметом, тогда как сущностные характеристики сохраняются.

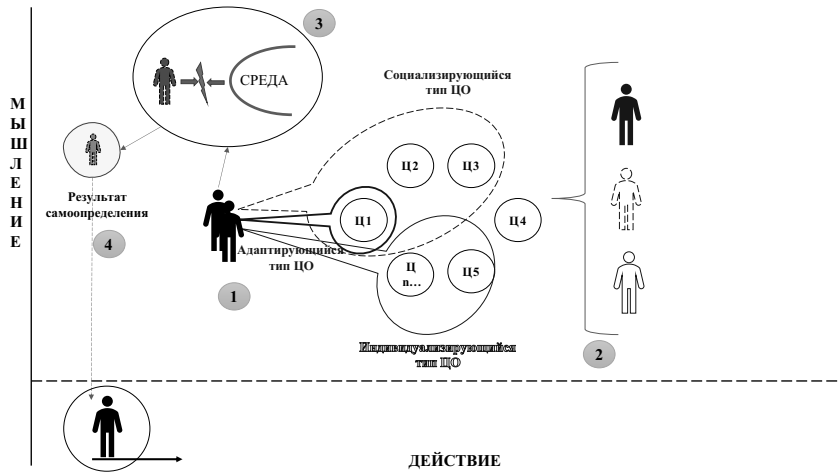
- Предполагаем наличие двух больших уровней проявления самоопределения. Первый уровень — внутренний, представлен в пространстве сознания, мышления. Можно обозначить его как психосемантический уровень (ядро). На этом уровне происходит протраивание образа ситуации (деятельности), что позволяет субъекту осуществить выбор. Второй уровень — внешний, представляет собой реализацию активности, совершение конкретных действий.

- Ценностно-смысловое пространство самоопределения. Ценности и порождаемые ими смыслы выступают важным элементом самоопределения. Пространство ценностей можно представить как сцену, на которой разыгрываются смысловые сюжеты, определяющие действия субъекта. Важным механизмом является селекция ценностей, посредством которой, как думается, осуществляется преодоление противоречия между требованиями внешней среды (ситуации) и способностями, возможностями субъекта.

- Интерактивность акта самоопределения, понимаемая как принятие во внимание другого и его позиции в контексте совместной деятельности.

Опираясь на вышеуказанные моменты, связанные с селекцией ценностей и интерактивностью, можно представить логику самоопределения следующим образом. В жизненном пространстве субъекта присутствует n ценностей, выбор и исключение которых из пространства действия определяется типом ценностных ориентаций. Дополнительно на выбор значимых ценностей влияет степень интерактивности, то есть того, как учитывает субъект позицию других(-ого) в определении собственной позиции. Визуально данная логика представлена на Рисунке 1.

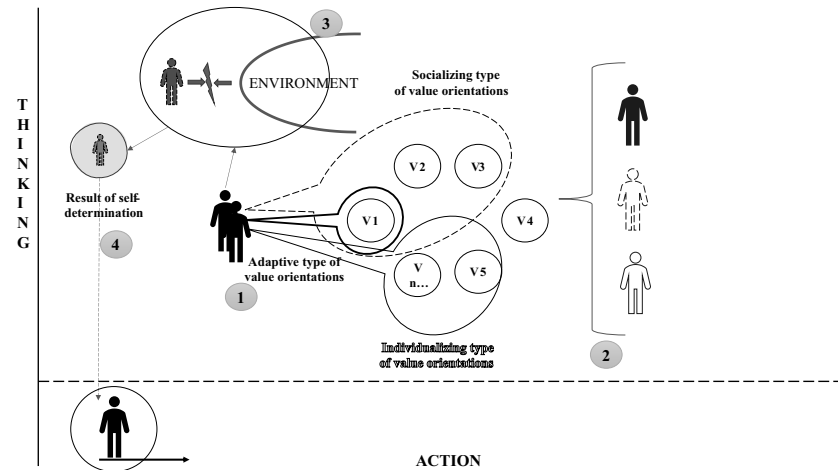
1. Селекция ценностей. Выбор из имеющегося набора ценностей тех, которые соответствуют сформированному типу ценностных ориентаций личности. Адаптирующийся тип — ориентация на ценности

Примечание. Ц — ценность.

Рисунок 1

Технологическая схема процесса самоопределения

Note. V — Value.

Figure 1

Technological scheme of the self-determination process

приспособления (выживания). Социализирующий тип — ориентация на традиционные ценности, ценности семьи, референтных групп. Индивидуализирующий тип — ориентация на ценности развития и созидания.

2. Степень интерактивности предполагает три модуса. При выборе ценностей учитываются только собственные интересы; учитываются интересы преимущественно другого человека; учитываются и собственные интересы, и интересы другого.

3. Приведение в соответствие субъективных представлений (образа мира) с реальными условиями среды (преодоление противоречия между внутренними и внешними причинами; преломление внешнего через внутреннее).

4. Результат самоопределения — занятие позиции и переход к действию.

Данному алгоритму действия самоопределения, как мы считаем, предшествует формирование представлений о ситуациях самоопределения на уровне категориальных структур индивидуального сознания. Таким образом, у целостного акта самоопределения в основании лежит психосемантическое пространство, задающее восприятие ситуаций самоопределения. Пространство ситуации самоопределения «картируется» посредством селекции ценностей и учета интересов себя и другого. Далее, синхронизация субъективных представлений с реальностью выражается в занятии субъектом определенной позиции и последующем действии.

В данной работе нами предпринята попытка первичного эмпирического анализа особенностей психосемантического пространства ситуаций самоопределения, выделения и описания структуры факторов этого пространства.

Выборка

В исследовании на этапе создания первой версии семантического дифференциала участвовали 32 студента Тюменского государственного университета и Тюменского медицинского университета 1–4-х курсов различных специальностей.

На этапе апробации семантического дифференциала нами привлечено 300 человек, все они студенты вузов г. Тюмени различных направлений подготовки. Из них: женщин — 230 человек (76,6 %); мужчин — 70 человек (23,4 %). Средний возраст 24,8 года, стандартное отклонение 10,08.

Методы исследования

Основная цель данного этапа работы — создание и апробация семантического дифференциала восприятия ситуаций самоопределения. Вначале мы провели опрос по типу ассоциативного эксперимента, где просили участников (преподавателей и модераторов различного уровня) высказать свои ассоциации по поводу ситуаций, в которых совершается самоопределение. Всего было опрошено 10 экспертов. По итогам опроса мы сформировали пятьдесят биполярных шкал (например, безразличие — интерес). Для апробации экспериментальной версии семантического дифференциала мы просили испытуемых дать оценку трех типов ситуации:

1. Вспомните любую ситуацию, в которой вы приняли важное решение, конструктивно влияющее на вашу жизнь. Результатом такого решения обычно являются достижение поставленных целей, важных для вас, и положительные переживания. Или можно сказать, что в этой ситуации у вас произошло самоопределение.

2. Вспомните любую ситуацию, в которой вы не принимали никаких важных решений и участвовали в ней как исполнитель, выполнявший задачу, поставленную другим человеком. В таких ситуациях мы обычно остаемся равнодушными или же можем испытывать некоторые негативные чувства по поводу самого процесса и достигнутого результата. Причем результат, как правило, не понятен нам.

3. Вспомните любую ситуацию, в которой вы приняли принципиальное решение «мне это не нравится и я в этом не участвую». В таких ситуациях мы обычно можем испытывать негативные чувства по поводу самого процесса и достигнутого результата.

Предложение оценивать разные типы ситуаций основывалось на предположении о том, что есть отличие восприятия ситуации в зависимости от степени активности в ней.

Статистический анализ полученных на предварительном этапе ответов не обнаружил специфических отличий в оценках разных ситуаций. Список признаков оценки по итогам предварительного анализа был сокращен до 25 и преобразован в однополярный вариант (Приложение).

Анализ результатов осуществлялся с использованием программного обеспечения Statistitca v.10, JASP 0.19.3.

Результаты исследования

Выборка была разделена на две подгруппы по 150 человек, случайным образом, с использованием генератора случайных чисел. На первой подгруппе с использованием эксплораторного факторного анализа определялось оптимальное количество факторов на основании анализа графика каменистой осыпи. По итогам статистического анализа на этом этапе мы выделили пять факторов (собственные значения: 11,3759; 1,46662; 1,25022; 1,12217; 1,00320), описывающих 64,9 % общей дисперсии (вращение варимакс). Критерий Кайзера — Мейера — Олкина 0,922; критерий сферичности Бартлетта $X^2 = 2291,191$ при $p < 0,001$, что позволяет рассматривать данные как пригодные к проведению факторного анализа.

Полученную факторную модель мы проверяли на данных второй подгруппы испытуемых с использованием конфирматорного факторного анализа. Решение с пятью факторами не подтверждается, в частности четвертый фактор, включающий один признак «безразличие», не подтверждается. Но учитывая, что безразличие является в определенном смысле противоположным состоянием активности из пятого фактора, мы посчитали возможным объединить признаки четвертого и пятого факторов в одну группу, и таким образом для проверки было использовано решение из четырех факторов. Критерий Кайзера — Мейера — Олкина (КМО) — 0,925; критерий сферичности Бартлетта $X^2 = 1788,186$ при $p < 0,001$. $X^2 = 359,674$ при $p < 0,00$; RMSEA — 0,110; SRMR — 0,069; CFI — 0,866; TLI — 0,840. Приведенные индексы характеризуют факторную модель как не вполне точную. Следовательно, мы осуществили еще одну итерацию и построили модель, состоящую из четырех факторов, но в каждый фактор мы включали переменные, которые на этапе эксплораторного факторного анализа имели вес не менее 0,6. Параметры модели: критерий Кайзера — Мейера — Олкина (КМО) — 0,897; критерий сферичности Бартлетта $X^2 = 951,796$ при $p < 0,001$. $X^2 = 87,449$ при $p < 0,00$; RMSEA — 0,074; SRMR — 0,047; CFI — 0,957; TLI — 0,941. Таким образом, вторая проверяемая модель является более приемлемой. Основные показатели факторной модели приведены в Таблице, графическая модель результатов анализа представлена на Рисунке 1.

Фактор 1: «Позитивное восприятие». Данный фактор на первых позициях включает признаки, указывающие на позитивное восприятие. В целом, отражая направленность на положительные переживания, фактор указывает на эмоциональный тонус.

Данная ситуация является ожидаемой, так как самоопределение как способность управлять деятельностью позволяет испытывать положительные переживания от осознания своей причастности и возможности влиять, что раскрыто в теории позитивной психологии. Чуть более частный аспект связи самоопределения и позитивных эмоций приводится в работе Ф.Т. Лин и соавторов, где рассматривается их связь через опосредующее влияние психологической безопасности сотрудников. Когда субъект ощущает достаточную безопасность, то это усиливает его внутреннюю (автономную) мотивацию самоопределения и способствует более интенсивному переживанию положительных эмоций, связанных с психологическим благополучием (Lin et al., 2022).

Фактор 2: «Зрелый подход». Данный фактор отражает ориентацию на рациональное мышление и принятие взвешенных решений. Самоопределение, как об этом говорится в системно-мыследеятельностном подходе, проявляется всегда в инициативном действии, совершаемом субъектом из занятой позиции. В связи с чем мы можем говорить о том, что результат самоопределения всегда будет отражать принятое субъектом решение.

Фактор 3: «Целеустремленность и организация». В данном факторе представлены признаки, связанные с постановкой целей, развитием, что может указывать на хорошую вовлеченность и упорядоченность деятельности. Фактор указывает на управление содержанием деятельности в заданных рамках.

Фактор 4: «Отношение к действию». Данный фактор двухполюсный. С одной стороны, безразличие как низкое желание проявлять активность. С другой стороны, фактор отражает высокий уровень активности и вовлеченности в социальное взаимодействие. Текущий фактор указывает на энергетическую составляющую, связанную с реализацией деятельности.

Обсуждение результатов

Описанные выше факторы можно интерпретировать в контексте принципов системного описания В.А. Ганзена (Ганзен, 1984). Соотнесение выделенных факторов с фокусами описания объекта представлено на Рисунке 3. Кратко напомним, что в данной модели при описании объекта принято использовать четыре аспекта: пространство, время, энергия, информация. В более содержательном варианте это отражает следующие моменты. Пространство — пред-

Таблица
Результаты конфирматорного факторного анализа

Фактор	Признак	Оцен-ка	Стд. ошибка	z	p	95 % Доверитель-ный интервал	
						Нижняя граница	Верхняя граница
Фактор 1	Радость	0,693	0,056	12,437	0,001	0,584	0,802
	Позитивность	0,732	0,056	12,957	0,001	0,621	0,842
	Позитивная самооценка	0,708	0,055	12,962	0,001	0,601	0,815
	Стремление к удовольствиям	0,478	0,074	6,453	0,001	0,333	0,623
Фактор 2	Зрелость	0,426	0,062	6,824	0,001	0,304	0,548
	Анализ ситуации	0,471	0,061	7,76	0,001	0,352	0,59
Фактор 3	Целенаправленность	0,603	0,052	11,653	0,001	0,502	0,705
	Развитие	0,687	0,052	13,288	0,001	0,586	0,789
	Вовлеченность	0,514	0,049	10,454	0,001	0,417	0,61
	Разнообразие	0,604	0,062	9,767	0,001	0,483	0,725
Фактор 4	Безразличие	0,347	0,06	5,809	0,001	0,23	0,465
	Активность	-0,554	0,066	-8,454	0,001	-0,682	-0,425

Table
The results of the confirmatory factor analysis

Factor	Sign	Eigen-value	Standard error	z	p	95 % Confidence	
						Lower Limit	Upper Limit
Factor 1	Joy	0.693	0.056	12.437	0.001	0.584	0.802
	Positivity	0.732	0.056	12.957	0.001	0.621	0.842
	Positive self-esteem	0.708	0.055	12.962	0.001	0.601	0.815
	Pleasure seeking	0.478	0.074	6.453	0.001	0.333	0.623
Factor 2	Maturity	0.426	0.062	6.824	0.001	0.304	0.548
	Situation Analysis	0.471	0.061	7.76	0.001	0.352	0.59
	Purposefulness	0.603	0.052	11.653	0.001	0.502	0.705
Factor 3	Development	0.687	0.052	13.288	0.001	0.586	0.789
	Engagement	0.514	0.049	10.454	0.001	0.417	0.61
	Diversity	0.604	0.062	9.767	0.001	0.483	0.725
Factor 4	Indifference	0.347	0.06	5.809	0.001	0.23	0.465
	Activity	-0.554	0.066	-8.454	0.001	-0.682	-0.425

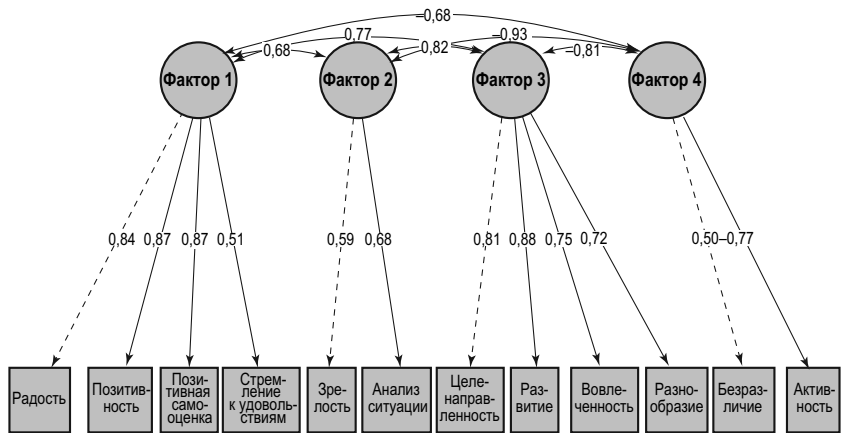

Рисунок 2
Факторная модель

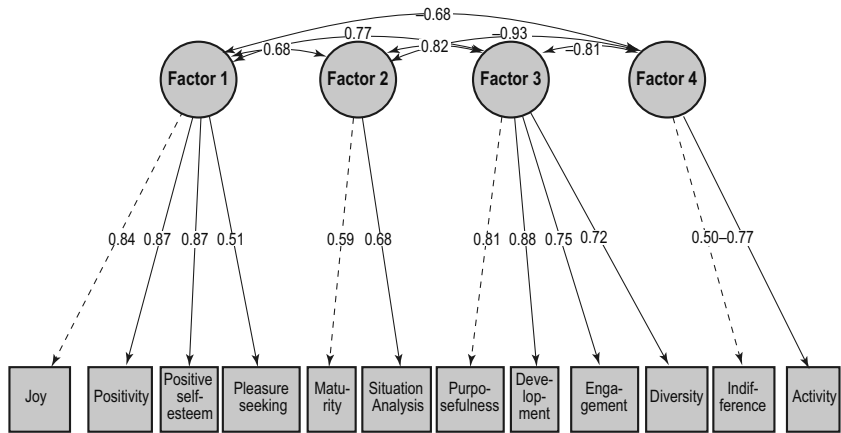

Figure 2
Factor model

ставляет собой некие границы, в рамках которых функционирует объект и взаимодействует с другими объектами. Время — отражает повторяемость в функционировании объекта. Энергия — параметр, связанный с динамическими аспектами и соподчиненностью объектов. Информация — характеризует внутреннее содержание и сораз-

мерность объектов. Таким образом, второй фактор, представленный признаками, указывающими на выделение и структурирование общего контура ситуации, можно рассматривать по аналогии с действием по пространственному размещению. Первый фактор, отражающий эмоциональную (позитивную) оценку совершаемой деятельности, мы рассматриваем как проявление временной линии, поскольку положительные выраженные переживания способны определять повторяемость явления во времени. Данные элементы образуют пространственно-временные координаты, задающие объективную форму существования самоопределения как акта, воспроизводимого во времени и в определенных границах деятельности. Четвертый фактор, представленный двумя полюсами (безразличие — активность), достаточно хорошо указывает на динамический аспект деятельности. Третий фактор, содержащий признаки, описывающие возможности вариации и трансформации деятельности, рассматривается нами как элемент содержания (Рисунок 3). Данная диада элементов представляет собой объективные условия динамики самоопределения.

Конечно, выделенные факторы мы можем соотнести не только с моделью В.А. Ганзена, но и с более традиционной моделью Ч. Осгуда, используемой при интерпретации результатов семантического дифференциала. Учитывая признаки, входящие в структуру каждого факторы, мы выдвинули предположение, что каждый выделенный нами фактор не имеет абсолютного совпадения с факторами Осгуда и в каждом случае присутствуют признаки, соотносимые с оценкой, силой и активностью. Проведена теоретическая оценка того, на каком уровне в каждом факторе выражены параметры оценки, силы, активности. Использовали следующую номинальную шкалу. Оценка: 0 — не соотносится; отрицательная — 1; нейтральная — 2; положительная — 3. Сила: низкая — 1; умеренная — 2; высокая — 3. Активность: низкая — 1; умеренная — 2; высокая — 3.

Фактор 1: «Позитивное восприятие».

Оценка — положительная (3), так как включает указание только на позитивные переживания.

Сила — умеренная (2), имеющиеся признаки энергичности и вовлеченности не обязательно являются доминирующими.

Активность — не соотносится (0).

Фактор 2: «Зрелый подход».

Оценка — нейтральная (2), поскольку нет указаний на эмоционально окрашенное отношение.

Рисунок 3
Соотнесение факторов с моделью системного описания по В.А. Ганзену

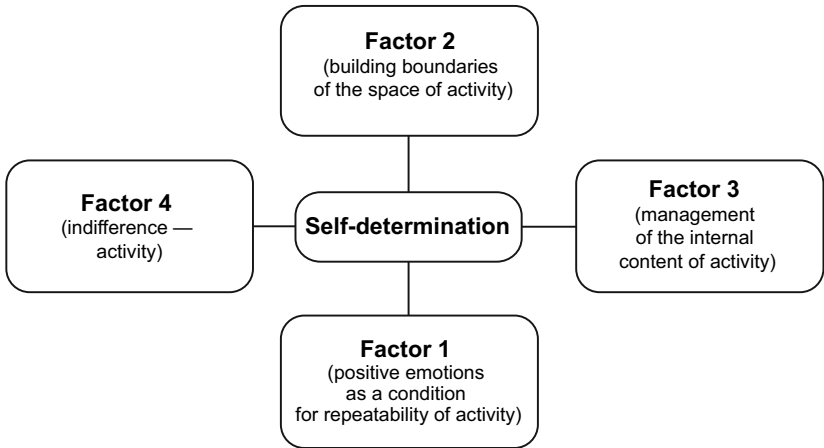

Figure 3
Correlation of factors with the system description model according to V.A. Ganzen

Сила — высокая (3), так как зрелость предполагает глубокий уровень анализа.

Активность — низкая (1), так как мыслительная деятельность не обязательно выражается в высокой внешней активности.

Фактор 3: «Целеустремленность и организация».

Оценка — положительная (3), предполагается высокая связь позитивных переживаний и достижения результата.

Сила — высокая (3), так как организация процесса требует интенсивных затрат.

Активность — высокая (3), поскольку предполагается высокая включенность в реализацию деятельности.

Фактор 4: «Отношение к действию».

Оценка — нейтральная (2), поскольку в данном случае и далее имеющиеся два полюса не дают возможности указать на доминирующую тенденцию.

Сила — умеренная (2).

Активность — умеренная (2).

Результаты сопоставления выделенных факторов с моделью Ч. Осгуда представлены на Рисунке 4. Причем вписывание выделенных факторов в модель В.А. Ганзена не препятствует вписыванию их и в модель Ч. Осгуда. Таким образом, можно предположить наличие разных уровней обобщения результатов исследования. На первичном уровне мы имеем дело с анализом и описанием отдельных выявленных факторов. На вторичном уровне мы можем соотнести факторы с некоторой универсальной моделью. Сопоставление факторной структуры с моделью В.А. Ганзена в большей степени позволяет описать структуру исследуемого объекта, тогда как соотнесение с моделью Ч. Осгуда позволяет, на наш взгляд, охарактеризовать больше функциональные аспекты. Соответственно, имеет смысл рассматривать их как две стороны одного объекта, где, вероятно, изменение характеристик тона эмоционального отношения (оценка, сила, активность) связано с изменением границ объекта, воспроизводимости и содержательной наполненности.

Подводя предварительный итог, мы можем говорить о том, что наша задача выделить и описать факторную структуру психосемантического пространства ситуаций самоопределения решена. Выделенная факторная модель может быть соотнесена с моделью системного описания объектов В.А. Ганзена и моделью универсальных факторов Ч. Осгуда, что позволяет выделить структурные и функциональные характеристики. Однако за скобками пока остался вопрос об исследовании второго уровня, проявляемого в реальной активности, деятельности субъекта. Но кроме вопроса о выделении разных уровней проявления самоопределения, важным является то, как эти два уровня могут быть взаимосвязаны и каким образом осу-

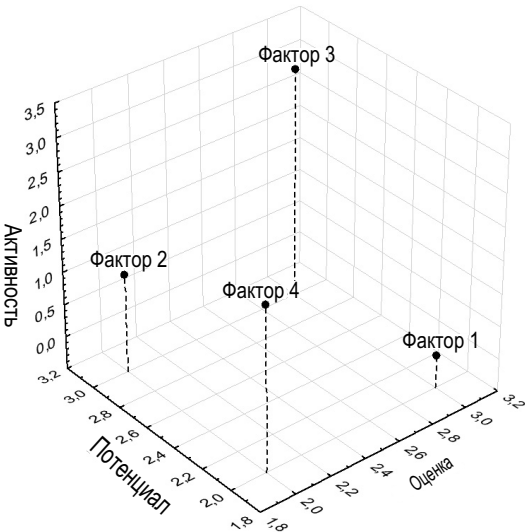

Рисунок 4
Соотнесение факторов с моделью универсальных факторов Ч. Осгуда

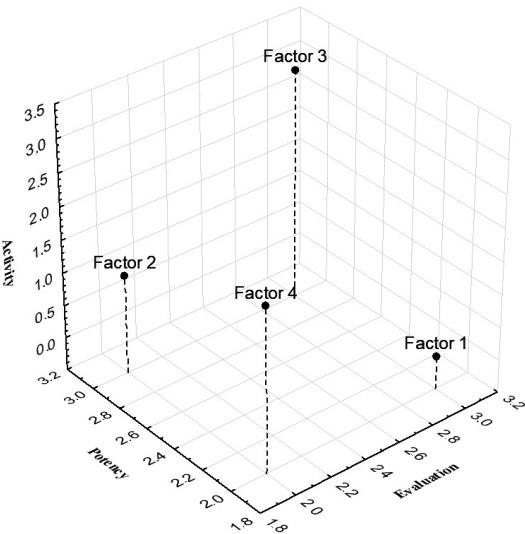

Figure 4
Relationship of factors with the model of universal factors of Ch. Osgood

шествляется целостный акт самоопределения. Способы описания целостного акта самоопределения могут различаться в зависимости от задачи, для которой делается данное описание. Нам интересен данный процесс больше с прикладной точки зрения, и поэтому мы выбрали технологический способ описания, который позволит выделить последовательность действий, совершаемых субъектом в процессе самоопределения. Подобное описание акта самоопределения позволит приблизиться к постиндустриальной модели самоопределения, в рамках которой предполагается формирование компетенций субъекта, позволяющих создавать пространство «под себя» (Блинов и др., 2014).

Выводы

Семантическое пространство восприятия ситуаций самоопределения включает четыре фактора, которые соотнесены с моделью системного описания В.А. Ганзена и моделью универсальных факторов Ч. Огсуда. Фактор «Позитивное восприятие» отражает возможность воспроизведения ситуаций, имеющих положительную оценку; характеризуется умеренной силой и положительной оценкой. Фактор «Зрелый подход» соотносится с пространственным размещением; имеет нейтральную оценку, высокую силу и низкую активность. Фактор «Целеустремленность и организация» указывает на содержание деятельности; характеризуется положительной оценкой, высокой силой и высокой активностью. Фактор «Отношение к действию» связан с динамическими проявлениями; имеет нейтральную оценку, умеренную силу и умеренную активность.

Дальнейшее исследование представленного вопроса предполагает описание механизма «картирования» семантического пространства за счет селекции ценностей, определения интересов и позиций себя и другого, что позволит получить целостную схему акта самоопределения.

Практическое применение

Эмпирическая проверка и валидация технологической схемы процесса самоопределения позволит интегрировать данный инструмент в пространство образовательных практик, нацеленных на раскрытие личностного потенциала и становление субъектности.

Список литературы

Абульханова, К.А., Березина, Т.Н. (2001). *Время личности и время жизни*. Санкт-Петербург: Изд-во «Алетейя».

Бастракова, Н.С. (2020). *Социально-психологические аспекты жизненного самоопределения человека*. Екатеринбург: Изд-во Российского государственного профессионально-педагогического ун-та.

Блинов, В.И., Сергеев, И.С., Зачесова, Е.В., Новиков, П.Н., Пряжников, Н.С., Резапкина, Г.В., Родичев, Н.Ф. (2014). *Концепция организационно-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывности образования*. Москва: Изд-во «Перо».

Ганзен, В.А. (1984). *Системные описания в психологии*. Ленинград: Изд-во Ленинградского государственного ун-та.

Гинзбург, М.Р. (1994). Психологическое содержание личностного самоопределения. *Вопросы психологии*, (3), 43–52.

Журавлев, А.Л., Купрейченко, А.Б. (2007). Феномены социального самоопределения: ценностно-смысловая обусловленность экономического поведения. *Вестник практической психологии образования*, 4(3), 22–26. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2007_n3/28853 (дата обращения: 21.05.2024).

Иванова, Н.Л. (2011). Самоопределение личности в бизнесе: проблемы и модели исследования. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 8(2), 28–39.

Иванченко, В.Н., Плотникова, Е.С. (2017). Проблема самоопределения в рамках отечественной и зарубежной психологии. *Гуманитарные научные исследования*, (3). URL: <https://human.snauka.ru/2017/03/23124> (дата обращения: 21.02.2024).

Красноярцева, О.М. (1999). Проблемы психологического обеспечения проблемы психологического обеспечения в педагогическом вузе. *Педагогический университетский вестник Алтая*, (1), 240–242.

Купрейченко, А.Б., Воробьева, А.Е. (2013). *Нравственное самоопределение молодежи*. Москва: Изд-во Института психологии РАН.

Лабзова, И.Ю. (2017). Теория самоопределения и ее применение в зарубежной образовательной практике. *Человек и образование*, (3), 52–156.

Михайлова, А.Г. (2021). Влияние самоопределения на мотивацию в условиях профессионального образования. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 13(1), 123–133.

Нарыков, Н.В., Анистратенко, Т.Г. (2017). Теоретическое измерение личностного самоопределения. *Социально-гуманитарные знания*, (7), 78–83.

Одинцова, М.М., Москвичева, Н.Л., Костромина, С.Н., Зиновьева, Е.В. (2023). Обыденные представления о самодетерминации личности: структура и феноменология. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(3), 362–374. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.305>

Подходова, Н.С., Бондаренко, Д.К. (2018). Самоопределение и общекультурные компетенции учащихся: механизмы взаимодействия и способы формирования. *Мир науки*, 6(5). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/44PDMN518.pdf> (дата обращения: 21.06.2024).

Позднякова, О.К. (2021). Категориальный анализ понятия «самоопределение личности» в контексте проблемы ориентации обучающихся на нравственное самоопределение. *Самарский научный вестник*, 10(3), 269–273. <https://doi.org/10.17816/snv2021103312>

Попов, А.А. (2008). К основаниям построения отечественной теории компетенций. *Вестник Томского государственного университета*, (312), 48–51.

Рязанцева, М.В. (2015). Личностное и профессиональное становление студентов в процессе учебной практики. *Международный журнал экспериментального образования*, 10(1), 16–18.

Селиванова, Ю.В., Коновалова, М.Д., Шаров, А.А., Хмелькова, О.В., Щетина, Е.Б. (2021). Диагностика характеристик личностного самоопределения в условиях ограниченных ресурсов жизнедеятельности. *Мир науки. Педагогика и психология*, 9(5). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/15PSMN521.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).

Филинкова, Е.Б. (2017). Управленческое самоопределение как особый вид жизненного самоопределения. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 23(2), 30–33.

Щеклеина, С.Н. (2010). Социальное самоопределение как интегративный компонент феномена самоопределения. *Психология обучения*, (2), 65–70.

Энциклопедический психологический словарь-справочник. 1000 понятий, определений, терминов: Учебно-методическое пособие для вузов. (2021). Под ред. Р.А. Александровой, Е.А. Баклановой, Е.Г. Баранова. 6-е издание, переработанное и дополненное. Минск: Изд-во «Харвест».

Яницкий, М.С. (2012). Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН.

Lin, P.T., Vu, T.T., Nguyen, V.P., Wu, Q. (2022). Self-Determination Theory and Accountant Employees' Psychological Wellbeing: The Roles of Positive Affectivity and Psychological Safety. *Frontiers in Psychology*, 13, 870771. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.870771>

Xiang, S., Zhang, Y., Ning, N., Wu, S., Chen, W. (2021). How Does Leader Empowering Behavior Promote Employee Knowledge Sharing? The Perspective of Self-Determination Theory. *Frontiers in Psychology*, 12, 701225. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.701225>

References

Abulkhanova, K.A., Berezina, T.N. (2001). Time of personality and time of life. St. Petersburg: Aleteya Publ. (In Russ.)

An encyclopedic psychological reference dictionary. 1000 concepts, definitions, terms: An educational and methodological guide for universities. (2021). In: R.A. Alexandrova, E.A. Baklanova, E.G. Baranova, (eds.). 6th edition, revised and expanded. Minsk: Kharvest Publ. (In Russ.)

Bastrakova, N.S. (2020). Social and psychological aspects of human life self-determination. Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University Publ. (In Russ.)

Blinov, V.I., Sergeev, I.S., Zachesova, E.V., Novikov, P.N., Pryazhnikov, N.S., Rezapkina, G.V., Rodichev, N.F. (2014). The concept of organizational and pedagogical support for professional self-determination of students in the context of continuous education. Moscow: Pero Publ. (In Russ.)

Filinkova, E.B. (2017). Managerial self-determination as a special type of life self-determination. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sociokinetika* = *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 23(2), 30–33. (In Russ.)

Ganzen, V.A. (1984). Systemic descriptions in psychology. Leningrad: Leningrad State University Publ. (In Russ.)

Ginzburg, M.R. (1994). Psychological content of personal self-determination. *Voprosy Psikhologii*, (3), 43–52. (In Russ.)

Ivanchenko, V.N., Plotnikova, E.S. (2017). The problem of self-determination in the framework of domestic and foreign psychology. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* = *Humanitarian Scientific Research*, (3). (In Russ.). URL: <https://human.snauka.ru/2017/03/23124> (accessed: 21.02.2024).

Ivanova, N.L. (2011). Self-determination of the individual in business: problems and research models. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* = *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 8(2), 28–39. (In Russ.)

Krasnoryadtseva, O.M. (1999). Problems of psychological support at a pedagogical university. *Pedagogicheskij universitetskij vestnik Altaya* = *Pedagogical University Bulletin of Altai*, (1), 240–242. (In Russ.)

Kupreychenko, A.B., Vorobyova, A.E. (2013). Moral self-determination of youth. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Labzova, I.Yu. (2017). Theory of self-determination and its application in foreign educational practice. *Chelovek i obrazovanie* = *Man and Education*, (3), 52–156. (In Russ.)

Lin, P.T., Vu, T.T., Nguyen, V.P., Wu, Q. (2022). Self-Determination Theory and Accountant Employees' Psychological Wellbeing: The Roles of Positive Affectivity and Psychological Safety. *Frontiers in Psychology*, 13, 870771. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.870771>

Mikhailova, A.G. (2021). The Impact of Self-Determination on Motivation in the Context of Professional Education. *Istoricheskaya i socialno-obrazovatel'naya mysl* = *Historical and Social-Educational Thought*, 13(1), 123–133. (In Russ.)

Narykov, N.V., Anistratenko, T.G. (2017). Theoretical Measurement of Personal Self-Determination. *Socialno-gumanitarnye znaniya* = *Social and Humanitarian Knowledge*, (7), 78–83. (In Russ.)

Odintsova, M.M., Moskvicheva, N.L., Kostromina, S.N., Zinovieva, E.V. (2023). Everyday Ideas about Personal Self-Determination: Structure and Phenomenology. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* = *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 13(3), 362–374. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.305>

Podkhodova, N.S., Bondarenko, D.K. (2018). Self-determination and general cultural competencies of students: interaction mechanisms and methods of formation. *Mir nauki* = *World of Science*, 6(5). (In Russ.). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/44PDMN518.pdf> (accessed: 21.06.2024).

Popov, A.A. (2008). On the Foundations of Building a Domestic Theory of Competencies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, (312), 48–51. (In Russ.)

Pozdnyakova, O.K. (2021). Categorical analysis of the concept of “personal self-determination” in the context of the problem of students’ orientation to moral self-determination. *Samarskij nauchnyj vestnik = Samara Scientific Bulletin*, 10(3), 269–273. (In Russ.). <https://doi.org/10.17816/snv2021103312>

Ryazantseva, M.V. (2015). Personal and Professional Development of Students in the Process of Educational Practice. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya = International Journal of Experimental Education*, 10(1), 16–18. (In Russ.)

Selivanova, Yu.V., Konovalova, M.D., Sharov, A.A., Khmelkova, O.V., Shchetinina, E.B. (2021). Diagnostics of Characteristics of Personal Self-Determination in Conditions of Limited Life Resources. *Mir nauki. Pedagogika i Psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 9(5). (In Russ.). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/15PSMN521.pdf> (accessed: 10.06.2024).

Shchekleina, S.N. (2010). Social self-determination as an integrative component of the phenomenon of self-determination. *Psikhologiya obucheniya = Psychology of Education*, (2), 65–70. (In Russ.)

Xiang, S., Zhang, Y., Ning, N., Wu, S., Chen, W. (2021). How Does Leader Empowering Behavior Promote Employee Knowledge Sharing? The Perspective of Self-Determination Theory. *Frontiers in Psychology*, 12, 701225. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.701225>

Yanitsky, M.S. (2012). Value dimension of mass consciousness. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)

Zhuravlev, A.L., Kupreychenko, A.B. (2007). Phenomena of social self-determination: value-semantic conditioning of economic behavior. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 4(3), 22–26. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2007_n3/28853 (accessed: 21.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Николаевич Долганов, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии Школы образования Тюменского государственного университета, Тюмень, Российская Федерация, dodn-b@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2389-4978>

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry N. Dolganov, Dr. Sci. (Psychol.), Professor at the Department of General and Social Psychology, the School of Education of Tyumen University, Tyumen, Russian Federation, dodn-b@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2389-4978>

Поступила 24.07.2024. Получена после доработки 10.03.2025. Принята в печать 09.04.2025.

Received 24.07.2024. Revised 10.03.2025. Accepted 09.04.2025.

Приложение

Семантический дифференциал для оценки ситуаций самоопределения

№	Признаки	Совсем не выражен (0)	Слабо выражен (1)	Средний уровень вы- раженности (2)	Сильно выражен (3)
1	Активность				
2	Анализ ситуации				
3	Безразличие				
4	Вовлеченность				
5	Возможность выбора				
6	Деятельность				
7	Значимость				
8	Зрелость				
9	Коммуникация				
10	Конкурентность				
11	Организованность				
12	Осмысленность				
13	Позитивная самооценка				
14	Позитивность				
15	Радость				
16	Развитие				
17	Разнообразие				
18	Самоорганизация				
19	Самопознание				
20	Стремление к удовольствиям				
21	Увлеченность				
22	Удовлетворенность				
23	Целенаправленность				
24	Экспериментирование				
25	Энергичность				

Appendix

Semantic differential for assessing self-determination situations

№	Signs	Not expressed at all (0)	Weakly expressed (1)	Average level of expression (2)	Strongly expressed (3)
1	Activity				
2	Analysis of the situation				
3	Indifference				
4	Involvement				
5	Choice				
6	Activity				
7	Significance				
8	Maturity				
9	Communication				
10	Competitiveness				
11	Organization				
12	Meaningfulness				
13	Positive self-esteem				
14	Positivity				
15	Joy				
16	Development				
17	Diversity				
18	Self-organization				
19	Self-knowledge				
20	Pursuit of pleasure				
21	Enthusiasm				
22	Satisfaction				
23	Purposefulness				
24	Experimentation				
25	Energy				

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / EMPIRICAL STUDIES

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-12>
УДК/UDC 159.9.07; 316.624

Взаимосвязь использования экранного времени и проявления различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте

А.А. Реан¹, А.В. Егорова²✉, И.А. Коновалов¹

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

² Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

✉ egrvan18@gmail.com

Резюме

Актуальность. За последние десятилетия наблюдается стремительное увеличение значимости Интернета в жизни подростков. Однако данные о связи продолжительности экранного времени и различных рисков неблагополучия являются разнородными. В связи с чем требуется уточнение искомой взаимосвязи в контексте спецификации видов агрессии.

Цель. Изучение взаимосвязи между различными типами подростковой агрессии, такими как физическая агрессия, проявления гнева и враждебности, и количеством времени, проведенным подростком перед экраном.

Выборка. В исследовании приняли участие 10 980 подростков из 10 регионов Российской Федерации в возрасте от 15 до 18 лет ($M_{\text{возраст}} = 15,9$ лет; $SD = \pm 0,92$; 6096 девушек).

Методы. Оценка уровня агрессии подростков проводилась с помощью опросника диагностики агрессии Басса — Перри (BPAQ). Оценка активности подростков в сети Интернет проводилась с помощью анализа ответов на вопрос: «Сколько времени вы ежедневно проводите в сети Интернет?» Для анализа и обработки количественных данных используются описательные статистики, таблицы сопряженности, корреляционный анализ и однофакторный дисперсионный анализ (апостериорные сравнения были произведены с помощью t-критерия Стьюдента с использованием поправки Бонферрони для анализа множественных сравнений).

Результаты. В ходе исследования установлено, что уровень активности подростков в Интернете оказался довольно высоким. Кроме того, каждый

шестой подросток в возрасте от 15 до 18 лет обладает высоким уровнем склонности к физической агрессии и к проявлению гнева, а каждый седьмой имеет склонность к проявлению враждебности. Результаты сравнительного анализа показывают статистически значимую связь между уровнем агрессии и ежедневной активностью подростков в Сети. Показано, что подростки с высоким уровнем склонности к проявлению всех типов агрессии проводят значимо больше времени за экраном, чем подростки с низким и средним уровнем.

Выводы. В исследовании установлена взаимосвязь между длительным пребыванием подростков в Сети и их склонностью к различным типам агрессии. Подчеркивается необходимость разработки и реализации мероприятий, направленных на укрепление устойчивости к негативному влиянию чрезмерного экранного времени, а также на снижение уровня агрессии и обеспечение благоприятного развития личности каждого учащегося.

Ключевые слова: экранное время, интернет, подростковый возраст, агрессия, гнев, враждебность

Для цитирования: Реан, А.А., Егорова, А.В., Коновалов, И.А. (2025). Взаимосвязь использования экранного времени и проявления различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 60–83. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-12>

Screen Time in Relation to the Manifestation of Different Types of Aggression in Older Adolescence

Artur A. Rean¹, Anna V. Egorova²✉, Ivan A. Kononov¹

¹ Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

² Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉ egrvan18@gmail.com

Abstract

Background. In recent decades, there has been a rapid increase in the importance of the Internet in adolescents' lives. However, data on the relationship between screen time duration and various risks of well-being are inconsistent. Therefore, further clarification of this relationship is needed, particularly in the context of specifying types of aggression.

Objective. The aim of the study is to investigate the relationship between different types of adolescent aggression, including physical aggression, anger, hostility and the time they spend in front of screens.

Study Participants. The study involved 10 980 adolescents from 10 regions of the Russian Federation aged 15 to 18 years ($M_{\text{age}} = 15.9$ years; $SD = \pm 0.92$; 6096 girls).

Methods. The level of adolescent aggression was assessed with the Buss-Perry Aggression Questionnaire (BPAQ). Adolescents' internet activity was evaluated by analyzing their responses to the question "How much time do you spend on the Internet every day?" To analyze and process quantitative data we used descriptive statistics, crosstabs, correlation analysis and one-way analysis of variance (A posteriori comparisons were performed using the Student's t-test with the Bonferroni correction for multiple comparisons).

Results. The study found that adolescents' online activity is quite high. Additionally, one in six adolescents aged 15 to 18 years has a high propensity for physical aggression and anger, while one in seven has a tendency towards hostility. The results of the comparative analysis demonstrate a statistically significant correlation between aggression and online activity. It has been shown that adolescents with high levels of aggression manifestations, spend significantly more time online as compared to those with low or medium levels.

Conclusions. The study established a correlation between teenagers' screen time and the severity of manifestation of various types of aggression. Based on this, there is a need to develop and implement strategies to help teens resist the negative effects of excessive screen time and reduce aggression, while promoting positive individual development.

Keywords: screen time, Internet, adolescence, aggression, anger, hostility

For citation: Rean, A.A., Egorova, A.V., Kononov, I.A. (2025). Screen time in relation to the manifestation of different types of aggression in older adolescence. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 60–83. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-12>

Введение

На сегодняшний день в научном сообществе особое внимание уделяется изучению процессов социализации молодого поколения, в которых значимую роль играют средства массовой информации (СМИ). СМИ не просто выступают как каналы передачи информации, но также служат инструментами для обмена социокультурными ценностями, оказывая значительное влияние на формирование взглядов и убеждений детей и подростков. Исследования ученых

показывают, что усиление влияния как электронных, так и телевизионных медиа на жизнь человека наблюдалось еще в 1990-х гг. Уже в то время СМИ играли значимую роль в жизни молодежи наряду с традиционными агентами социализации, такими как семья, друзья и образовательные учреждения (Собкин, 2000).

В последние десятилетия наблюдается стремительное увеличение значимости Интернета в жизни подростков (Roberts et al., 2010). При этом отметим отсутствие терминологического единообразия для обозначения времени, проведенного онлайн и «за экраном», используются термины «экранное время», «время, проведенное в Интернете», «онлайн-активность» и т.д. Строго говоря, приведенные в качестве примеров термины означают не идентичные, но существенно пересекающиеся явления. Мы считаем наиболее общим термином «экранное время», в связи с чем будем использовать его для задач унификации схожих явлений в рамках настоящей статьи.

Данные масштабных исследований роли цифровых устройств в жизни российских детей, подростков и молодежи показали, что около 77 % школьников для выхода в сеть используют смартфоны. Более того, почти 70 % обучающихся проводят за экраном от 50 до 100 % свободного времени, а пик использования гаджетов приходится на 16 лет¹. Отмечается также увеличение подключенности подростков к Сети. Так, Г.У. Солдатова отмечает, что показатель гиперподключенности подростков в период с 2013 по 2019 г. увеличился более чем в два раза и в 2019 г. достиг 8–10 часов в сутки (Солдатова, Войскунский, 2021). Согласно данным Росстата 2019 г., 99 % респондентов возрастной группы от 15 до 24 лет использовали Интернет, при этом 95,3 % из них «заходили в Сеть» ежедневно². Эти тенденции свидетельствуют о сильной интеграции Интернета и повседневных аспектов жизни подростков, что, безусловно, оказывает влияние на социально-психологические и личностные аспекты их развития, включая особенности социального взаимодействия.

Длительное использование цифровых устройств может привести к сокращению продолжительности и ухудшению качества сна, снижению уровня физической активности и академической успешности,

¹ Малыш и гаджет. О том, как смартфоны влияют на развитие и образование детей. (2022). Газета.ru. 8 октября 2022 г. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/15585871.shtml> (дата обращения: 25.06.2024).

² Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник. (2020). Москва: Изд-во НИУ ВШЭ. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (дата обращения: 25.06.2024).

а также к нарушениям пищевого поведения (Бухаленкова и др., 2022; Rosen et al., 2014; El Asam et al., 2019). Было также обнаружено, что те пользователи, которые активно использовали Интернет в ночное время, показывали более высокий уровень физической агрессии, чем те, кто пользовался Интернетом в другое время суток (Kim, 2013). Исследователи из Тайваня, проанализировав научные статьи, посвященные проблематике интернет-зависимости, обнаружили, что существует значимая корреляция между чрезмерным использованием Интернета и рядом других психологических проблем. В их числе — симптомы депрессии, тревожности, СДВГ и обсессивно-компульсивных расстройств, а также проявления враждебности и агрессии (Kraut et al., 1998; Carli et al., 2013). В рамках одного масштабного исследования (выборка 167 тысяч подростков в возрасте от 11 до 15 лет) был проведен анализ поведения подростков в цифровой среде в 42 странах, в число которых входила и Россия. Было выявлено, что Российская Федерация занимает 26-ю позицию в рейтинге стран по уровню риска интенсивного использования Интернета и вовлеченности в кибербуллинг среди подростков (Craig et al., 2020). Таким образом, все больше исследований подтверждают, что высокая онлайн-активность может иметь негативные последствия для психического и физического здоровья молодого поколения.

Пребывая в Сети, подростки также могут сталкиваться с деструктивным онлайн-контентом. В частности, исследование, проведенное Г.У. Солдатовой, предоставляет обширные данные о встречаемости негативного интернет-контента, с которым сталкивались подростки и молодежь. Больше половины опрошенных респондентов сталкивались с нежелательным контентом в Сети. Особенно примечательно, что наибольшее распространение среди вредоносного контента имеет фейковая информация, с которой столкнулись 93 % опрошенных. Следующим по частоте встречаемости является оскорбительный контент, а также материалы, содержащие акты насилия и жестокости. Дополнительно было выявлено, что респонденты с более агрессивными поведенческими реакциями склонны не только в большей степени одобрять, но и активно распространять контент аутодеструктивного характера (Солдатова, Илюхина, 2022). Данные результаты вызывают обеспокоенность, особенно учитывая высокую вовлеченность в цифровую среду детей и подростков, чья уязвимость к негативному влиянию такого рода информации наиболее высока.

Приведенный обзор сфокусирован на примерах негативной роли экранного времени в проблематике рисков психологического благо-

получия подростков, в частности агрессии и ее проявлений. Отметим, что в контексте различных показателей благополучия данные о роли онлайн-активности и экранного времени являются разнородными (см., например, Бочавер и др., 2019). В настоящем исследовании ставится задача конкретизации взаимосвязей продолжительности экранного времени и склонности к различным видам агрессивности (физической агрессии, гневу и враждебности).

Как известно, подростки приобретают навыки агрессии и общаются к агрессивным моделям поведения посредством социального научения (Бэрон, Ричардсон, 2011). Как отмечает А.А. Реан: «больное агрессией, нетерпимостью общество заражает агрессией и свое молодое поколение» (Реан, 2016, с. 143). Автор подмечает, что множество экспериментальных данных показывают, что научение агрессии через наблюдение оказывает на личность большее влияние, по сравнению с приобретением агрессивных моделей поведения через деятельный опыт (Реан, 2016). Например, Л. Хьюсманном и соавторами представлен анализ взаимосвязей между регулярным просмотром телевизионных программ и развитием агрессивного поведения. Ученые систематизировали процесс, в ходе которого телевизионный контент может способствовать формированию агрессивных моделей поведения у зрителей, и выделили следующие этапы: 1) чрезмерное увлечение телевизионными программами; 2) отождествление себя с персонажами; 3) агрессивные фантазии; 4) усвоение варианта «решение проблемы с помощью агрессии»; 5) повторение агрессивных реакций; 6) применение варианта «решение проблемы с помощью агрессии» в межличностных контактах; 7) подкрепление; 8) агрессивные привычки; 9) неразвитые социальные и учебные умения; 10) фрустрация (затем цикл повторяется сначала) (Бэрон, Ричардсон, 2011, с. 115–116).

Следует отметить, что аналогичные процессы могут наблюдаться и в контексте взаимодействия с интернет-контентом. Специфические аспекты интернет-среды, такие как анонимность пользователей, отсутствие эффективных механизмов фильтрации и контроля за информацией, а также быстрое распространение данных, могут способствовать усвоению и воспроизведению агрессивных моделей поведения, отклоняющихся от социальных норм. При этом общественное одобрение агрессивного поведения может способствовать усилению и подкреплению подобных проявлений. В частности, особое внимание следует уделить социальным вознаграждениям, которые могут получать лица, проявляющие агрессию. Такие вознаграждения могут

включать в себя повышение социального статуса в группе, одобрение сверстников или укрепление позиций в социальной иерархии. В условиях цифровой коммуникации вознаграждения могут быть выражены в форме реакций, лайков, репостов и комментариев на публикации, которые содержат социально неприемлемое поведение. Данные факторы способствуют формированию мотивации подражать агрессивному поведению, чтобы соответствовать групповым нормам и ожиданиям своего социального окружения (Craig et al., 2020). Это свидетельствует о том, что социальные факторы играют важную роль в формировании и поддержании агрессивного поведения среди подростков.

Все это актуализирует не только необходимость проведения дальнейших исследований в данной области, но также разработку эффективных методов превентивного воздействия и коррекции чрезмерной онлайн-активности и обеспечения здоровой и безопасной цифровой среды для молодежи. Несмотря на то, что связь между использованием цифровых устройств и агрессией не раз была установлена российскими и зарубежными исследователями, за пределами имеющихся научных исследований остался анализ взаимосвязи использования экранного времени и различных типов агрессии. Целью настоящего исследования является изучение взаимосвязи между различными типами подростковой агрессии, такими как физическая агрессия, проявления гнева и враждебности, и количеством времени, проведенным перед экраном. Данное исследование стремится расширить понимание влияния экранного времени на эмоциональное состояние и особенности поведения подростков.

Выборка

Выборка респондентов составила 10 980 подростков из 10 регионов Российской Федерации, включая 6096 девушек (55,5 % выборки), 4884 юношей (44,5 %) в возрасте от 15 до 18 лет ($M_{\text{возраст}} = 15,9$ лет; $SD = \pm 0,92$). Большинство участников исследования — это учащиеся 9–11-х классов (93,1 % выборки), в то время как 5,5 % — ученики 8-го класса общеобразовательных учреждений и 1,4 % — учащиеся общеобразовательных учреждений среднего профессионального образования.

Процедура исследования

Выбор образовательных учреждений осуществлялся случайным образом и основывался на согласии руководства школы принять

участие в исследовании. Исследование проходило в формате онлайн-тестирования на платформе 1ka.si. Школьники заполняли онлайн-опросники под наблюдением педагогов. Инструкции к тестовым заданиям были сформулированы в доступной форме, в соответствии с возрастными особенностями респондентов. Анализ результатов выполнялся на базе обезличенных персональных данных. Для обработки данных использовались следующие статистические методы: описательные статистики, таблицы сопряженности, корреляционный анализ (рассчитывались коэффициенты корреляции Пирсона) и однофакторный дисперсионный анализ (апостериорные сравнения были произведены с помощью t-критерия Стьюдента с использованием поправки Бонферрони для анализа множественных сравнений). Процедура статистического анализа выполнялась в IBM SPSS statistics (v.23) и RStudio (R version 4.3.1)³.

Методы исследования

Уровень агрессии

Для оценки уровня агрессии использовался опросник диагностики агрессии Басса — Перри, в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского (Ениколопов, Цибульский, 2007). Опросник включает в себя четыре шкалы: «физическая агрессия», «гнев», «враждебность» и «интегральная шкала». «Интегральная шкала» представляет собой суммарный показатель по всем трем шкалам. Опросник соответствует высоким психометрическим стандартам, был успешно апробирован и адаптирован в различных странах. В анализ данной статьи включены все шкалы методики.

Таким образом, используемая трехфакторная структура, согласно выводам С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского, «соответствует теоретическим положениям о трех компонентах агрессии в концепции А. Buss & М. Perry: инструментальный компонент агрессии — «физическая агрессия»; аффективный компонент, включающий в себя физиологическое возбуждение и подготовку к агрессии, — «гнев»; когнитивный компонент, основанный на переживании чувства несправедливости и ущемленности, неудовлетворенности желаний — «враждебность»» (Ениколопов, Цибульский, 2007, с. 124).

³ R Core Team (2023). R (4.3.1): A language and environment for statistical computing. Vienna: R Foundation for Statistical Computing Publ. URL: <https://www.R-project.org/> (accessed: 15.03.2025).

Активность подростков в сети Интернет

Для оценки активности подростков в сети Интернет была разработана анкета, которая включала в себя вопросы, касающиеся: социально-демографических характеристик, активности подростков в Сети, видов деятельности и использования интернет-ресурсов. В данной статье представлен анализ ответов на вопрос: «Сколько времени вы ежедневно проводите в сети Интернет?» Варианты ответов варьировались от «Практически не провожу» до «12 часов и более». Далее в таблицах и рисунках будет использован термин «экранное время» для более емкого обозначения времени, проведенного онлайн. При этом отметим, что в рамках настоящей статьи «за скобками» остается специфика воспринимаемого подростками контента, анализ чего является самостоятельной научной задачей.

Результаты исследования

В Таблице 1 представлены средние значения, стандартное отклонение, минимальные и максимальные значения по показателям агрессии у подростков.

Таблица 1
Описательные статистики по опроснику диагностики агрессии Басса — Перри

Шкала	Среднее	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Физическая агрессия	21,09	7,30	9	45
Гнев	19,07	6,53	7	35
Враждебность	20,00	6,92	8	40
Интегральная шкала	60,17	17,38	24	119

Table 1
Descriptive statistics of the Buss-Perry Aggression Questionnaire

Scale	Mean	Standard deviation	Min	Max
Physical aggression	21.09	7.30	9	45
Anger	19.07	6.53	7	35
Hostility	20.00	6.92	8	40
Integral scale	60.17	17.38	24	119

Рассматривая описательные статистики показателей агрессии, стоит отметить, что все показатели находятся в пределах норматив-

ных значений, однако они чуть ниже средних значений, полученных С.Н. Ениколоповым и Н.П. Цибульским в результате нормирования тестовых показателей. Кроме того, в исследовании, проведенном М.М. Лобасковой с соавторами, тестовые показатели на подростковой выборке по данным шкалам оказались чуть ниже, чем были получены нами (Лобаскова и др., 2021). Данные различия могут быть связаны как с возрастом респондентов, так и с количеством испытуемых. Для описания специфики проявления различных типов агрессии в подростковом возрасте, респонденты были разделены по уровням выраженности агрессии. Разделение по уровням агрессии производилось по данным описательной статистики, представленной в Таблице 1. Процедура разбиения на группы осуществлялась следующим образом: выделение групп с низким уровнем рассчитывалось по формуле — $M-SD$, с высоким уровнем — $M+SD$, все остальные участники были отнесены к средней группе.

На Рисунке 1 представлены результаты распределения респондентов по степени выраженности различных типов агрессии на подростковой выборке.

Результаты распределения респондентов по уровню агрессии демонстрируют, что у большинства респондентов преобладает средний

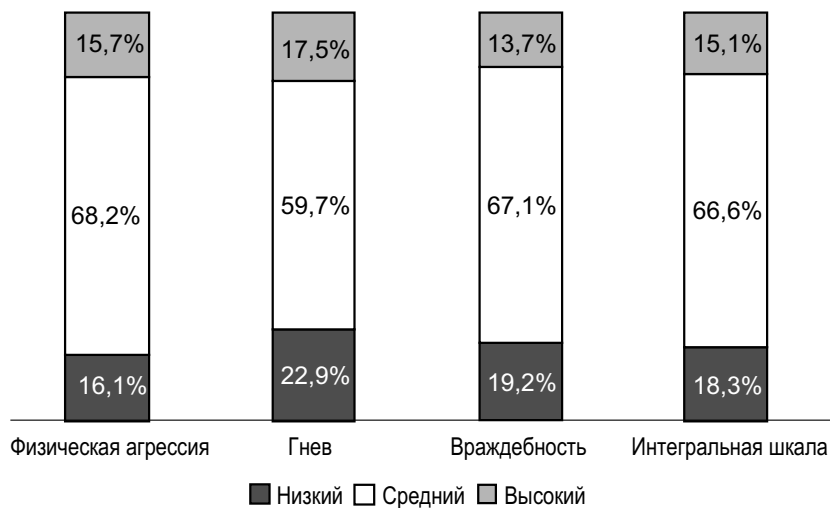

Рисунок 1

Распределение респондентов по степени выраженности агрессии

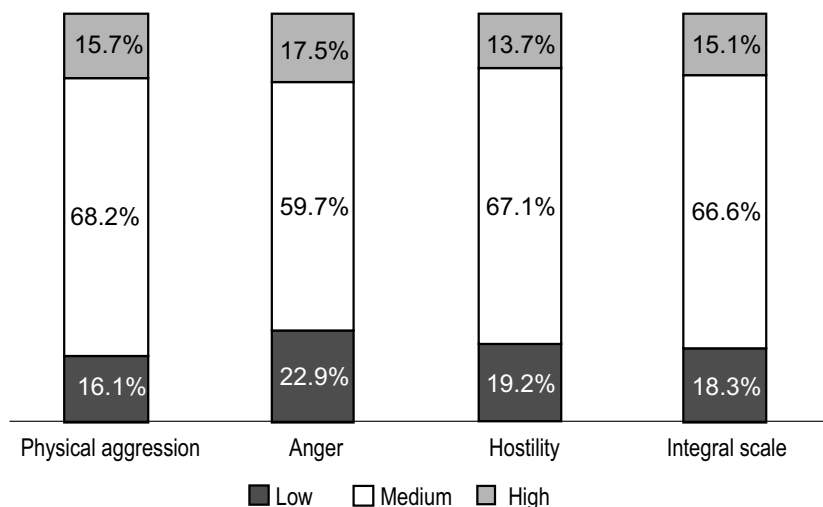

Figure 1
Distribution of respondents by the level of aggression

уровень выраженности агрессии по всем шкалам методики. Низким уровнем склонности к физической агрессии обладает 16 % респондентов, 23 % респондентов характеризуются низким уровнем склонности к выражению гнева и 19 % — низким уровнем склонности к проявлению враждебности. Однако порядка 16 % респондентов обладают высоким уровнем физической агрессии, 17 % — высоким уровнем склонности к проявлению гнева, около 14 % — высоким уровнем склонности к проявлению враждебности. Результаты показывают, что в рамках данной выборки существуют различия в распределении респондентов по уровню выраженности разных типов агрессии.

На Рисунке 2 представлено распределение респондентов по степени ежедневной активности в сети Интернет. Почти 20 % из общего числа респондентов имеют низкую активность в Сети и проводят в Интернете до 3 часов в день. 56 % респондентов проводят в Сети от 4 до 8 часов в день, а около 23 % респондентов являются активными пользователями и проводят в Сети более 9 часов. Всего 1,5 % подростков практически не заходят в Сеть.

Данные результаты свидетельствуют о довольно высокой активности подростков в Сети. Для того чтобы определить различия между группами респондентов с разным уровнем выраженности проявления

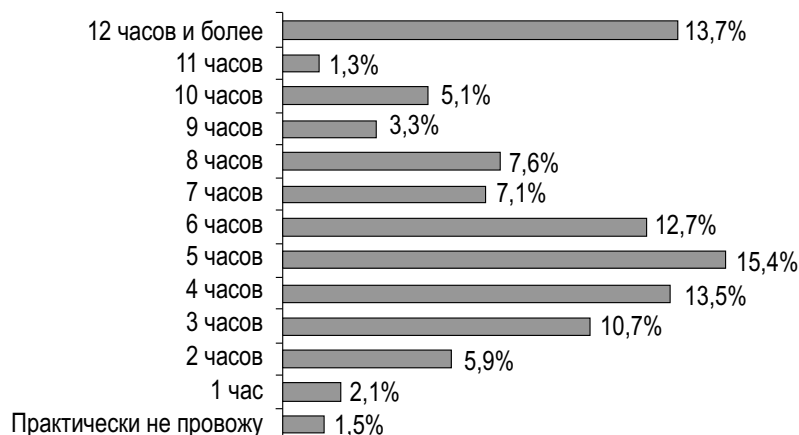

Рисунок 2

Ежедневная активность подростков в сети Интернет

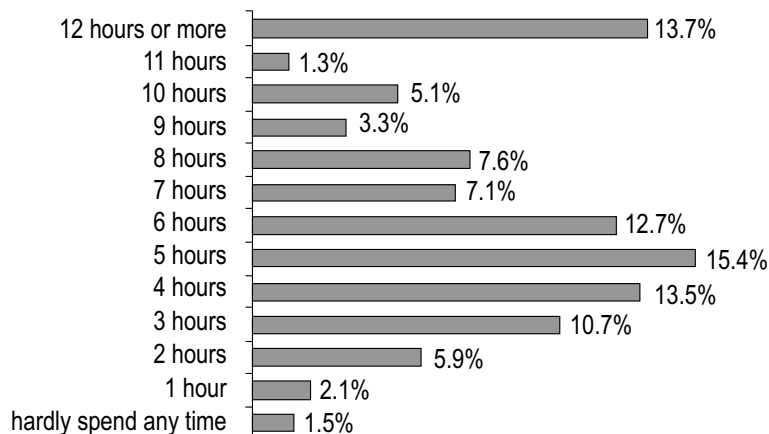

Figure 2

Daily activity of adolescents on the Internet

агрессии, мы провели анализ распределения респондентов по их степени активности в Интернете, результаты сравнительного анализа представлены на Рисунке 3.

Из общего числа респондентов с низким уровнем склонности к физической агрессии 25 % проводят в сети Интернет до 3 часов в день, а 17 % из них — более 9 часов в день. Рассматривая результаты

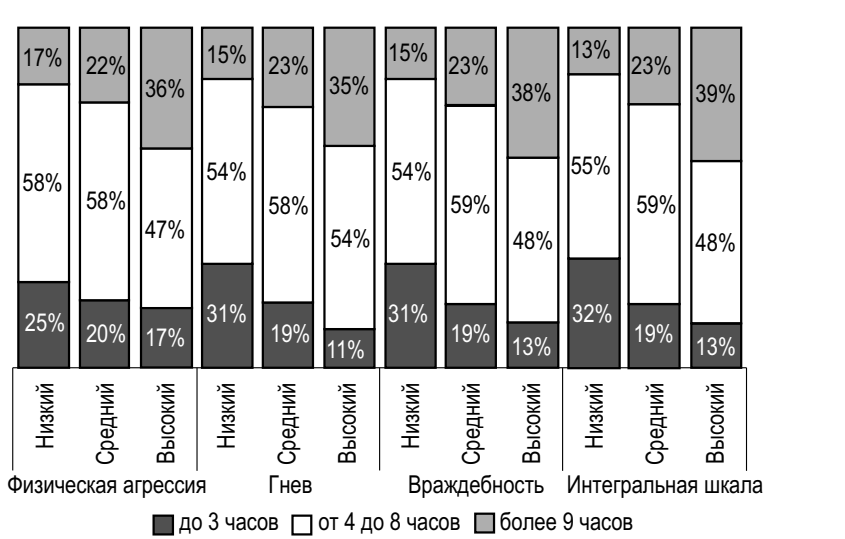

Рисунок 3
Экранное время подростков с разным уровнем выраженности различных типов агрессии

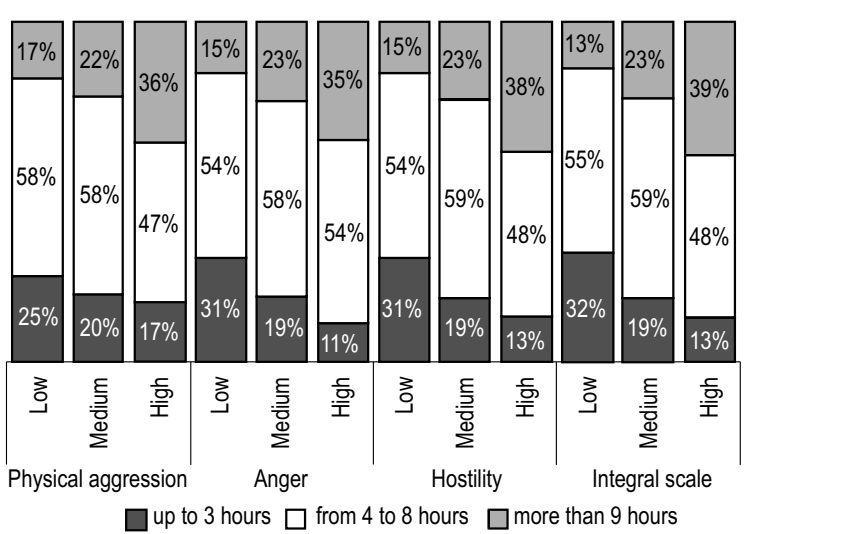

Figure 3
Screen time of adolescents with different levels of different types of aggression

по группе с высоким уровнем склонности к физической агрессии, можно отметить обратную тенденцию: порядка 36 % респондентов являются активными пользователями Сети (проводят в Сети более 9 часов в день), а 17 % из них проводят в Сети до 3 часов в день. Большинство подростков со средним уровнем склонности к физической агрессии характеризуются средней степенью активности в сети Интернет (58 %), однако около 20 % используют Интернет до 3 часов в день, а 22 % респондентов этой группы пребывают в Сети более 9 часов. Аналогичные результаты были получены по всем шкалам методики.

Взаимосвязь между пользовательской активностью подростков и выраженностью различных типов агрессии

Для понимания взаимосвязи между пользовательской активностью подростков и выраженностью агрессии был применен корреляционный анализ по методу Пирсона. Для проведения корреляционного анализа использовались сырые баллы методики Басса — Перри и ответов на вопрос «Сколько времени вы ежедневно проводите в сети Интернет?» Результаты корреляционного анализа показали наличие значимых положительных корреляционных связей между шкалами опросника диагностики агрессии и ежедневной активностью подростков в сети Интернет. Наиболее выраженная значимая корреляционная связь обнаружена между интегральной шкалой агрессии и ежедневной активности подростков ($r = 0,25$; $p < 0,01$), а наименее выраженная взаимосвязь обнаружена между физической агрессией и ежедневной активностью подростков в Сети ($r = 0,17$; $p < 0,01$). Однако все связи, как эти, так и остальные, оказались статистически значимыми (между шкалой гнева и активностью подростков ($r = 0,23$; $p < 0,01$); между шкалой враждебности и активностью подростков в Сети ($r = 0,22$; $p < 0,01$)). Таким образом, корреляционный анализ показал статистически значимую положительную взаимосвязь между уровнем агрессии и ежедневной активностью подростков в Сети, то есть чем выше уровень агрессии, тем выше ежедневная активность подростков в Сети.

Сравнительный анализ использования экранного времени у подростков с разным уровнем агрессии

По результатам однофакторного дисперсионного анализа было установлено, что показатели интегральной шкалы агрессии ($F = 263,12$; $p < 0,01$), физической агрессии ($F = 102,95$; $p < 0,01$), гнева

($F = 235,71$; $p < 0,01$) и враждебности ($F = 204,73$; $p < 0,01$) статистически значимо связаны с показателем экранного времени у подростков.

Для оценки значимости различий между группами с низким, средним и высоким уровнем агрессии, был использован анализ множественных сравнений (Таблица 2).

Результаты анализа показали, что использование экранного времени у подростков с высоким уровнем склонности к проявлению всех типов агрессии статистически значимо выше, чем у подростков с низким и средним уровнем, а у подростков со средним уровнем статистически значимо выше, чем у подростков с низким уровнем. Кроме того, наиболее высокий показатель размера эффекта наблюдается между группами с низким и высоким уровнем гнева, враждебности и общего показателя агрессии, в то время как самый низкий показатель наблюдается между группами со средним и низким уровнем

Таблица 2

Сравнительный анализ использования экранного времени у подростков с разным уровнем агрессии

Уровень агрессии	Средняя разность (I–J)	Т-Стьюдента (степени свободы)	Размер эффекта
Интегральная шкала			
Низкий–Высокий	–2,39	–22,19* (3273,6)	–0,74
Средний–Низкий	1,12	14,92* (3338,7)	0,36
Средний–Высокий	–1,26	–13,66* (2301,3)	–0,39
Физическая агрессия			
Низкий–Высокий	–1,52	–13,63* (3347,9)	–0,46
Средний–Низкий	0,58	7,32* (2769)	0,18
Средний–Высокий	–0,94	–10,02* (2369,8)	–0,29
Гнев			
Низкий–Высокий	–2,07	–21,46* (3961,2)	–0,65
Средний–Низкий	1,01	14,00* (4696,6)	0,32
Средний–Высокий	–1,05	–12,53* (3034,6)	–0,33
Враждебность			
Низкий–Высокий	–2,15	–19,41* (2980)	–0,66
Средний–Низкий	0,97	12,86* (3476,2)	0,31
Средний–Высокий	–1,18	–12,28* (2038)	–0,37

Примечание. * — $p < 0,01$.

Table 2

Comparative analysis of screen time for adolescents with different levels of aggression

Level of aggression	Mean difference (I-J)	t (df)	Cohen's d
Integral scale			
Low-High	-2.39	-22.19* (3273.6)	-0.74
Medium-Low	1.12	14.92* (3338.7)	0.36
Medium-High	-1.26	-13.66* (2301.3)	-0.39
Physical aggression			
Low-High	-1.52	-13.63* (3347.9)	-0.46
Medium-Low	0.58	7.32* (2769)	0.18
Medium-High	-0.94	-10.02* (2369.8)	-0.29
Anger			
Low-High	-2.07	-21.46* (3961.2)	-0.65
Medium-Low	1.01	14.00* (4696.6)	0.32
Medium-High	-1.05	-12.53* (3034.6)	-0.33
Hostility			
Low-High	-2.15	-19.41* (2980)	-0.66
Medium-Low	0.97	12.86* (3476.2)	0.31
Medium-High	-1.18	-12.28* (2038)	-0.37

Note. * — $p < 0.01$.

склонности к физической агрессии. Таким образом, наиболее явные различия наблюдаются между крайними группами респондентов (между низким и высоким уровнем агрессии).

Обсуждение результатов

В ходе данного исследования рассматривалась взаимосвязь использования экранного времени и проявления различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте. Результаты анализа склонности подростков к проявлению агрессии показали, что почти каждый шестой подросток в возрасте от 15 до 18 лет обладает высоким уровнем склонности к физической агрессии и к проявлению гнева, а каждый седьмой имеет склонность к проявлению враждебности. На основании данных результатов можно полагать, что в среднем почти в каждом классе (численностью в 35 человек) есть пять-шесть подростков, демонстрирующих высокий уровень

склонности к проявлению различных типов агрессии. Этот результат подчеркивает серьезность ситуации и указывает на необходимость разработки и внедрения программ, направленных на выявление подростков, находящихся в группе риска, а также подразумевает разработку комплексных программ, ориентированных на превентивные меры и воспитательную работу, предусматривающих психологическую поддержку и коррекцию подобного поведения. Ранее в научных работах уже были рассмотрены различные аспекты профилактики агрессии несовершеннолетних, включая описание конкретных механизмов и методов, способствующих снижению уровня агрессии у подростков (Реан, 2018; Реан, Ставцев, 2020; и др.).

Помимо изучения склонности к агрессивному поведению, в данном исследовании было рассмотрено ежедневное использование подростками экранного времени. Полученные результаты демонстрируют довольно высокую активность подростков в сети Интернет. Например, порядка 56 % респондентов проводят в Сети от 4 до 8 часов в день, а около 23 % респондентов являются активными пользователями и проводят в Сети более 9 часов. Как было описано в теоретической части статьи, проблематика зависимости от гаджетов, особенно среди детей и подростков, вызывает обеспокоенность среди специалистов в разных областях наук, поскольку накопленные данные свидетельствуют о потенциально негативных последствиях злоупотребления гаджетами для развития личности подростков (Веракса и др., 2021; Kraut et al., 1998; и др.).

Также была рассмотрена взаимосвязь между использованием экранного времени и склонностью подростков к различным типам агрессии. Результаты анализа показали, что использование экранного времени у подростков с высоким уровнем склонности к проявлению всех типов агрессии — гнева, враждебности, физической агрессии — статистически значимо выше, чем у подростков с низким и средним уровнем, а у подростков со средним уровнем статистически значимо выше, чем у подростков с низким уровнем. Следует отметить, что взаимосвязь агрессии и чрезмерного использования Интернета неоднократно была подтверждена многими исследованиями (Солдатова и др., 2017; Eisner, Malti, 2015; Kim, 2013; и др.). Однако в данном исследовании была установлена взаимосвязь между различными типами агрессии (физическая агрессия, гнев, враждебность) и экранным временем, а также показаны значимые различия между группами с низким, средним и высоким уровнем различных типов агрессии на масштабной выборке старших подростков.

В этом контексте задача исследовательского и образовательного сообществ становится двойной: с одной стороны, необходимо глубже понять механизмы влияния цифровых технологий на развитие детской психики, а с другой — разработать и внедрить эффективные стратегии и программы, направленные на минимизацию потенциальных рисков.

Ограничения исследования

При анализе ответов на вопрос «Сколько времени вы ежедневно проводите в сети Интернет?» было выявлено, что около 14 % респондентов указали значение «12 и более часов в день». Данный результат может быть обусловлен влиянием временного контекста исследования: опрос проводился вскоре после окончания периода самоизоляции, вызванного пандемией COVID-19. В это время учащиеся могли сохранять привычки, сформировавшиеся в условиях дистанционного обучения. Таким образом, высокий показатель экранного времени может частично отражать особенности адаптации подростков к изменившейся реальности, а не их типичное поведение в обычных условиях.

Также в данном исследовании установлены корреляционные связи между экранным временем и различными типами агрессии у старших подростков. Однако это, в силу природы корреляционных связей, не свидетельствует о прямой причинно-следственной связи. Вместе с тем, во-первых, обнаруженные взаимосвязи могут быть обратными: например, высокий уровень агрессии подростка может приводить к увеличению экранного времени в силу трудностей в социальных взаимодействиях и недостатка общения в реальной жизни. Во-вторых, выявленные связи могут быть обусловлены влиянием других факторов, например, семейной ситуацией, уровнем стресса или психоэмоциональным состоянием подростка. Вероятно, изучаемый феномен имеет еще более сложную природу и определяется множеством взаимосвязанных факторов, которые выходят за рамки данного исследования. Кроме того, в данном исследовании не ставился вопрос о специфике потребляемого контента подростками и видов деятельности в Сети, что могло бы обогатить приведенный анализ, но в то же время является самостоятельной научной задачей.

Выводы

В современном обществе наблюдается заметное увеличение времени, проводимого подростками в сети Интернет, что, как

подтверждают результаты исследований, может коррелировать с ростом агрессивного поведения среди данной возрастной группы. С целью более глубокого понимания этой проблематики было проведено исследование, результаты которого согласуются с ранее полученными данными, указывая на тесную связь между длительным пребыванием подростков в Сети и склонностью к агрессии. При этом значимая корреляционная связь была обнаружена не только с интегральным показателем агрессии, но и с конкретными типами агрессии, которые были предметом данного исследования. Проблема взаимосвязи интернет-зависимости и агрессивного поведения подростков требует дальнейшего изучения в рамках различных научных дисциплин (психологии, социологии, медицины, информационных технологий и др.). Комплексное рассмотрение различных аспектов данной проблематики позволит более полно оценить степень влияния использования электронных устройств на психоэмоциональное и физическое состояние подрастающего поколения. Важность данного вопроса обусловлена потенциальными рисками, которые чрезмерное использование Интернета несет для психологического благополучия подростков и социальной адаптации личности.

В заключение следует отметить, что обеспечение здорового баланса между использованием цифровых устройств и другими аспектами жизни является ключом к предотвращению негативных последствий для психического, когнитивного и в целом личностного развития молодежи. Не менее важным является разработка и реализация мероприятий, направленных на профилактику агрессивного поведения и формирование здоровой психологической атмосферы в школьных коллективах. Это требует усилий, направленных на развитие устойчивости к негативному влиянию избыточного экранного времени, а также снижение уровня агрессии и обеспечение благоприятного развития личности каждого учащегося. Для этого необходимо участие как научного сообщества, так и образовательных учреждений, родителей и самих детей.

Список литературы

Бочавер, А.А., Докука, С.В., Новикова, М.А., Сивак, Е.В., Смирнов, И.Б. (2019). Благополучие детей в цифровую эпоху: доклад к 20-й Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (9–12 апреля, 2019 г.). Москва: Изд-во Высшей школы экономики. URL: <https://>

[www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004481/5 %20Благополучие%20детей.pdf](http://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004481/5%20Благополучие%20детей.pdf) (дата обращения: 15.03.2025).

Бухаленкова, Д.А., Веракса, А.Н., Чичинина, Е.А. (2022). Связь использования цифровых устройств, качества сна, физической активности и пищевого поведения у дошкольников. *Современная зарубежная психология*, 11(2), 68–80. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110206>

Бэррон, Р., Ричардсон, Д. (2011). Агрессия. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Веракса, А.Н., Бухаленкова, Д.А., Чичинина, Е.А., Алмазова, О.В. (2021). Взаимосвязь использования цифровых устройств и эмоционально-личностного развития современных дошкольников. *Психологическая наука и образование*, 26(1), 27–40. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260101>

Ениколопов, С.Н., Цибульский, Н.П. (2007). Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. *Психологический журнал*, 28(1), 115–124.

Лобаскова, М.М., Адамович, Т.В., Исмагуллина, В.И., Маракшина, Ю.А., Малых, С.Б. (2021). Психометрический анализ опросника агрессивности Басса — Перри. *Теоретическая и экспериментальная психология*, (4), 28–38. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2021-4-28-38>

Реан, А.А. (2018). Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних. *Национальный психологический журнал*, (2), 3–12. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>

Реан, А.А. (2016). Психология личности. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Реан, А.А., Ставцев, А.А. (2020). Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга. *Вопросы образования*, (3), 37–59. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-37-59>

Собкин, В.С. (2000). Телевидение и образование: опыт социологических исследований 1980–90-х. В кн.: Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Под ред. В.С. Собкина. (С. 11–94). Москва: Изд-во Центра социологии образования РАО.

Солдатова, Г.У., Войсунский, А.Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431–450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>

Солдатова, Г.У., Илюхина, С.Н. (2022). Роль агрессии в распространении деструктивного контента молодыми людьми. В кн.: Подросток в мегаполисе: новая реальность. Сб. тр. 15-й Международ. науч.-практич. конф. (5–6 апреля, 2022 г.). Под ред. А.А. Бочавер. (С. 104–108). Москва: Изд-во Высшей школы экономики.

Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Нестик, Т.А. (2017). Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. Москва: Изд-во «Смысл».

Carli, V., Durkee, T., Wasserman, D., Hadlaczky, G., Despalins, R., Kramarz, E., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C.W., Brunner, R., Kaess, M. (2013). The association between pathological Internet use and comorbid psychopathology: a systematic review. *Psychopathology*, 46(1), 1–13. <https://doi.org/10.1159/000337971>

Craig, W., Boniel-Nissim, M., King, N., Walsh, S.D., Boer, M., Donnelly, P.D., Harel-Fisch, Y., Malinowska-Cieslik, M., de Matos, M.G., Cosma, A., Van den Eijnden, R., Vieno, A., Elgar, F.J., Molcho, M., Bjereld, Y., Pickett, W. (2020). Social media use and cyber-bullying: a cross-national analysis of young people in 42 countries. *Journal of Adolescent Health*, 66(6), S100–S108. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2020.03.006>

Eisner, M.P., Malti, T. (2015). Aggressive and violent behavior. In: M.E. Lamb, R.M. Lerner, (eds.). *Handbook of child psychology and developmental science: Socio-emotional processes*. (pp. 794–841). New York: John Wiley & Sons Publ. <https://doi.org/10.1002/9781118963418.childpsy319>

El Asam, A., Samara, M., Terry, P. (2019). Problematic internet use and mental health among British children and adolescents. *Addictive Behaviors*, 90, 428–436. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.09.007>

Kim, K. (2013). Association between Internet overuse and aggression in Korean adolescents. *Pediatrics International*, 55(6), 703–709. <https://doi.org/10.1111/ped.12171>

Kraut, R., Patterson, M., Lundmark, V., Kiesler, S., Mukopadhyay, T., Scherlis, W. (1998). Internet paradox. A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American Psychologist*, 53(9), 1017–1031. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.53.9.1017>

Roberts, D.F., Foehr, U.G., Rideout, V.J. (2010). *Generation M²: Media in the lives of 8– to 18–year-olds*. Menlo Park: Kaiser Family Foundation Publ.

Rosen, L.D., Lim, A.F., Felt, J., Carrier, L.M., Cheever, N.A., Lara-Ruiz, J.M., Mendoza, J.S., Rokkum, J. (2014). Media and technology use predicts ill-being among children, preteens and teenagers independent of the negative health impacts of exercise and eating habits. *Computers in Human Behavior*, 35, 364–375. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.01.036>

References

Beron, R., Richardson, D. (2011). *Aggression*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
Bochaver, A.A., Dokuka, S.V., Novikova, M.A., Sivak, E.V., Smirnov, I.B. (2019). Children's well-being in the digital age: report on the 20th April international scientific conference on economic and social development (April 9–12, 2019). Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russ.). URL: <https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004481/5%20Благополучие%20детей.pdf> (accessed: 15.03.2025).

Bukhalenkova, D.A., Veraksa, A.N., Chichinina, E.A. (2022). The relationship between digital device use, sleep quality, physical activity, and eating behavior in preschoolers. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 11(2), 68–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110206>

Carli, V., Durkee, T., Wasserman, D., Hadlaczky, G., Despalins, R., Kramarz, E., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C.W., Brunner, R., Kaess, M. (2013). The association between pathological Internet use and comorbid psychopathology: a systematic review. *Psychopathology*, 46(1), 1–13. <https://doi.org/10.1159/000337971>

Craig, W., Boniel-Nissim, M., King, N., Walsh, S.D., Boer, M., Donnelly, P.D., Harel-Fisch, Y., Malinowska-Cieslik, M., Gaspar de Matos, M., Cosma, A., Van den Eijnden, R., Vieno, A., Elgar, F.J., Molcho, M., Bjereld, Y., Pickett, W. (2020). Social media use and cyber-bullying: a cross-national analysis of young people in 42 countries. *Journal of Adolescent Health*, 66(6), S100–S108. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2020.03.006>

Eisner, M.P., Malti, T. (2015). Aggressive and violent behavior. In: M.E. Lamb, R.M. Lerner, (eds.). *Handbook of child psychology and developmental science: Socio-emotional processes*. (pp. 794–841). New York: John Wiley & Sons Publ. <https://doi.org/10.1002/9781118963418.childpsy319>

El Asam, A., Samara, M., Terry, P. (2019). Problematic internet use and mental health among British children and adolescents. *Addictive Behaviors*, 90, 428–436. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.09.007>

Enikolopov, S.N., Tsibul'skii, N.P. (2007). Psychometric analysis of the Russian-language version of the Questionnaire for the diagnosis of aggression by A. Buss and M. Perry. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 28(1), 115–124. (In Russ.)

Kim, K. (2013). Association between Internet overuse and aggression in Korean adolescents. *Pediatrics International*, 55(6), 703–709. <https://doi.org/10.1111/ped.12171>

Kraut, R., Patterson, M., Lundmark, V., Kiesler, S., Mukopadhyay, T., Scherlis, W. (1998). Internet paradox. A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American Psychologist*, 53(9), 1017–1031. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.53.9.1017>

Lobaskova, M.M., Adamovich, T.V., Ismatullina, V.I., Marakshina, Yu.A., Malykh, S.B. (2021). Psychometric analysis of the Buss-Perry Aggression Questionnaire. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, (4), 28–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2021-4-28-38>

Rean, A.A. (2016). *Personality psychology*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Rean, A.A. (2018). Prevention of aggression and antisocial behaviour in adolescents. *National Psychological Journal*, (2), 3–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>

Rean, A.A., Stavtsev, A.A. (2020). Positive psychological interventions as prevention of school problems, aggression and bullying. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*, (3), 37–59. (In Russ.)

Roberts, D.F., Foehr, U.G., Rideout, V.J. (2010). *Generation M²: Media in the lives of 8- to 18-year-olds*. Menlo Park: Kaiser Family Foundation Publ.

Rosen, L.D., Lim, A.F., Felt, J., Carrier, L.M., Cheever, N.A., Lara-Ruiz, J.M., Mendoza, J.S., Rokkum, J. (2014). Media and technology use predicts ill-being among children, preteens and teenagers independent of the negative health impacts of exercise and eating habits. *Computers in Human Behavior*, 35, 364–375. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.01.036>

Sobkin, V.S. (2000). Television and education: the experience of sociological research in the 1980s and 1990s. In: V.S. Sobkin, (ed.). *Education and information*

culture. Sociological aspects. Works on the sociology of education. (pp. 11–94). Moscow: Center for the sociology of education of the RAE Publ. (In Russ.)

Soldatova, G.U., Ilyukhina, S.N. (2022). The role of aggression in the dissemination of destructive content by young people. In the Collection of a Teenager in a Megalopolis: a New Reality. In: A.A. Bochaver, (ed.). Fifteenth International Scientific and Practical Conference (April 5–6, 2022). (pp. 104–108). Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russ.)

Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Nestik, T.A. (2017). Russia's digital generation: competence and security. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)

Soldatova, G.U., Voiskunskii, A.E. (2021). The socio-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and the social evolution of the psyche. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(3), 431–450. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>

Veraksa, A.N., Bukhalenkova, D.A., Chichinina, E.A., Almazova, O.V. (2021). Relationship between the use of digital devices and personal and emotional development in preschool children. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 26(1), 27–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2021260101>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артур Александрович Реан, академик РАО, доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, председатель Научного совета Российской академии образования по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Москва, Российская Федерация, profrean@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>

Анна Викторовна Егорова, аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, Москва, Российская Федерация, egrvan18@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3502-9551>

Иван Александрович Коновалов, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, iv.kononov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>

ABOUT THE AUTHORS

Artur A. Rean, Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychol.), Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behaviour and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on

the Prevention of Aggression and Destructive Behaviour in Students, Moscow, Russian Federation, profrean@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>

Anna V. Egorova, Research Analyst of the Center of Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behaviour Research, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, egrvan18@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3502-9551>

Ivan A. Kononov, Cand. Sci. (Psychol.), Research Fellow at the Laboratory of Psychology of Destructive Behaviour and Aggression of Youth, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, iv.kononov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>

Поступила 27.06.2024. Получена после доработки 07.04.2025. Принята в печать 23.04.2025.

Received 27.06.2024. Revised 07.04.2025. Accepted 23.04.2025.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / EMPIRICAL STUDIES

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-13>
УДК/UDC 316.623, 159.923

Механизмы отчуждения моральной ответственности: априорная вероятность и личностные предикторы

Н.П. Ячmeneва¹, М.В. Балева²✉, С.Д. Корниенко¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация

✉ milenabaleva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Применяемые для защитного оправдания аморальных поступков механизмы отчуждения моральной ответственности (ОМО), с одной стороны, провоцируют неэтичное поведение, а с другой — препятствуют его прямой коррекции. Таким образом, исследование факторов, лежащих в основе данных механизмов, актуально как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Цель. В исследовании анализируются когнитивные и личностные факторы выбора стратегий (локусов) ОМО.

Выборка. В исследовании приняли участие 618 человек в возрасте от 17 до 52 лет ($M_{\text{возраст}} = 23,08$, $SD = 6,32$), из них 450 женщин; 410 человек — студенты разных вузов и специальностей, 208 — сотрудники предприятий и организаций разного профиля.

Методы. Сбор данных проводился с использованием валидных тестовых методик: Короткой шкалы отчуждения моральной ответственности, Короткого опросника темной тетрады, Опросника когнитивной и аффективной эмпатии и Краткой версии опросника эмоционального интеллекта.

Результаты. Обнаружено, что наиболее предпочитаемой стратегией ОМО является локус жертвы, а наименее предпочитаемой — локус искажения последствий поведения. Основными личностными предикторами ОМО выступают высокие значения психопатии и макиавеллизма, а также низкая эмпатия и слабая способность к распознаванию собственных чувств. Вклад

личностных свойств является наиболее значимым для интегративного показателя ОМО и его поведенческого локуса, а наименее значимым — для локуса актора (ситуативного оправдания аморальных поступков). Искажение образа жертвы лучше предсказывается «темными» чертами — психопатией и макиавеллизмом, чем низкой эмпатией и эмоциональным интеллектом. Наоборот, искажение последствий поведения лучше предсказывается когнитивной эмпатией и хуже — выраженностью «темных» черт.

Выводы. На основании полученных результатов можно заключить, что отчуждение моральной ответственности чаще всего проявляется через защитный механизм обвинения жертвы, что связано, по всей видимости, с большей когнитивной легкостью его формирования. Разные по силе и качеству вклады личностных черт, эмпатии и эмоционального интеллекта в отдельные локусы ОМО показывают, что поведенческий локус в большей степени обусловлен личностными чертами, локус актора — когнитивными особенностями, а локус жертвы определяется как личностными, так и когнитивными особенностями субъекта. Обнаруженные закономерности могут быть полезны в практической работе с убеждениями, оправдывающими аморальное поведение.

Ключевые слова: моральное отчуждение, темная тетрада, эмпатия, эмоциональный интеллект, когнитивные механизмы, личностные предикторы

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы по государственному заданию РАНХиГС.

Для цитирования: Ячменева, Н.П., Балева, М.В., Корниенко, С.Д. (2025). Механизмы отчуждения моральной ответственности: априорная вероятность и личностные предикторы. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 84–108. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-13>

Mechanisms of Moral Disengagement: Apriori Probability and Personality Predictors

Nadezhda P. Yachmeneva¹, Milena V. Baleva²✉,
Dmitry S. Kornienko¹

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

² Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

✉ milenabaleva@yandex.ru

Abstract

Background. Applied for defensive justification of immoral actions, the mechanisms of moral disengagement (MD), on the one hand, provoke unethical behaviour, and on the other hand, prevent its direct correction. Thus, the study of the factors underlying these mechanisms is relevant from both theoretical and practical points of view.

Objective. The aim of the study is to identify cognitive and personal factors in the choice of MD strategies (loci).

Study Participants. The study involved 618 respondents aged 17 to 52 years ($M = 23.08$; $SD = 6.32$), including 450 women; 410 are students from various universities and specialties, 208 are employees of enterprises and organizations of various profiles.

Methods. Data were collected using valid questionnaires: Short Scale of Moral Disengagement, Dark Tetrad Short Questionnaire, Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, and Short Form of the Emotional Intelligence Questionnaire.

Results. It was found that the most preferred MD strategy is the locus of victim, and the least preferred one is the disregard (or distortion) of the behaviour consequences locus. The main personality predictors of the MD are high values of psychopathy and Machiavellianism, as well as low empathy and a weak ability to recognize one's own feelings. The contribution of personality traits is most significant for the integrative indicator of the MD and its behavioral locus, and the least significant for the actor locus (situational justification of immoral acts). Distortion of the victim image is better predicted by the "dark" traits — psychopathy and Machiavellianism, than by low empathy and emotional intelligence. On the contrary, the distortion of the behaviour consequences is better predicted by cognitive empathy and worse by the expression of "dark" traits.

Conclusions. Based on the obtained results, it can be concluded that moral disengagement most often manifests itself through the defense mechanism of victim blaming, which is likely due to the greater cognitive ease of its formation. The contributions of personality traits, empathy and emotional intelligence to different loci of MD vary in strength and quality. Thus, the behaviour locus is determined to a greater extent by personality characteristics, the actor locus by cognitive qualities, and the victim locus is determined by both personality and cognitive peculiarities. The discovered patterns can be useful in practical work with beliefs that justify immoral behaviour.

Keywords: moral disengagement, dark tetrad, empathy, emotional intelligence, cognitive mechanisms, personality predictors

Funding. The article was prepared as a part of the research carried out on a state assignment from RANEPa.

For citation: Yachmeneva, N.P., Baleva, M.V., Kornienko, D.S. (2025). Mechanisms of moral disengagement: apriori probability and personality predictors. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 84–108. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-13>

Введение

Когнитивный и поведенческий уровни готовности к моральному поведению образуют разные, не всегда соответствующие друг другу аспекты реальности, опосредованные механизмами отчуждения моральной ответственности (ОМО). Впервые эти механизмы были описаны в теории морального действия А. Бандуры. Он рассматривал мораль в двух аспектах — как установку и как реальное действие, которые могут противоречить друг другу (Bandura et al., 1996; Bandura, 2016). С помощью механизмов ОМО субъект способен избирательно соблюдать и нарушать моральные запреты, отчуждая, то есть не относя к себе, вредоносное содержание своего поведения. Это позволяет совершать неэтичные поступки, избегая диссонантных отношений внутри когнитивных схем и не испытывая негативных переживаний вины, стыда, гнева и др. Бандура относит механизмы ОМО к разным элементам системы аморальной интеракции: самому поведению, его последствиям, субъекту действия (актору) и объекту действия (жертве) (Ледовая и др., 2016; Моог, 2015). Именно эти элементы, по мнению автора, являются «точками приложения» (локусами) когнитивных искажений, ведущих к отчуждению моральной ответственности.

Поведенческий локус включает три механизма: моральное оправдание (moral justification), эвфимистический ярлык (euphemistic labelling) и выгодное сравнение (advantageous comparison). Моральное оправдание связано с подчеркиванием этического аспекта аморального поступка, его объяснением некой высшей целью, например, защитой слабого. Эвфимистический ярлык основан на речевой казуистике, то есть смягчении тяжести поступка за счет его переименования. Так, например, вместо «воровать» используется выражение «брать на время». Выгодное сравнение задействует эффект контраста: собственный аморальный поступок сравнивается с еще более тяжким или преподносится как частный случай некой глобальной тенденции.

Локус искажения последствий поведения (disregard or distortion of consequences) представляет собой самостоятельный механизм, направленный на обесценивание общего вреда аморального поведения.

Например, утверждается, что использование плагиата, искажение фактов или присвоение случайно выданной сдачи не причиняет страданий и не наносит никому конкретно большого вреда.

Локус актора (субъекта) включает два механизма: смещение ответственности (*displacement of responsibility*) и рассеивание ответственности (*diffusion of responsibility*). Первый предполагает перекладывание ответственности за аморальное действие на авторитетную фигуру или социальную роль, в рамках которой это действие осуществлялось. Второй оправдывает аморальный поступок тем, что так поступали все.

Локус жертвы (объекта) проявляется через механизмы дегуманизации (*dehumanization*) и атрибуции вины (*attribution of blame*). Дегуманизация проявляется в представлении жертвы как низшего, недостойного и даже опасного существа, нанесение ущерба которому несет благо обществу. Атрибуция вины предполагает инверсию ролей жертвы и агрессора, за счет чего аморальные действия трактуются как защита или ответ на провокацию.

Для более точного предсказания выбора той или иной стратегии морального отчуждения имеет смысл проанализировать предпочтение его локусов в связи с тремя факторами. Во-первых, следует опираться на априорную вероятность их предпочтения (Канеман, 2018), которая определяется экономией когнитивных усилий. Во-вторых, прогноз выбора стратегии может быть связан с диспозиционными характеристиками личности, имеющими отношение к социальному поведению. В данном контексте можно рассматривать черты личности, а также другие устойчивые личностные свойства. В-третьих, значимым прогностическим фактором являются особенности восприятия конкретной социальной ситуации. В настоящей статье мы рассматриваем разные стратегические локусы морального отчуждения с точки зрения первых двух факторов: (1) априорной вероятности их предпочтения (общего оценочного рейтинга), а также (2) их обусловленности рядом личностных свойств, которые имеют непосредственное отношение к моральному поведению. В качестве таковых анализируются черты темной тетрады, а также эмпатия и эмоциональный интеллект.

Механизмы морального отчуждения с точки зрения когнитивной простоты и сложности самооправдания

Поскольку аморальные поступки являются частью социально-го взаимодействия, их следует рассматривать и интерпретировать

в логике социально-перцептивного процесса и сопровождающих его феноменов. Несложно заметить, что описанные А. Бандурой локусы актора и жертвы соотносятся с двумя главными элементами структурной модели социальной перцепции — субъектом и объектом (Балева, 2024). Можно было бы ожидать, что лежащая в основе данных локусов ОМО логика заключается в преуменьшении или непризнании позитивных свойств и действий объекта, а также в самооправдывающем обнаружении таковых в собственной личности и действиях: «Он — плохой», «Я — хороший», «Его действия — неправильные», «Мои действия — правильные». Однако пристальный анализ содержания механизмов ОМО показывает, что это действительно только в отношении объекта (жертвы). Что касается оправдания себя (локус актора), входящие в его состав механизмы основываются на фиксации не личностных, а ситуативных причин аморальных поступков, которые делают их вынужденными. Такая асимметрия хорошо объясняется фундаментальной ошибкой атрибуции, которая связана с базовыми перцептивными закономерностями, проявляющимися в социальном взаимодействии: другой человек поступает так, потому что «он такой человек», а я поступаю так, потому что «таковы обстоятельства» (Росс, Нисбетт, 1999). Принимая во внимание содержательную специфику локуса актора, его следовало было бы назвать, скорее, «ситуативным». Вместе с тем оценка действий субъекта все же входит в состав механизмов ОМО, формируя, согласно А. Бандуре, два самостоятельных локуса. Не претендуя на опровержение корректности общепринятых терминов, отметим, что фактически моральное оправдание имеет в своей основе три главных локуса: объект (жертва), субъект (его поведение) и обстоятельства (ситуация). Рассмотрим эти локусы с точки зрения когнитивной легкости их выбора субъектом (Stanovich, West, 2002).

Можно предположить, что суждения оправдательного характера будут нацелены на те составляющие перцептивного поля, которые обладают большей заметностью и лучше поддаются дефиниции в терминах простых дихотомических, то есть предельно четких категорий типа «черный — белый», «свой — чужой», «большой — маленький» и т.п. В этом смысле приоритет будет отдан наименее абстрактным (наглядным) и поддающимся стереотипизации элементам поля. Этим критериям соответствует, прежде всего, объект (жертва). Являясь наиболее заметным элементом перцептивного поля взаимодействий (Jones, 1976), именно он выступает самым «перспективным кандидатом» на роль причины, объясняющей характер взаимодействия с ним.

Благодаря стереотипизации, одному из главных механизмов социальной перцепции, объект (другой человек) легко идентифицируется, прежде всего, в терминах простейших дихотомий «друг — враг», или «опасный — безопасный», и, будучи распознанным как «враг», автоматически наделяется целым рядом характеристик, оправдывающих и даже восхваляющих неэтичное, в том числе агрессивное поведение по отношению к нему.

Два других элемента коммуникативного акта — поведение субъекта и ситуация — характеризуются несколько большей сложностью когнитивной оценки. Разные аспекты ситуации обладают большей заметностью (наглядностью), чем поведение. Однако их многообразие и разнородность может оказывать зашумляющий эффект, который затрудняет однозначность их категоризации. В свою очередь, поведение, рассматриваемое в терминах совершаемых действий, обладает меньшей перцептивной заметностью, однако с большей легкостью категоризируется в терминах дихотомий (например, «защита — нападение», «сотрудничество — соперничество» и др.). Таким образом, можно предположить, что поведенческий и ситуативный локусы требуют сопоставимого уровня когнитивных усилий, который превосходит по энергозатратности усилия, необходимые для обвинения объекта (жертвы). В качестве эмпирического обоснования для выдвигаемой нами идеи можно сослаться на результаты ряда исследований (Молчанов, 2020; Молчанов, Алмазова, 2020; Молчанов и др., 2020), свидетельствующие о том, что механизмы дегуманизации жертвы и атрибуции вины занимают лидирующие позиции в иерархии предпочтений в подростковом и юношеском возрасте.

Таким образом, можно предположить, что с точки зрения когнитивной простоты стратегии (локусы) ОМО обладают разной априорной вероятностью, или легкостью активации. Более предпочитаемыми (легкими) являются механизмы, фокусирующиеся на объекте (жертве), а менее предпочитаемыми — механизмы, сфокусированные на оценке ситуации и поведения.

Моральное отчуждение и «темные» черты

«Темные» черты — макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и садизм (Корниенко и др., 2022; Paulhus et al., 2021) не только связаны с антисоциальными и злонамеренными поведенческими паттернами, но и концептуально определяются через них. Значит ли это, что «темные» личности отличаются искаженным моральным сознанием, то есть глобально не оценивают аморальные действия как таковые?

Исследования демонстрируют, что это, скорее всего, не так. Например, М. Мошаген и его коллеги (Moshagen et al., 2020) эмпирически показывают, что моральное отчуждение и «темные» черты входят в один и тот же личностный конструкт, который они обозначают как фактор D (Dark factor). Он описывает «темный» фундамент личности, ядром которого является «общая тенденция к этически, морально и/или социально сомнительному поведению» (Moshagen et al., 2020, p. 660). Авторы отмечают, однако, что разные личностные свойства, образующие данный фактор, отражают индивидуальные стратегии аморального поведения, например: игнорирование (психопатия), удовольствие от страданий (садизм), злонамеренное провоцирование (макиавеллизм), а также убеждения, которые служат оправданием (моральное отчуждение).

Данные, полученные на разных выборках, отражают лишь частичные корреляции показателей темной тетрады с отчуждением моральной ответственности. Большинство из них относятся к психопатии, однако их размер является умеренным (Ледовая и др., 2015; Risser, Eckert, 2016). Корреляции морального отчуждения с макиавеллизмом характеризуются меньшей воспроизводимостью, а их размер также колеблется в диапазоне средних значений (Moore et al., 2012). Данные о связях морального отчуждения с садизмом еще более ограничены, и их также нельзя назвать тесными (Allen et al., 2022; Nocera et al., 2022). Связи морального отчуждения с нарциссизмом отличаются качественной спецификой. Из-за угрозы потери одобрения со стороны других антисоциальное поведение нарциссической личности может быть особенно тесно связано с такими эмоциями, как стыд и вина, что усиливает потребность в самооправдании. В то же время анализ Дж. Сийцемы показывает, что, несмотря на связи нарциссизма и ОМО, нет убедительных данных о том, что оно опосредует связи нарциссизма с антисоциальным поведением (Sijtsema et al., 2019). В целом «темные» черты можно рассматривать как близкий, но не тождественный моральному отчуждению конструкт, который может влиять на выбор того или иного механизма ОМО, сдвигая априорные вероятности его выбора.

Эмпатия и эмоциональный интеллект как корреляты морального отчуждения

Черта эмпатии отражает способность воспринимать эмоции других людей и сопереживать им. Она включает в себя аффективный компонент, связанный с непосредственным «ощущением» эмоций,

и когнитивный компонент, связанный с их распознаванием и пониманием (Davis, 1983). Способность распознавать эмоции лежит и в основе эмоционального интеллекта (Гоулман, 2013), что делает его и эмпатию пересекающимися конструктами. Вместе с тем каждый из этих феноменов обладает и самостоятельным содержанием. Для эмоционального интеллекта — это контроль (включая саморегуляцию), а для эмпатии — это сострадание другому человеку. Способность распознавать эмоции других людей и сопереживать им является важным аспектом моральных мыслей и действий (Detert et al., 2008). Чувствительные к проявлениям эмоций люди лучше предсказывают, как их действия могут повлиять на других (Bandura, 1986). По мнению С. Мур и ее коллег, хорошо распознающие эмоции люди менее склонны к моральному отчуждению, поскольку такая тактика требует «игнорирования или искажения чувств других, их потребностей или точек зрения» (Moore et al., 2012, p. 8). Одновременно с этим некоторые авторы отмечают, что общие черты, лежащие в основе компонентов темной триады, отражают «как высокий уровень личного интереса, так и низкий уровень эмпатических качеств» (Jonason et al., 2009, p. 6). Эмоциональный интеллект обнаруживает отрицательные связи с «темными» чертами, однако результаты исследований отличаются некоторой противоречивостью, особенно в отношении нарциссизма (Jauk et al., 2016).

Целью настоящего исследования является анализ предпочтений в выборе стратегий (локусов) отчуждения моральной ответственности с точки зрения влияния фактора когнитивной простоты, а также обусловленность локусов ОМО релевантными личностными чертами.

В исследовании были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. В силу более выраженной когнитивной простоты более предпочитаемыми являются механизмы ОМО, сфокусированные на объекте (жертве), а менее предпочитаемыми — механизмы, сфокусированные на оценке ситуации (локус актора) и поведения субъекта (локус поведения).

2. Макиавеллизм, психопатия и садизм являются основными позитивными предикторами ОМО и его отдельных локусов.

3. Эмпатия и эмоциональный интеллект являются основными негативными предикторами ОМО и его отдельных локусов.

4. Локус объекта (жертвы) обнаруживает меньшую обусловленность личностными чертами, чем локусы поведения и актора (ситуации).

Выборка

В исследовании приняли участие 618 человек в возрасте от 17 до 52 лет ($M_{\text{возраст}} = 23,08$, $SD = 6,32$), из них 168 мужчин и 450 женщин. Из общего числа респондентов 410 человек — студенты разных вузов и специальностей, 208 — работающие на предприятиях и в организациях разного профиля; 271 человек проживает в Москве, 347 — в других крупных городах России.

Методы исследования

Сбор данных проводился с помощью платформы Online Test Pad с использованием Короткого опросника темной тетрады (Корниенко и др., 2022; Paulhus et al., 2021), Опросника когнитивной и аффективной эмпатии (Окатова, 2021; Reniers et al., 2011), Краткой версии опросника ЭМИн (Панкратова и др., 2022) и Короткой шкалы отчуждения моральной ответственности MD-8 (Ледовая и др., 2016; Moore et al., 2012).

Короткий опросник темной тетрады является диагностическим инструментом для измерения «темных» черт личности по расширенной модели темной триады. Опросник включает 28 утверждений и позволяет измерить 4 шкалы: «Макиавеллизм», «Нарциссизм», «Психопатия» и «Садизм».

Опросник когнитивной и аффективной эмпатии нацелен на диагностику двух разных аспектов эмпатии — способности построить рабочую модель эмоциональных состояний других, а также способности проявлять сензитивность к чувствам других и разделять эти чувства. Опросник содержит 29 утверждений и позволяет измерить 5 первичных и 2 вторичных шкалы. Вторичная шкала «Когнитивная эмпатия» рассчитывается на основе двух первичных шкал: «Способность к децентрации» и «Склонность к децентрации». Вторичная шкала «Эмоциональная эмпатия» рассчитывается на основе трех первичных шкал: «Отзеркаливание эмоций», «Чувствительность к близким», «Общая чувствительность». В нашем исследовании в анализе включались только показатели двух вторичных шкал — «Когнитивная эмпатия» и «Эмоциональная эмпатия».

Краткая версия опросника ЭМИн предназначена для экспресс-оценки эмоционального интеллекта (ЭИ). Данный опросник включает 8 утверждений, которые позволяют измерить 4 первичных и 3 вторичных шкалы. Вторичная шкала «Внутриличностный ЭИ» включает первичные шкалы «Понимание своих эмоций» и «Управление своими

эмоциями». Вторичная шкала «Межличностный ЭИ» включает первичные шкалы «Понимание чужих эмоций» и «Управление чужими эмоциями». Вторичная шкала «Общий показатель ЭИ» включает все перечисленные первичные шкалы. В нашем исследовании использовались только две вторичных шкалы данной методики — «Внутриличностный ЭИ» и «Межличностный ЭИ».

Короткая шкала отчуждения моральной ответственности MD-8 предназначена для экспресс-оценки уровня отчуждения моральной ответственности (ОМО) и ее специфических механизмов. Шкала включает 8 утверждений, каждое из которых отражает уровень выраженности того или иного механизма: «Моральное оправдание», «Эвфимистический ярлык», «Выгодное сравнение», «Смещение ответственности», «Рассеивание ответственности», «Искажение последствий поведения», «Дегуманизация» и «Атрибуция вины». Помимо первичных показателей отдельных механизмов ОМО данная методика позволяет диагностировать вторичные показатели его локусов: «Поведенческий локус», «Локус актора» и «Локус жертвы». Показатель «Переформулирование последствий поведения», являясь первичным, содержательно соотносится тем не менее с самостоятельным локусом ОМО. В нашем исследовании использовались вторичные показатели локусов ОМО, первичный показатель «Переформулирование последствий поведения», рассматриваемый в качестве самостоятельного локуса, а также интегративный показатель ОМО, включающий все пункты методики и отражающий общий уровень морального отчуждения.

Анализ данных осуществлялся с помощью описательной статистики, *t*-критерия Стьюдента для зависимых выборок и регрессионного анализа в статистической программе JASP 0.18.1.

На первом этапе оценивались центральные тенденции измеряемых показателей. Дополнительно анализировались значения асимметрии и эксцесса, делался вывод о характере распределения показателей. На основе оценки средних значений показателей ОМО и их сравнения с помощью *t*-критерия делался вывод о его наиболее и наименее предпочитаемых стратегиях. На втором этапе осуществлялся анализ корреляций зависимых переменных (общего показателя ОМО, а также его 4 локусов) с независимыми переменными (показателями темной тетрады, эмпатии и эмоционального интеллекта). Независимые переменные, не обнаружившие статистически значимых взаимосвязей с зависимыми переменными, исключались из последующих анализов. На третьем этапе анализировались кор-

реляции отобранных независимых переменных между собой. Из дальнейших анализов исключались переменные, обнаружившие друг с другом корреляции на уровне $r > 0,50$. На четвертом этапе строились регрессионные модели, состав которых определялся на основании предварительно проведенных анализов. Полученные модели сопоставлялись друг с другом с точки зрения их статистической значимости и предсказательной способности.

Результаты исследования

Анализ распределения шкальных показателей диагностических методик показал удовлетворительные результаты. Значения асимметрии и эксцесса ($As < 2$, $Ex < 2$) свидетельствовали о нормальном распределении показателей (Наследов, 2008).

Описательная статистика механизмов и стратегий ОМО представлена в Таблице 1.

Таблица 1

Центральные тенденции и маркеры нормальности распределения показателей

Показатели диагности- ческих шкал	M	SE (M)	95 CI (M)		SD	Min	Max	As	Ex
			L	U					
Локус жертвы	3,29	0,06	3,17	3,40	1,42	1,00	7,00	0,15	-0,62
Локус поведения	2,64	0,05	2,55	2,73	1,11	1,00	7,00	0,68	0,57
Локус актора (ситуации)	2,54	0,05	2,44	2,63	1,18	1,00	7,00	0,60	-0,16
Локус искажения ПП	2,27	0,06	2,16	2,39	1,46	1,00	7,00	1,28	0,98
ОМО	2,73	0,04	2,66	2,80	0,92	1,00	6,63	0,54	0,26
Макиавеллизм	3,16	0,02	3,12	3,21	0,57	1,29	4,71	-0,15	0,08
Нарциссизм	3,07	0,03	3,02	3,12	0,63	1,14	5,00	0,04	0,22
Психопатия	2,38	0,03	2,33	2,43	0,63	1,00	4,86	0,74	1,03
Садизм	2,31	0,03	2,26	2,37	0,71	1,00	4,86	0,64	0,42
Когнитивная эмпатия	2,93	0,02	2,90	2,96	0,41	1,13	3,95	-0,37	0,83
Эмоциональная эмпатия	2,84	0,02	2,81	2,88	0,43	1,17	3,89	-0,16	0,07
Внутриличностный ЭИ	2,69	0,02	2,64	2,73	0,57	1,25	4,00	-0,11	-0,18
Межличностный ЭИ	2,85	0,02	2,81	2,89	0,51	1,00	4,00	-0,12	0,48

Примечание. Локус искажения ПП — Локус искажения (игнорирования) последствий поведения. В соответствии с ключом к MD-8, данная шкала рассчитывается на основании одного пункта и, строго говоря, не является шкалой. Ее включение в анализ обусловлено в большей степени концептуальными основаниями.

Table 1
Central tendencies and markers of normality for indicators

Diagnostic scales indicators	M	SE (M)	95 CI (M)		SD	Min	Max	As	Ex
			L	U					
Victim locus	3.29	0.06	3.17	3.40	1.42	1.00	7.00	0.15	-0.62
Behaviour locus	2.64	0.05	2.55	2.73	1.11	1.00	7.00	0.68	0.57
Actor (situation) locus	2.54	0.05	2.44	2.63	1.18	1.00	7.00	0.60	-0.16
Disregard of BC locus	2.27	0.06	2.16	2.39	1.46	1.00	7.00	1.28	0.98
Moral disengagement	2.73	0.04	2.66	2.80	0.92	1.00	6.63	0.54	0.26
Machiavellianism	3.16	0.02	3.12	3.21	0.57	1.29	4.71	-0.15	0.08
Narcissism	3.07	0.03	3.02	3.12	0.63	1.14	5.00	0.04	0.22
Psychopathy	2.38	0.03	2.33	2.43	0.63	1.00	4.86	0.74	1.03
Sadism	2.31	0.03	2.26	2.37	0.71	1.00	4.86	0.64	0.42
Cognitive empathy	2.93	0.02	2.90	2.96	0.41	1.13	3.95	-0.37	0.83
Emotional empathy	2.84	0.02	2.81	2.88	0.43	1.17	3.89	-0.16	0.07
Intrapersonal EI	2.69	0.02	2.64	2.73	0.57	1.25	4.00	-0.11	-0.18
Interpersonal EI	2.85	0.02	2.81	2.89	0.51	1.00	4.00	-0.12	0.48

Note. Disregard of BC locus — Disregard or distortion of behaviour consequences locus. According to the MD-8 key, this scale is calculated as a single item value and, strictly speaking, is not a scale. Its inclusion in the analysis is determined largely by common conceptual basis.

Данные описательной статистики показателей локусов ОМО свидетельствуют о том, что стратегии морального отчуждения по-разному оцениваются респондентами с точки зрения их приоритетности. Абсолютные значения средних оценок являются наиболее высокими для локуса жертвы ($M = 3,29$). Более низкие значения обнаруживаются для поведенческого ($M = 2,64$) и ситуативного ($M = 2,54$) локусов, а самое низкое значение — для локуса искажения последствий поведения ($M = 2,27$). Обнаруженные средние значения локусов ОМО сравнивались друг с другом с помощью t-критерия Стьюдента для зависимых групп. С учетом поправки Бонферрони значимыми признавались различия, которым соответствовало $p < 0,017$, а близкими к значимым — $p < 0,03$. Сравнительный анализ показал, что

предпочтение локуса жертвы является значимо более высоким, чем предпочтение поведенческого локуса ($t = 11,34$, $p < 0,001$) и локуса актора ($t = 11,91$, $p < 0,001$), в то время как различия в предпочтениях поведенческого локуса и локуса актора оказались статистически незначимыми ($t = 1,95$, $p > 0,03$). В свою очередь, предпочтение локуса актора локусу искажения последствий поведения также являлось статистически значимым ($t = 4,49$, $p < 0,001$). Важно отметить, однако, что среди отдельных стратегий морального отчуждения наименьший рейтинг был выявлен у «эвфимистического ярлыка» ($M = 1,81$), который относится к локусу поведения.

Для оценки сравнительной роли личностных факторов в выборе стратегий ОМО было построено 5 регрессионных моделей. В четырех из них зависимыми переменными выступили разные локусы ОМО, а в пятой модели — его суммарный показатель.

Сравнительные результаты анализа вкладов показателей темной тетрады, эмпатии и эмоционального интеллекта в разные локусы ОМО и его интегративный показатель представлены в Таблице 2.

Анализ статистической значимости моделей показал, что вклад личностных свойств в выбор локусов ОМО является наиболее значимым для интегративного показателя морального отчуждения (23 % дисперсии) и его поведенческого локуса (23 % дисперсии). Остальные локусы морального отчуждения в меньшей степени обусловлены личностными свойствами. Они объясняют лишь 16 % дисперсии

Таблица 2

Показатели значимости регрессионных моделей личностных предикторов локусов ОМО

Модели ОМО и его локусов	R	R ²	Скоррект. R ²	Ст. ошиб- ка оценки	F	p
Модель локуса искажения образа жертвы	0,40	0,16	0,15	1,31	18,96	< ,001
Модель поведенческого локуса	0,48	0,23	0,22	0,98	30,23	< ,001
Модель локуса актора (ситуации)	0,18	0,03	0,03	1,17	6,90	< ,001
Модель локуса искажения последствий поведения	0,33	0,11	0,10	1,38	12,83	< ,001
Модель интегративного показателя ОМО	0,47	0,23	0,22	0,82	29,57	< ,001

Table 2
Significance indicators for MD loci regression models (with personality predictors as independent variables)

Models of MD and its loci	R	R ²	Adjusted R ²	RMSE	F	p
Victim distortion locus model	0.40	0.16	0.15	1.31	18.96	< .001
Behaviour locus model	0.48	0.23	0.22	0.98	30.23	< .001
Actor (situation) locus model	0.18	0.03	0.03	1.17	6.90	< .001
Distortion of behaviour consequences locus model	0.33	0.11	0.10	1.38	12.83	< .001
Total MD model	0.47	0.23	0.22	0.82	29.57	< .001

локуса жертвы, 11 % локуса последствий поведения и 3 % локуса актора (ситуации).

Анализ качественного состава моделей (Таблица 3) позволил определить значимые личностные предикторы для каждого локуса и интегративного показателя ОМО.

Важно отметить, что показатели коллинеарности всех моделей оказались удовлетворительными: толерантность > 0,70, VIF < 2,00. Это свидетельствует об уникальности вклада анализируемых личностных переменных в каждую модель.

Обсуждение результатов

Целью данного исследования являлся анализ факторов выбора стратегий ОМО. Мы предположили, что под влиянием фактора когнитивной легкости априорно наиболее предпочитаемым является локус жертвы (объекта), а предпочтения локусов актора (ситуации) и поведения, скорее всего, не обнаруживают значимых различий. Было обнаружено, что локус жертвы действительно является наиболее распространенной когнитивной стратегией отчуждения моральной ответственности. Степень его предпочтения статистически превышает выбор поведенческого и ситуативного локусов. Локус искажения последствий поведения, наоборот, является наименее предпочитаемым, его выбор имеет место значительно реже, чем выбор остальных локусов морального отчуждения. Это связано, вероятно, с необходимостью мысленного моделирования будущих событий, что сопряжено с большей неопределенностью по сравнению с вос-

Таблица 3
Состав значимых предикторов моделей ОМО

Модель	Независимые переменные ¹	β	t	p
Локуса искажения образа жертвы	Психопатия +	0,19	4,28	<0,001
	Макиавеллизм +	0,16	4,02	<0,001
	Эмоциональная эмпатия –	-0,14	-3,42	<0,001
	Когнитивная эмпатия –	-0,10	-2,40	<0,05
	Внутриличностный ЭИ –	-0,07	-1,70	<0,10
Локуса поведения	Психопатия +	0,26	6,36	<0,001
	Макиавеллизм +	0,20	5,29	<0,001
	Когнитивная эмпатия –	-0,10	-2,31	<0,05
	Внутриличностный ЭИ –	-0,07	-1,83	<0,10
Локуса актора (ситуации)	Внутриличностный ЭИ –	-0,10	-2,32	<0,05
	Когнитивная эмпатия –	-0,10	-2,31	<0,05
Локуса искажения последствий поведения	Когнитивная эмпатия –	-0,18	-3,98	<0,001
	Психопатия +	0,16	3,61	<0,001
	Нарциссизм +	0,11	2,47	<0,01
	Эмоциональная эмпатия –	-0,10	-2,36	<0,05
Интегративного отчуждения моральной ответственности	Психопатия +	0,24	5,83	<0,001
	Когнитивная эмпатия –	-0,18	-4,40	<0,001
	Макиавеллизм +	0,16	4,32	<0,001
	Эмоциональная эмпатия –	-0,12	-2,95	<0,001
	Внутриличностный ЭИ –	-0,10	-2,47	<0,01

приятием уже свершившихся фактов и, соответственно, большим когнитивным напряжением. Таким образом, выдвинутая нами первая гипотеза получила эмпирическую поддержку.

Результаты регрессионного анализа показали, что черты темной триады, эмпатия и внутриличностный эмоциональный интеллект наилучшим образом предсказывают общий уровень ОМО, а также его поведенческий локус. Можно заключить, что в целом отчуждение моральной ответственности возникает как следствие закрепленной привычки к неэтичному и манипулятивному поведению при

¹ Независимые переменные (предикторы) приводятся в порядке убывания значимости их вклада в ОМО. Знаки означают положительный (+) или отрицательный (–) статистически значимый вклад.

Table 3
Significant predictors of the MD models

Model	Independent variables ²	β	t	p
Victim distortion locus	Psychopathy +	0.19	4.28	<0.001
	Machiavellianism +	0.16	4.02	<0.001
	Emotional empathy –	–0.14	–3.42	<0.001
	Cognitive empathy –	–0.10	–2.40	<0.05
	Intrapersonal EI –	–0.07	–1.70	<0.10
Behaviour locus	Psychopathy +	0.26	6.36	<0.001
	Machiavellianism +	0.20	5.29	<0.001
	Cognitive empathy –	–0.10	–2.31	<0.05
	Intrapersonal EI –	–0.07	–1.83	<0.10
Actor (situation) locus	Intrapersonal EI –	–0.10	–2.32	<0.05
	Cognitive empathy –	–0.10	–2.31	<0.05
Distortion of behaviour consequences locus	Cognitive empathy –	–0.18	–3.98	<0.001
	Psychopathy +	0.16	3.61	<0.001
	Narcissism +	0.11	2.47	<0.01
	Emotional empathy –	–0.10	–2.36	<0.05
Total MD	Psychopathy +	0.24	5.83	<0.001
	Cognitive empathy –	–0.18	–4.40	<0.001
	Machiavellianism +	0.16	4.32	<0.001
	Emotional empathy –	–0.12	–2.95	<0.001
	Intrapersonal EI –	–0.10	–2.47	<0.01

отсутствии рефлексии в отношении как чувств другого человека, так и своих собственных. Таким образом, гипотезы 2 и 3 о качественных вкладах релевантных черт и свойств личности в ОМО получили подтверждение.

Анализ предсказательной способности и состава моделей разных локусов ОМО показал, что поведенческий локус наилучшим образом предсказывается релевантными личностными свойствами: в первую очередь — высокими значениями психопатии и макиавеллизма, а во вторую — низкими значениями эмпатии и эмоционального (вну-

² Independent variables (predictors) are listed in descending order of their contribution to the MD. Signs denote positive (+) or negative (–) statistically significant contribution.

триличностного) интеллекта. Это свидетельствует о том, что поведенческий локус обусловлен, скорее, устойчивыми поведенческими паттернами, чем уровнем сформированности навыков эмоциональной рефлексии.

Локус жертвы в меньшей степени определяется личностными свойствами, чем локус поведения. Этот результат был вполне ожидаемым (гипотеза 4). Вместе с тем оказалось, что вклад личностных свойств в локус жертвы более выражен, чем их вклад в локус актора (ситуации). По всей видимости, это объясняется тем, что фокусировка на жертве в большей степени связана с личностными диспозициями и индивидуальным опытом, чем фокусировка на элементах ситуации. Наоборот, выбор локуса актора определяется, скорее, конкретными обстоятельствами, чем личностными диспозициями. Это согласуется с классической дихотомией личностной и ситуативной обусловленности поведения (Росс, Нисбетт, 1999).

Анализ состава моделей локуса жертвы и локуса искажения последствий поведения свидетельствует о сущностно разных личностных предпосылках формирования данных защитных механизмов. Так, искажение образа жертвы является в большей степени следствием выраженности «темных» черт — психопатии и макиавеллизма и лишь во вторую очередь — низких навыков эмпатии и внутриличностного эмоционального интеллекта. Наоборот, искажение последствий аморального поведения является, прежде всего, следствием слабой развитости когнитивной эмпатии и лишь во вторую очередь — «темных» черт — психопатии и нарциссизма. Интересно отметить, что это единственный локус ОМО, предиктором которого выступает нарциссизм. Его вклад здесь, по-видимому, неслучаен, поскольку искажение последствий безнравственного поведения предполагает отрицание его негативных последствий и фокусировку на позитивных исходах, что, по всей видимости, свойственно личности нарциссического склада (Howard et al., 2022).

В качестве ограничений настоящего исследования следует признать достаточно разнородный по возрасту и статусу состав выборки, который затрудняет экстраполяцию полученных результатов на конкретную социальную группу.

Выводы

Исследование показало, что выбор конкретной защитной стратегии отчуждения моральной ответственности обнаруживает обусловленность когнитивными и личностными факторами:

1. Искажение образа жертвы является самой когнитивно простой и предпочитаемой стратегией оправдания аморальных поступков. Ее выбор, видимо, практически целиком обусловлен активизацией автоматического мышления и слабо поддается сознательной индивидуально-личностной коррекции. Стратегия искажения последствий поведения, наоборот, наименее распространена, поскольку ее реализация, вероятно, требует наибольших когнитивных усилий. Данная стратегия является, прежде всего, следствием слабой развитости когнитивной эмпатии, что открывает перспективы ее сознательной коррекции.

2. Личностными факторами отчуждения моральной ответственности выступают психопатия как повторяющаяся склонность совершать неэтичные поступки, макиавеллизм как склонность к манипулированию и принуждению, а также низкая эмпатия и слабая способность к распознаванию собственных чувств.

3. Разные локусы защитного отчуждения моральной ответственности обнаруживают разную степень обусловленности личностными чертами. В наибольшей степени личностная обусловленность характерна для искажения смысла аморальных поступков, а в наименьшей — для их оправдания ситуативными факторами.

Практическое применение

В целом наше исследование показывает, что развитие навыков когнитивной и эмоциональной эмпатии может выступать достаточно эффективной мишенью для повышения моральной ответственности личности. При этом локус искажения последствий поведения в большей степени поддается коррекции через развитие навыков фокусирования на чувствах другого человека. В меньшей степени развитие таких навыков способно повлиять на дегуманизацию жертвы и приписывание ей вины за полученный вред.

Список литературы

Балева, М.В. (2024). Функциональная динамика дихотомического пространства социальной перцепции: дисс. д-ра психол. наук. Санкт-Петербург.

Гоулман, Д. (2013). Эмоциональный интеллект в бизнесе. Москва: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер».

Канеман, Д. (2018). Думай медленно, решай быстро. Москва: Изд-во «АСТ».

Корниенко, Д.С., Вязовкина, В.К., Горностаев, И.С. (2022). Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады». *Психологический журнал*, 43(5), 87–98. <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>

Ледовая, Я.А., Боголюбова, О.Н., Тихонов, Р.В. (2015). Стресс, благополучие и Темная триада. *Психологические исследования*, 8(43), 5–27. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.521>

Ледовая, Я.А., Тихонов, Р.В., Боголюбова, О.Н., Казенная, Е.В., Сорокина, Ю.Л. (2016). Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения. *Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика*, (4), 23–39. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402>

Молчанов, С.В. (2020). Особенности использования механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте. Кросс-культурный анализ. В кн.: *Ананьевские чтения — 2020: Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)*. Материалы междунар. науч. конф. (08–11 декабря, 2020 г.). Под ред. А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. (С. 89–90). Санкт-Петербург: Изд-во «Скифия-принт».

Молчанов, С.В. Алмазова, О.В. (2020). Особенности использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (3), 147–165. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.07>

Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Пряжников, Н.С. (2020). Взаимосвязь способов морального самооправдания личности со склонностью к риску в подростковом возрасте. *Психологические исследования*, 13(74). <https://doi.org/10.54359/ps.v13i74.162>

Наследов, А.Д. (2008). SPSS 15: Профессиональный статистический анализ данных. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Окатова, М.А. (2021). Апробация русскоязычной версии опросника когнитивной и аффективной эмпатии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(4), 685–699. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-4-685-699>

Панкратова, А.А., Корниенко, Д.С., Люсин, Д.В. (2022). Апробация краткой версии опросника ЭмИн. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(4), 822–834. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-4-822-834>

Росс, Л., Нисбетт, Р. (1999). Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».

Allen, J.J., Ash, S.M., Anderson, C.A. (2022). Who finds media violence funny? Testing the effects of media violence exposure and dark personality traits. *Psychology of Popular Media*, 11(1), 35–46. <https://doi.org/10.1037/ppm0000296>

Bandura, A. (1986). Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs: Prentice-Hall Publ. <https://doi.org/10.4135/9781446221129.n6>

Bandura, A. (2016). *Moral Disengagement: How people do harm and live with themselves*. New York: Worth Publishers Publ.

Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V., Pastorelli, C. (1996). Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(2), 364–374. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.364>

Davis, M.H. (1983). Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(1), 113–126. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>

Detert, J.R., Treviño, L.K., Sweitzer, V.L. (2008). Moral disengagement in ethical decision making: A study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 93(2), 374–391. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.93.2.374>

Howard, M., Forde, W., Whitmore, J., Lambert, E.V.Z. (2022). “I alone can fix it”: is social courage a bright side of narcissism? *Journal of Organizational Effectiveness People and Performance*, 9(4), 692–723. <https://doi.org/10.1108/JOEPP-01-2021-0011>

Jauk, E., Freudenthaler, H.H., Neubauer, A.C. (2016). The Dark Triad and trait versus ability emotional intelligence: Emotional darkness differs between women and men. *Journal of Individual Differences*, 37(2), 112–118. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000195>

Jonason, P.K., Li, N.P., Webster, G.D., Schmitt, D.P. (2009). The dark triad: Facilitating a short-term mating strategy in men. *European Journal of Personality*, 23(1), 5–18. <https://doi.org/10.1002/per.698>

Jones, E.E. (1976). How do people perceive the causes of behavior? *American Scientist*, 64(3), 300–305.

Moore, C. (2015). Moral disengagement. *Current Opinion in Psychology*, 6, 199–204. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.07.018>

Moore, C., Detert, J.R., Baker, V.L., Mayer, D.M. (2012). Why employees do bad things: Moral disengagement and unethical organizational behavior. *Personnel Psychology*, 65(1), 1–48. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2011.01237.x>

Moshagen, M., Zettler, I., Hilbig, B.E. (2020). Measuring the dark core of personality. *Psychological Assessment*, 32(2), 182–196. <https://doi.org/10.1037/pas0000778>

Nocera, T.R., Dahlen, E.R., Mohn, R.S., Leuty, M.E., Batastini, A.B. (2022). Dark personality traits and anger in cyber aggression perpetration: Is moral disengagement to blame? *Psychology of Popular Media*, 11(1), 24–34. <https://doi.org/10.1037/ppm0000295>

Paulhus, D.L., Buckels, E.E., Trapnell, P.D., Jones, D.N. (2021). Screening for dark personalities: The Short Dark Tetrad (SD4). *European Journal of Psychological Assessment*, 37(3), 208–222. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000602>

Reniers, R.L., Corcoran, R., Drake, R., Shryane, N.M., Völlm, B.A. (2011). The QCAE: A questionnaire of cognitive and affective empathy. *Journal of Personality Assessment*, 93(1), 84–95. <https://doi.org/10.1037/t08053-000>

Risser, S., Eckert, K. (2016). Investigating the relationships between antisocial behaviors, psychopathic traits, and moral disengagement. *International Journal of Law and Psychiatry*, (45), 70–74. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2016.02.012>

Sijtsema, J.J., Garofalo, C., Jansen, K., Klimstra, T.A. (2019). Disengaging from evil: Longitudinal associations between the Dark triad, moral disengagement, and antisocial behavior in adolescence. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 47(8), 1351–1365. <https://doi.org/10.1007/s10802-019-00519-4>

Stanovich, K.E., West, R.F. (2002). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? In: T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman, (eds.). *Heuristics and biases: The psychology of intuitive judgment*. (pp. 421–440). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808098.026>

References

Allen, J.J., Ash, S.M., Anderson, C.A. (2022). Who finds media violence funny? Testing the effects of media violence exposure and dark personality traits. *Psychology of Popular Media*, 11(1), 35–46. <https://doi.org/10.1037/ppm0000296>

Baleva, M.V. (2024). Functional dynamics in the dichotomous space of social perception). Diss. Dr. Sci. (Psychol.). St. Petersburg. (In Russ.)

Bandura, A. (1986). Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs: Prentice-Hall Publ. <https://doi.org/10.4135/9781446221129.n6>

Bandura, A. (2016). Moral Disengagement: How people do harm and live with themselves. New York: Worth Publishers Publ.

Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V., Pastorelli, C. (1996). Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(2), 364–374. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.2.364>

Davis, M.H. (1983). Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(1), 113–126. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>

Detert, J.R., Treviño, L.K., Sweitzer, V.L. (2008). Moral disengagement in ethical decision making: A study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 93(2), 374–391. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.93.2.374>

Goulman, D. (2013). Working with Emotional Intelligence. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber Publ. (In Russ.)

Howard, M., Forde, W., Whitmore, J., Lambert, E.V.Z. (2022). “I alone can fix it”: is social courage a bright side of narcissism? *Journal of Organizational Effectiveness People and Performance*, 9(4), 692–723. <https://doi.org/10.1108/JOEPP-01-2021-0011>

Jauk, E., Freudenthaler, H.H., Neubauer, A.C. (2016). The Dark Triad and trait versus ability emotional intelligence: Emotional darkness differs between women and men. *Journal of Individual Differences*, 37(2), 112–118. <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000195>

Jonason, P.K., Li, N.P., Webster, G.D., Schmitt, D.P. (2009). The dark triad: Facilitating a short-term mating strategy in men. *European Journal of Personality*, 23(1), 5–18. <https://doi.org/10.1002/per.698>

Jones, E.E. (1976). How do people perceive the causes of behavior? *American Scientist*, 64(3), 300–305.

Kahneman, D. (2018). Thinking, fast and slow. Moscow: AST Publ. (In Russ.)

Kornienko, D.S., Vyazovkina, V.K., Gornostaev, I.S. (2022). Adaptation and Psychometric Properties of the Dark Tetrad Short Questionnaire. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 43(5), 87–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>

Ledovaya, Y.A., Bogolyubova, O.N., Tikhonov, R.V. (2015). Stress, Well-being and the Dark Triad. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 8(43), 5–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.521>

Ledovaya, Y.A., Tikhonov, R.V., Bogolyubova, O.N., Kazennaya, E.V., Sorokina, Y.L. (2016). Moral Disengagement: the Psychological Construct and its Measurement. *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, (4), 23–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402>

Molchanov, S.V. (2020). Peculiarities of the use of moral self-justification mechanisms in adolescence. Cross-cultural analysis. In: A.V. Shaboltas, E.L. Soldatova, (eds.). *Ananyev Readings — 2020: Psychology of Service Activity: Achievements and Development Prospects* (in honor of the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945). International Scientific Conference (December 8–11, 2020). (pp. 89–90). St. Petersburg: Skifiya-Print Publ. (In Russ.)

Molchanov, S.V., Almazova, O.V. (2020). Peculiarities of moral disengagement mechanisms realization in adolescence. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, (3), 147–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.07>

Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Pryazhnikov, N.S. (2020). Interaction of moral disengagement mechanisms and risk appetite in adolescence. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 13(74). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v13i74.162>

Moore, C. (2015). Moral disengagement. *Current Opinion in Psychology*, 6, 199–204. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.07.018>

Moore, C., Detert, J.R., Baker, V.L., Mayer, D.M. (2012). Why employees do bad things: Moral disengagement and unethical organizational behavior. *Personnel Psychology*, 65(1), 1–48. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2011.01237.x>

Moshagen, M., Zettler, I., Hilbig, B.E. (2020). Measuring the dark core of personality. *Psychological Assessment*, 32(2), 182–196. <https://doi.org/10.1037/pas0000778>

Nasledov, A.D. (2008). SPSS 15: Professional statistical data analysis. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Nocera, T.R., Dahlen, E.R., Mohn, R.S., Leuty, M.E., Batastini, A.B. (2022). Dark personality traits and anger in cyber aggression perpetration: Is moral disengagement to blame? *Psychology of Popular Media*, 11(1), 24–34. <https://doi.org/10.1037/ppm0000295>

Okatova, M.A. (2021). Approbation of the Russian Version of the Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 18(4), 685–699. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-4-685-699>

Pankratova, A.A., Kornienko, D.S., Lyusin, D. (2022). Short Form of the EmIn Questionnaire. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 19(4), 822–834. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-4-822-834>

Paulhus, D.L., Buckels, E.E., Trapnell, P.D., Jones, D.N. (2021). Screening for dark personalities: The Short Dark Tetrad (SD4). *European Journal of Psychological Assessment*, 37(3), 208–222. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000602>

Reniers, R.L., Corcoran, R., Drake, R., Shryane, N.M., Völlm, B.A. (2011). The QCAE: A questionnaire of cognitive and affective empathy. *Journal of Personality Assessment*, 93(1), 84–95. <https://doi.org/10.1037/t08053-000>

Risser, S., Eckert, K. (2016). Investigating the relationships between antisocial behaviors, psychopathic traits, and moral disengagement. *International Journal of Law and Psychiatry*, (45), 70–74. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2016.02.012>

Ross, L., Nisbett, R. (1999). *The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Sijtsema, J.J., Garofalo, C., Jansen, K., Klimstra, T.A. (2019). Disengaging from evil: Longitudinal associations between the Dark triad, moral disengagement, and antisocial behavior in adolescence. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 47(8), 1351–1365. <https://doi.org/10.1007/s10802-019-00519-4>

Stanovich, K.E., West, R.F. (2002). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? In: T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman, (eds.). *Heuristics and biases: The psychology of intuitive judgment*. (pp. 421–440). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808098.026>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Надежда Павловна Ячменева, старший преподаватель кафедры общей психологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация, yachmeneva-np@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-6945>

Милена Валерьевна Балева, доктор психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация, mlenabaleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>

Дмитрий Сергеевич Корниенко, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация, kornienko-ds@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda P. Yachmeneva, Senior Lecturer at the General Psychology Department, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, yachmeneva-np@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-6945>

Milena V. Baleva, Dr. Sci. (Psychol.), Associate Professor at the General and Clinical Psychology Department, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, milenabaleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>

Dmitry S. Kornienko, Dr. Sci. (Psychol.), Professor of the General Psychology Department, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, kornienko-ds@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>

Поступила 06.11.2024. Получена после доработки 03.03.2025. Принята в печать 17.03.2025.

Received 06.11.2024. Revised 03.03.2025. Accepted 17.03.2025.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / EMPIRICAL STUDIES

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-14>
УДК/UDC 159.952

Сравнение сгенерированных ИИ стимулов и фото: исследование зрительного поиска

Ф.А. Сапронов, Е.С. Горбунова ✉

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ esgorbunova@hse.ru

Резюме

Актуальность. Алгоритмы ИИ быстро вошли в повседневную жизнь за последние несколько лет, что повлекло за собой появление большого количества как текстов, так и изображений, сгенерированных нейросетями. Тем не менее особенности восприятия искусственно сгенерированных изображений человеком еще не были изучены. Актуальность исследования состоит в изучении возможности использования искусственно сгенерированных изображений для планирования экспериментов в области психологии восприятия.

Цель. Изучение различий в характеристиках зрительного поиска между стимулами — фотографиями и сгенерированными ИИ изображениями.

Выборка. В исследовании приняли участие 30 человек (21 женщина) от 18 до 43 лет ($M_{\text{возраст}} = 21,29$, $SD = 5,18$).

Методы. Исследование выполнено на основе экспериментального дизайна с двумя независимыми и двумя зависимыми переменными. Задача испытуемых состояла в поиске целевого стимула среди дистракторов, в качестве стимульного материала выступали изображения объектов, сгенерированные с помощью нейросети, и фотографии. Также варьировалось количество объектов на экране. Измерялись точность ответов испытуемых и время реакции.

Результаты. Различий в точности обнаружения фотореалистичных и сгенерированных ИИ стимулов обнаружено не было, как и различий во времени реакции.

Выводы. С помощью метода эксперимента в парадигме зрительного поиска было показано, что вид стимула (сгенерированный ИИ или фотореалистичный) не влияет на скорость и точность его нахождения. Перспективы данного исследования связаны с возможностями использования искусственно сгенерированных стимулов для планирования экспериментов в области когнитивной психологии.

Ключевые слова: зрительный поиск, искусственный интеллект, стимульный материал, зрительное внимание, зрительное восприятие

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект №20-78-10055-П, тема проекта «Категоризация в зрительном восприятии и формировании действий».

Благодарности. Авторы благодарят за помощь с программированием эксперимента стажера-исследователя лаборатории когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов НИУ ВШЭ Клименкова Никиту и за помощь со стимульным материалом студента школы дизайна НИУ ВШЭ Васильева Кирилла.

Для цитирования: Сапронов, Ф.А., Горбунова, Е.С. (2025). Сравнение сгенерированных ИИ стимулов и фото: исследование зрительного поиска. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 109–131. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-14>

Comparing AI-Generated Stimuli and Photos: Visual Search Study

Frol A. Sapronov, Elena S. Gorbunova ✉

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ esgorbunova@hse.ru

Abstract

Background. AI algorithms have rapidly entered everyday life in the last few years, which caused the appearance of a large number of both texts and images generated by neural networks. Nevertheless, the perception of artificially generated images has not yet been studied. The relevance of the study is to observe the possibility of using artificially generated images to plan experiments in psychology of perception.

Objective. The study investigated the differences in visual search for various stimuli types: photographs and AI-generated images.

Study Participants. Thirty participants (21 females) between 18 and 43 years old ($M = 21.29$, $SD = 5.18$) took part in the study.

Methods. The study had an experimental design with two factors and two dependent variables. The subjects' task was to find the target stimulus among distractors; the stimulus material included images of objects generated using a neural network and photographs. The number of objects on the screen also varied. The accuracy of the subjects' responses and reaction time were measured.

Results. No differences in detection accuracy were found between photorealistic and AI-generated stimuli, nor were there any differences in reaction times.

Conclusions. It was shown that the type of stimulus (AI-generated or photorealistic) does not affect the speed and accuracy of finding them. The perspectives of this study are related to the possibilities of using artificially generated stimuli for planning experiments in cognitive psychology.

Keywords: visual search, Artificial Intelligence, stimulus material, visual attention, visual perception

Funding. The study has been supported by the Russian Science Foundation (RSF), project No. 20-78-10055-P, title of the project “Categorization in visual perception and formation of actions”.

Acknowledgments. The authors are grateful to Nikita Klimenkov, research assistant of the Laboratory for Cognitive Psychology of Digital Interface Users, National Research University Higher School of Economics, for the help with programming the experiment and Kirill Vasiliev, student of the HSE Art and Design School, for the help with the stimulus material.

For citation: Sapronov, F.A., Gorbunova, E.S. (2025). Comparing AI-generated stimuli and photos: visual search study. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 109–131. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-14>

Введение

Современные и наиболее актуальные тренды в развитии технологий в большинстве своем связаны с системами искусственного интеллекта (ИИ). Например, такие нейронные сети, как ChatGPT и MidJourney, получили практически повсеместное распространение и огромный охват пользователей. Большое количество всевозможных программ доступны всем даже для бесплатного использования. Это, в свою очередь, приводит к возникновению споров, сомнений и опасений касательно взаимодействия человека с новыми технологиями (Brauner et al., 2023). Проникновение ИИ в повседневную жизнь вызывает множество вопросов, в частности — могут ли нейросети заменить некоторых специалистов? Например, иллюстраторов, журналистов, редакторов, переводчиков и других. В одном из выпусков *The New York Times* описывалось присуждение победы на конкурсе художников картине, созданной нейросетью (Roose, 2022). Очевидно, данный факт вызвал поток недовольства от профессионального

сообщества. Не менее громкий скандал возник в области образования: в одной социальной сети пользователь поделился, что использовал большую языковую модель для написания выпускной квалификационной работы (Жадан, 2023). Можно ли считать эту работу его интеллектуальной собственностью? Должны ли подобные тексты оцениваться наравне с работами с большим процентом плагиата?

Таким образом, вопрос об этичном использовании технологий ИИ встает не только в философских работах, но и в других областях. Психология не является исключением. Несмотря на то, что нейросети уже сейчас могут создавать изображения крайне высокого качества, большинство людей могут отличить сгенерированные нейросетями изображения от фотографий и рисунков: ИИ-изображения кажутся более тревожными, странными и пугающими (Rapp et al., 2024). Также более субъективно привлекательными и эстетичными кажутся те изображения, которые более похожи на сделанные человеком (Ragot et al., 2020). Таким образом, изучение особенностей восприятия ИИ-сгенерированных стимулов оказывается актуальной темой для изучения в рамках когнитивной психологии. Более того, уже сейчас можно сказать о том, что некоторые функции нейросетей могут облегчить и улучшить качество выполняемых задач, в частности — быть полезными при разработке дизайна эксперимента.

На данный момент нельзя дать четкого определения искусственного интеллекта, однако в литературе можно найти представление об ИИ как о системе с возможностью корректной интерпретации данных, обучения на основании этих данных и использования полученной информации для достижения определенных целей, адаптируясь под них (Kaplan, Haenlein, 2020). Несомненным преимуществом ИИ является его возможность манипулировать с разными типами данных: числовыми, текстовыми и даже фото- и видеоформатами. Под манипуляцией в данном случае подразумевается редактирование, дополнение и даже создание (генерация) нового контента. Те нейросети, которые в первую очередь приходят на ум при упоминании ИИ (например, ранее упомянутые ChatGPT, Midjourney или StableDiffusion), являются моделями, обучающимися на больших объемах данных. Так, например, ChatGPT является большой языковой моделью (large language models, LLM), а Midjourney и StableDiffusion — диффузными вероятностными моделями (diffusion probabilistic models). Большие языковые модели знакомы многим в связи с появлением доступных и бесплатных приложений и ботов, которые обладают удобным интерфейсом для введения запросов (промптов) и получения ответа.

Эти модели обучаются на огромном количестве текстовых данных, что позволяет им предсказывать последовательность слов. Таким образом, самые актуальные версии LLM могут генерировать большие тексты хорошего качества. Диффузные вероятностные модели обучаются на большом количестве изображений, которые заранее размечаются специалистами (например, фотографии собак подписываются как «собаки», а кошек — как «кошки»). После обучения специальный алгоритм создает изображение по запросу (Ho et al., 2020).

Использование ИИ в исследованиях зрительного внимания

Как уже было упомянуто выше, системы ИИ широко используются в создании визуальных изображений, и эта функция представляет особый интерес для исследователей в области психологии, в частности — когнитивной. Одним из примеров задачи, в рамках которой можно наблюдать особенности восприятия ИИ-сгенерированных стимулов — задача зрительного поиска. Зрительный поиск представляет собой перцептивную задачу, в которой испытуемым необходимо найти целевой объект (один или несколько) среди отвлекающих — дистракторов (Wolfe, 2020).

Зрительный поиск является классической методикой в исследованиях внимания. Помимо этого, методика зрительного поиска широко применяется для изучения аффективных процессов и, например, взаимодействия высокоуровневых и низкоуровневых процессов (Ivanina et al., 2020). Одной из самых влиятельных теорий, объясняющих механизмы работы внимания при решении задачи зрительного поиска, является теория интеграции признаков (ТИП), созданная Энн Трейсман (Treisman, Gelade, 1980). Во множестве исследований Трейсман и коллеги манипулировали различными признаками объектов и просили респондентов искать целевые стимулы среди дистракторов. Предполагалось, что некоторые базовые признаки обрабатываются параллельно. Подобные признаки были названы базовыми, к ним отнесли форму, цвет, размер и пространственную ориентацию. Тем не менее в реальной жизни мы крайне редко сталкиваемся с объектами, обладающими одним или двумя признаками. Согласно ТИП, признаки связываются друг с другом посредством обращения внимания на место в пространстве, где располагается объект. Таким образом, внимание выступает в роли «клея» для соединения множества признаков в образе объекта. Было показано, что, если целевой стимул отличается от остальных по одному из базовых признаков, а все дистракторы будут гомогенны по этому признаку,

цель будет найдена практически моментально. Этот феномен назвали «эффектом выскакивания», так как цель будто бы выскакивает для респондента при начале поиска. Так, примером эффекта выскакивания может быть поиск красного квадрата среди синих квадратов. Если же цель отличается не по одному базовому признаку, а дистракторы гетерогенны, то поиск будет осуществляться последовательно: испытуемый будет поочередно просматривать каждый стимул на экране, пока не идентифицирует один из них как целевой.

Тем не менее не все результаты эмпирических исследований согласуются с ТИП — например, иногда поиск по сочетанию признаков оказывается более эффективным, чем предсказывает эта теория (Quinlan, Humphreys, 1987). Ученик Э. Трейсмана Дж. Вольф развил теорию интеграции признаков, дополнив ее представлениями о нисходящей регуляции зрительного поиска. Так появилась теория управляемого поиска (Guided Search Model) (Wolfe et al., 1989; Wolfe, 1994; 2021). Как и в ТИП, в теории управляемого поиска первые этапы обработки информации направлены на извлечение базовых признаков объектов, что тесно связано с ограничениями и особенностями зрительной системы. На этих первых этапах формируется «карта приоритетов» (priority map), где представлены репрезентации пространственного положения стимулов и вероятность каждого из объектов оказаться целевым. При дальнейшем поиске внимание направляется на объект, наиболее похожий на целевой стимул. В последней версии модели — Guided Search 6.0. — постулируется, что поиск реализуется не только восходящими, но и нисходящими процессами. То есть предшествующий опыт, ценность стимула и другие его характеристики также оказывают влияние на формирование «карты приоритетов». В частности, было показано, что эффект выскакивания может произойти, если мы столкнемся с незнакомым для нас объектом (Wolfe, 2001).

Несмотря на то, что в первых исследованиях зрительного поиска в качестве стимульного материала использовались геометрические фигуры (Treisman, 1964), в более поздних все чаще изучается поиск более сложных объектов (Chen, Zelinsky, 2006). Так, в задачах зрительного поиска варьируются такие свойства объектов, как одушевленность или неодушевленность, знакомость объекта, уровень категории объекта, эмоциональность изображения и другие (Vuilleumier, Huang, 2009). Существующих баз данных стимулов (BOSS, OASIS и др.) не всегда достаточно для подбора и уравнивания стимульного материала (Kudri et al., 2017; Сонов и др., 2019). Более того, при ис-

пользовании стоковых фотографий из Интернета можно столкнуться с вопросом о нарушении авторских прав при публикации. В связи с вышеописанным нейросети выступают удобным инструментом для генерации уникальных и подходящих под исследовательскую задачу стимулов. В свою очередь, это открывает ряд вопросов. С одной стороны, изображения, созданные такими нейросетями, как StableDiffusion и Midjourney, имеют высокое качество и практически не отличаются от фотографий. С другой стороны, основываясь на предыдущих исследованиях когнитивных процессов, очевидно, что восприятие может быть чувствительно к даже на первый взгляд незначительным параметрам стимульного материала (Julesz, 1975). Примерами таких параметров могут быть, например, текстура изображения или же его симметричность, а также эмоции, которые вызывает изображение. Несмотря на быстрое развитие систем искусственного интеллекта, влекущее за собой улучшение качества сгенерированного ими контента, полученные изображения могут восприниматься нереалистично в связи с самыми незначительными деталями: цвет, форма, изгибы и т.д. В реальной жизни мы можем встречаться с «необычными» изображениями — например, в случае сюрреалистичных и абстрактных изображений, созданных художниками, однако предметы повседневного использования, как правило, являются достаточно «стандартными».

В нашем исследовании мы задались вопросом о разнице в процессе поиска ИИ-сгенерированных стимулов и фотографий. Актуальным направлением для данной предметной области является использование экологически валидного стимульного материала — изображений объектов повседневного использования, и применение нейросетей могло бы быть здесь весьма полезным, позволив сократить затраты на создание стимулов. Однако возникает вопрос о том, действительно ли созданные нейросетью стимулы воспринимаются аналогично изображениям реально существующих объектов. В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что время и точность поиска ИИ-сгенерированных стимулов будет отличаться от времени и точности поиска фотографий объектов.

Выборка

В исследовании приняли участие 30 человек (21 женщина) от 18 до 43 лет ($M_{\text{возраст}} = 21,29$, $SD = 5,18$). Все респонденты имели нормальное либо скорректированное до нормального зрение, не имели

психиатрических и неврологических заболеваний, а также не переносили черепно-мозговые травмы в последние 6 месяцев. Русский язык являлся родным для всех испытуемых. Рекрутинг респондентов проводился через социальные сети.

Методы исследования

В качестве методики была выбрана одна из самых популярных для исследований зрительного восприятия и внимания — задача зрительного поиска. В качестве первой независимой переменной использовался тип стимула: сгенерированный ИИ или фотография из базы данных. Второй независимой переменной являлось количество стимулов на экране: 6, 8 или 12 изображений. Точность (количество верных ответов) и скорость поиска целевого стимула являлись зависимыми переменными.

Стимульный материал

Для генерации изображений использовалась нейросеть Stable Diffusion. Эта нейросеть работает по принципу стабильной диффузии, то есть превращая гауссовский шум в изображение, путем обучения на большом количестве данных (фотографий и других видов изображений). Пример запроса (промпта) для генерации изображения: «платье на вешалке» или «керамическая кружка на столе». Все сгенерированные изображения могут быть найдены на Open Science Framework (OSF)¹. Фотореалистичные стимулы были взяты из нашего предыдущего исследования зрительного поиска, в котором одним из факторов являлся уровень категории цели, что требует уравнивания стимулов по этой характеристике, и базы данных BOSS (Сопов и др., 2019; Ангельгардт и др., 2021).

Процедура

Эксперимент был создан в программе PsychoPy v2023.1.2 и проводился онлайн с помощью сервиса Pavlovio. Респонденты могли проходить эксперимент только с персональных компьютеров (ПК) или ноутбуков. Прохождение эксперимента со смартфона или планшета не было предусмотрено. При регистрации для участия в эксперименте каждому респонденту присваивался собственный индивидуальный номер из нескольких цифр (например, 398016). После регистрации респонденту высылалась ссылка, ведущая на страницу эксперимента

¹ <https://osf.io/duzs6/>

в Pavlovia. Эксперимент длился примерно 30–40 минут. Все данные были собраны в 2024 г. Любая дополнительная информация, связанная с дизайном эксперимента, может быть запрошена у авторов по электронной почте.

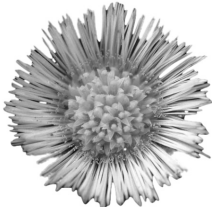
Задача испытуемых состояла в том, чтобы найти вербально заданный стимул среди отвлекающих (дистракторов). Эксперимент состоял из 2 блоков: в одном блоке все стимулы (как целевые, так и дистракторы) являлись изображениями, сгенерированными нейросетью, во втором блоке — фотографиями из баз данных. Порядок предъявления блоков был уравнен между испытуемыми.

Перед прохождением эксперимента испытуемым предъявлялась инструкция, в которой описывалась последовательность действий при выполнении задачи. Целевой стимул обозначался словом (например, «бабочка») в начале каждой пробы. Иными словами, поиск был категориальным: если респонденту предъявлялось слово «бабочка», то в дальнейшем необходимо было искать любую бабочку на экране. Всего было 4 категории целевых стимулов: «бабочка», «одежда», «кружка» и «цветок» (Таблица 1). После предъявления слова, обозначающего целевой стимул, на экране появлялись изображения (6, 8 или 12), среди которых нужно было искать соответствующий категории целевой стимул. Всего было по 3 вида целевого стимула на каждую категорию: например, для целевого стимула «бабочка» было создано 3 разных изображения бабочки, которые различались по ряду характеристик (цвет, форма и положение в пространстве). Целевой стимул мог присутствовать на экране либо отсутствовать. Если целевой стимул присутствовал, то он мог быть только один в каждой пробе. В каждом блоке было по 300 проб (всего 600 проб). На каждую категорию приходилось по 75 проб, 45 из которых содержали целевой стимул. Порядок предъявления слов, обозначающих целевой стимул, и порядок предъявления проб с разным количеством стимулов был рандомизирован. Ответ респондентов давался с помощью клавиш «→» и «←» на компьютере, где «→» — цель присутствует на экране, а «←» — цель отсутствует. Фиксировалась точность ответов испытуемого (количество верных ответов), а также время реакции. Визуализация процедуры исследования представлена на Рисунке 1.

Результаты исследования

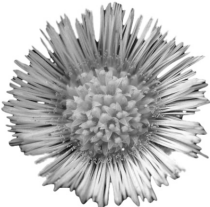
Анализу подлежала точность (процент верных ответов) и время реакции. Процент верных ответов был подсчитан по всем пробам

Таблица 1
Примеры целевых стимулов

Слово	Изображение ИИ	Изображение фото
Бабочка		
Кружка		
Одежда		
Цветок		

суммарно, без разделения на разные типы ответов (правильные попадания и правильные отрицания считались верными ответами, а ложные тревоги и пропуски — неверными). Для анализа использовался метод дисперсионного анализа (repeated measures ANOVA) с повторными измерениями, где в качестве внутригрупповых факторов выступали тип стимула и количество стимулов на экране. Так как ANOVA не чувствительна к нормальности распределения, тесты на нормальность не проводились (см., например, Наследов, 2004). Тест гомогенности дисперсий Левена показал равенство дисперсий в сравниваемых условиях. Попарно с помощью t-критерия Стьюдента сравнивались результаты для разного количества стимулов на экране,

Table 1
Examples of targets

Word	AI generated image	Photo image
Butterfly		
Mug		
Clothes		
Flower		

для контроля ложноположительных результатов для множественных сравнений использовалась поправка Бонферрони. Поправка Гринхауса — Гейсера применялась, если результаты теста Моучли на сферичность были статистически значимыми. При анализе точности (процента верных ответов) анализировались только пробы, в которых присутствовал целевой стимул. При анализе времени реакции анализировались только пробы, в которых испытуемый находил целевой стимул, то есть давал правильный ответ. Пробы, в которых время реакции отличалось от среднего сильнее, чем на $\pm 2SD$, были исключены из анализа. Предобработка данных производилась на

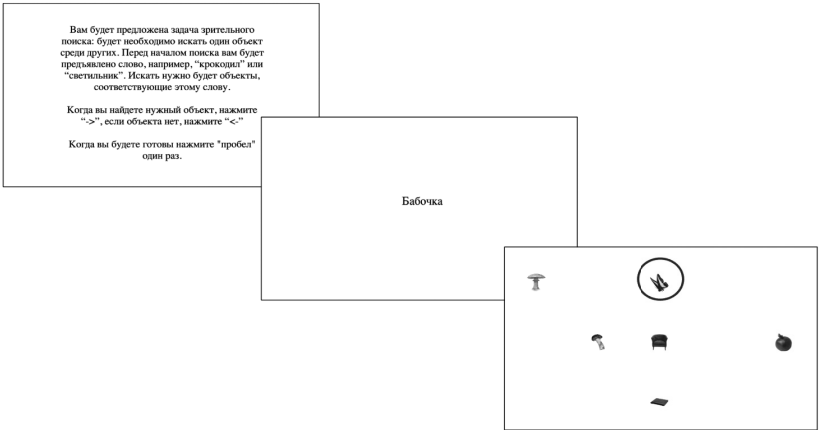

Рисунок 1
Визуализация процедуры исследования. Кругом на рисунке обозначен целевой стимул в пробе (в самой экспериментальной процедуре на экране обозначения целевого стимула кругом не было)

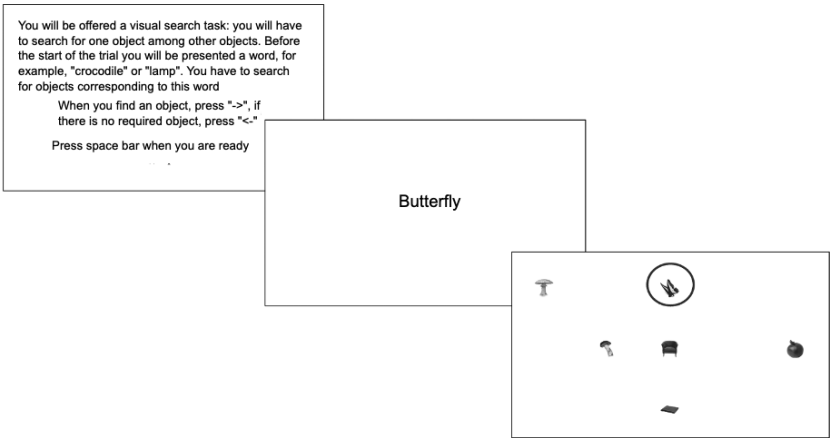

Figure 1
Visualization of the research procedure. The circle in the figure indicates the target stimulus in the trial (in the experimental procedure itself, there was no circle indicating the target stimulus on the screen)

языке программирования Python с использованием библиотеки Pandas (McKinney, 2011). Для анализа данных использовалась программа JASP 0.16.4 (Love et al., 2019).

Результаты: точность (количество верных ответов)

Фактор типа стимула (сгенерированный ИИ или фотография из базы данных) оказался статистически незначимым, $F(1, 58) = 2,70$, $p = 0,10$, $\eta_p^2 = 0,04$. Фактор количества стимулов на экране оказался статистически незначимым, $F(2, 116) = 0,50$, $p = 0,60$, $\eta_p^2 < 0,01$. Взаимодействие факторов типа стимула и количества стимулов на экране также оказалось статистически незначимым, $F(2, 116) = 0,47$, $p = 0,62$, $\eta_p^2 < 0,01$. Графическое представление результатов представлено на Рисунке 2. Попарные сравнения с поправкой Холма — Бонферронни не выявили статистически значимых различий для разного количества стимулов на экране.

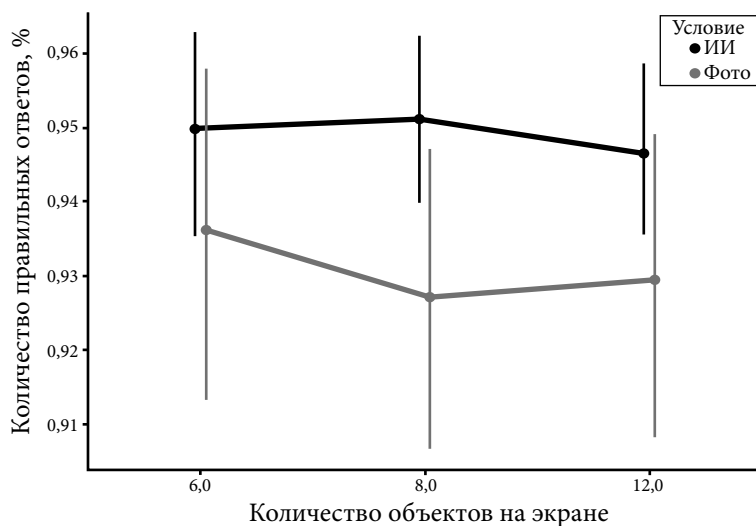

Рисунок 2

Графическое представление результатов по точности (проценту верных ответов) респондентов. «Усы» на графике отображают 95 % доверительный интервал

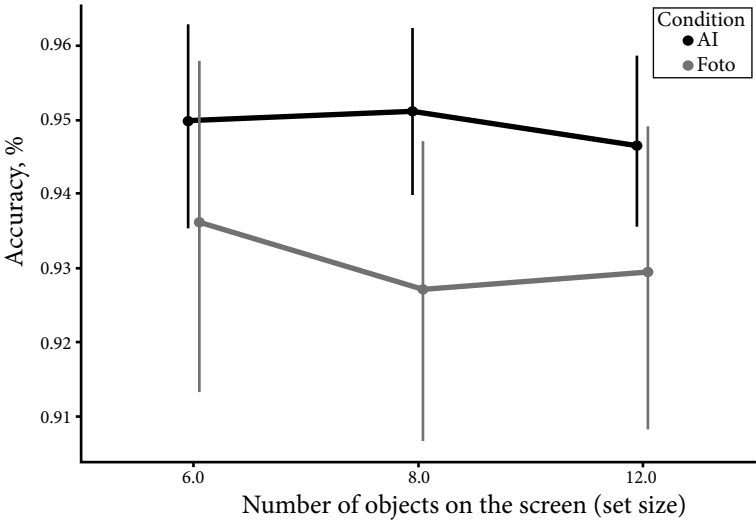

Figure 2
Graphical representation of the results by accuracy (percentage of correct responses) given by respondents. Error bars represent 95 % confidence interval

Результаты: время реакции

Фактор количества стимулов на экране оказался статистически значимым $F(2, 116) = 12,19, p < 0,01, \eta_p^2 = 0,1$. Фактор типа стимула (сгенерированный ИИ или фотография из базы данных) оказался статистически незначимым, $F(1, 58) = 0,11, p = 0,74, \eta_p^2 < 0,01$. Взаимодействие факторов типа стимула и количества стимулов на экране оказалось статистически незначимым, $F(2, 116) = 1,82, p = 0,16, \eta_p^2 = 0,03$. Графическое представление результатов представлено на Рисунке 3. Попарные сравнения для фактора количества стимулов на экране представлены в Таблице 2.

Обсуждение результатов

Был получен типичный паттерн для задачи зрительного поиска: возрастание времени реакции при увеличении количества стимулов на экране (Wolfe, 2010). Согласно современным теориям зрительного поиска, например модели управляемого поиска 6.0, испытуе-

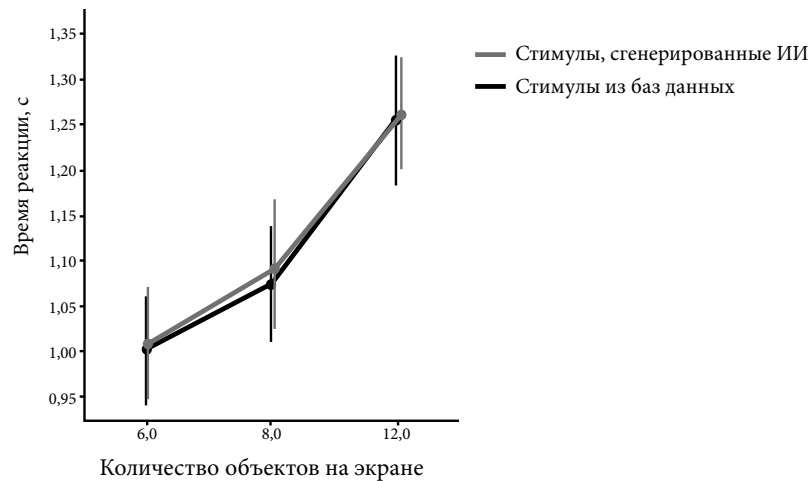

Рисунок 3
Графическое представление результатов по времени реакции.
«Усы» на графике отображают 95 % доверительный интервал

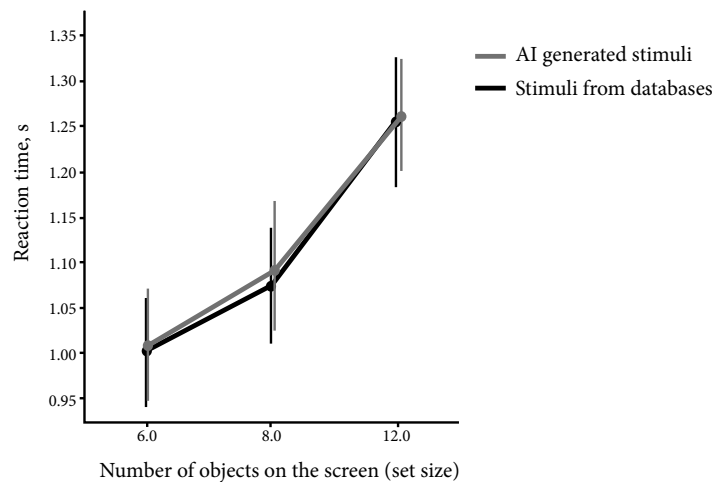

Figure 3
Graphical representation of the results by reaction time.
Error bars represent 95 % confidence interval

Таблица 2
Попарные сравнения для различных условий по количеству стимулов на экране (6, 8, 12 стимулов) с помощью t-критерия Стьюдента (введена поправка Бонфферони на множественные сравнения)

Количество стимулов на экране		SE	t	pbonf
6	8	0,05	-1,48	0,16
	12	0,05	-4,80	<0,01
8	12	0,05	-3,39	<0,01

Table 2
Pairwise comparisons for different conditions by set size (6, 8, 12 stimuli) using Student's t-test (Bonferroni correction for multiple comparisons used)

Set size		SE	t	pbonf
6	8	0.05	-1.48	0.16
	12	0.05	-4.80	<0.01
8	12	0.05	-3.39	<0.01

мые последовательно обрабатывают стимулы на экране в поисках целевого (Wolfe, 2021). Таким образом, при увеличении количества дистракторов увеличивается количество потенциальных целевых стимулов, на обработку которых тратится время. Точность ответов была достаточно высокой и не зависела ни от одного из факторов, что также является стандартным для исследований зрительного поиска результатом и связано с низкой сложностью задачи (Wolfe, 2010).

Главной задачей нашего исследования был поиск различий между поиском стимулов, сгенерированных нейросетью Stable Diffusion, и поиском фотореалистичных стимулов, взятых из баз данных и предыдущих исследований. Ни в точности (проценте правильных ответов), ни во времени реакции различий при поиске разных типов стимулов обнаружено не было, что говорит о сходных поведенческих паттернах при восприятии реально существующих изображений и стимулов, сгенерированных с помощью нейросетей. Мы полагаем, что, несмотря на некоторые особенности сгенерированных ИИ изображений (например, не вполне стандартная форма или изогнутость), они обладают достаточным количеством необходимых базовых признаков для корректной категоризации и идентификации.

При проведении экспериментов в области когнитивной психологии наблюдается тенденция к использованию реалистичных

стимулов. Более того, некоторые исследователи приближают задачу зрительного поиска к реальным жизненным задачам (Морозов, 2017; Ануфриева, Горбунова, 2022), примером которых является поиск объектов внутри сцены (Le-Hoa Võ, Wolfe, 2015). Это многократно увеличивает экологическую валидность исследований. Так, респондентам предлагается искать не геометрические фигуры, а фотореалистичные изображения предметов обихода или же изучать целые сцены (кухни, поля и другие). Однако при дизайне подобных экспериментов встает вопрос о стимульном материале: он должен быть сбалансированным, подходящим под задачи исследования, и его использование не должно нарушать авторские права его создателей. Например, при изучении эффекта категориальности в зрительном поиске исследователям зачастую приходится создавать изображения нескольких представителей одной категории (несколько видов цветов, несколько видов платьев и т.д.) (Сапронов и др., 2023). Не во всех стандартизированных базах данных может быть представлено нужное количество изображений, более того, не все из них доступны для свободного использования. Мы полагаем, что использование инструментов ИИ, таких как диффузные вероятностные модели, может выступать в качестве удобной альтернативы при создании стимулов для экспериментов. Нейросеть принимает запрос (промпт) и по нему формирует изображения. Так, при запросе «красное платье на вешалке» нейросеть предложит несколько изображений, подходящих под запрос (Ho et al., 2020). Это позволяет исследователю адаптировать запрос под свои цели и получить желаемое изображение. Полученное изображение при этом не нарушает авторских прав, а также достаточно легко поддается дальнейшей обработке: выравнивание по центру, изменение яркости, удаление фона и иные манипуляции. Согласно результатам нашего исследования, такие изображения не отличаются по паттернам их поиска в экспериментах на зрительный поиск. Мы полагаем, что они подходят и для других экспериментальных парадигм.

Тем не менее важно понимать, что нейросети не всегда генерируют идеальные изображения. Некоторые из полученных изображений могут получаться нереалистичными и даже пугающими, что также было продемонстрировано в предыдущих исследованиях (Rapp et al., 2024). Более того, иногда запросы (промпты) могут «восприниматься» нейросетью слишком буквально. Например, при запросе «торт Наполеон» нейросеть может сгенерировать изображение с тортом, на котором изображен французский император Наполеон I Бонапарт (Рисунок 4).

Рисунок 4

Примеры неудачных изображений, сгенерированных ИИ: слева — женщина со смазанным лицом и руками по запросу (промпту) «розовое платье», справа — торт с портретом Наполеона I Бонапарта по запросу (промпту) «торт Наполеон»

Figure 4

Examples of unsuccessful images generated by AI: on the left — a woman with a blurred face and hands for the query (prompt) “pink dress”, on the right — a cake with a portrait of Napoleon I Bonaparte for the query (prompt) “Napoleon cake”

Все вышеописанное означает, что роль экспериментатора крайне велика при использовании технологий ИИ, так как после генерации изображения необходима его оценка на реалистичность и релевантность использования, а также такие изображения нуждаются в последующей обработке.

Выводы

Таким образом, использование систем искусственного интеллекта при создании экспериментов в когнитивной психологии представляет собой перспективное направление для развития. Алгоритмы машинного обучения и всевозможные инструменты ИИ могут значительно упростить и местами улучшить качество проведения исследований. В нашем исследовании было продемонстрировано, что стимулы, сгенерированные ИИ, и фотореалистичные стимулы из баз данных дают сходные поведенческие показатели при решении задачи зрительного поиска. Это может быть аргументом в пользу

дальнейшего использования ИИ при планировании исследований в этой области.

Список литературы

Ангельгардт, А.Н., Макаров, И.М., Горбунова, Е.С. (2021). Роль уровня категории при решении задачи гибридного поиска. *Вопросы психологии*, (2), 148–158.

Ануфриева, А.А., Горбунова, Е.С. (2022). Аффордансы как часть процесса идентификации объекта в зрительном поиске. *Российский психологический журнал*, 19(2), 188–200.

Жадан, А. (2023). Как я написал диплом с помощью ChatGPT и оказался в центре спора о нейросетях в образовании. Т — Ж, 3 марта 2023 г. URL: <https://t-j.ru/neuro-diploma/> (дата обращения: 07.03.2025).

Морозов, М.И. (2017). Влияние категориальных названий на зрительный поиск. *Шаги*, 3(1), 87–97.

Наследов, А.Д. (2004). Математические методы психологического исследования. Санкт-Петербург: Изд-во «Речь».

Сапронов, Ф.А., Макаров, И.М., Горбунова, Е.С. (2023). Категоризация в гибридном поиске: исследование с использованием регистрации движений глаз. *Экспериментальная психология*, 16(3), 121–138.

Сопов, М.С., Стародубцев, А.С., Мирошник, К.Г., Шиндриков, Р.Ю. (2019). База стандартизированных изображений BOSS: адаптация для использования на русскоязычной выборке. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 16(4), 690–704.

Brauner, P., Hick, A., Philipsen, R., Ziefle, M. (2023). What does the public think about artificial intelligence? A criticality map to understand bias in the public perception of AI. *Frontiers in Computer Science*, (5), 1113903. <https://doi.org/10.3389/fcomp.2023.1113903>

Chen, X., Zelinsky, G.J. (2006). Real-world visual search is dominated by top-down guidance. *Vision Research*, 46(24), 4118–4133.

Ho, J., Jain, A., Abbeel, P. (2020). Denoising diffusion probabilistic models. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 33, 6840–6851.

Ivanina, E.O., Gracheva, A.S., Markov, Y.A., Gorbunova, E.S. (2020). Search for familiar and dangerous: not seeing a gopnik in the crowd. *Психологические исследования*, 13(71), 1–25.

Julesz, B. (1975). Experiments in the visual perception of texture. *Scientific American*, 232(4), 34–43.

Kaplan, A., Haenlein, M. (2020). Rulers of the world, unite! The challenges and opportunities of artificial intelligence. *Business Horizons*, 63(1), 37–50.

Kurdi, B., Lozano, S., Banaji, M.R. (2017). Introducing the open affective standardized image set (OASIS). *Behavior Research Methods*, 49, 457–470.

Le-Hoa Vö, M., Wolfe, J.M. (2015). The role of memory for visual search in scenes. *Annals of the New York Academy of Sciences*, (1), 72–81.

Love, J., Selker, R., Marsman, M., Jamil, T., Dropmann, D., Verhagen, J., Ly, A., Gronau, Q.F., Šmíra, M., Epskamp, S., Matzke, D., Wild, A., Knight, P., Rouder, J.N., Morey, R.D., Wagenmakers, E.J. (2019). JASP: Graphical statistical software for common statistical designs. *Journal of Statistical Software*, 88(2), 1–17.

McKinney, W. (2011). Pandas: a foundational Python library for data analysis and statistics. *Python for High Performance and Scientific Computing*, 14(9), 1–9.

Quinlan, P.T., Humphreys, G.W. (1987). Visual search for targets defined by combinations of color, shape, and size: An examination of the task constraints on feature and conjunction searches. *Perception & Psychophysics*, 41(5), 455–472.

Ragot, M., Martin, N., Cojean, S. (2020). Ai-generated vs. human artworks. a perception bias towards artificial intelligence? In: R. Bernhaupt, F.F. Mueller, D. Verweij, J. Andres, (eds.). CHI EA '20: Extended Abstracts of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (April 25–30, 2020). (pp. 1–10). New York: Association for Computing Machinery Publ.

Rapp, A., Di Lodovico, C., Torrielli, F., Di Caro, L. (2024). How do People Experience the Images Created by Generative Artificial Intelligence? An Exploration of People's Perceptions, Appraisals, and Emotions Related to a Gen-AI Text-to-image Model and its Creations. *International Journal of Human-Computer Studies*, 193, 103375. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2024.103375>

Roose, K. (2022). An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy. The New York Times, September 2, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/02/technology/ai-artificial-intelligence-artists.html?clckid=aa359dbd> (accessed: 03.07.2025).

Treisman, A. (1964). Monitoring and storage of irrelevant messages in selective attention. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 3(6), 449–459.

Treisman, A.M., Gelade, G. (1980). A feature-integration theory of attention. *Cognitive Psychology*, 12(1), 97–136.

Vuilleumier, P., Huang, Y.-M. (2009). Emotional attention: Uncovering the mechanisms of affective biases in perception. *Current Directions in Psychological Science*, 18(3), 148–152.

Wolfe, J.M. (1994). Guided search 2.0 a revised model of visual search. *Psychonomic Bulletin & Review*, 1, 202–238.

Wolfe, J.M. (2001). Asymmetries in visual search: An introduction. *Perception & Psychophysics*, 63, 381–389.

Wolfe, J.M. (2010). Visual search. *Current Biology*, 20(8), 346–349.

Wolfe, J.M. (2020). Visual search: How do we find what we are looking for? *Annual Review of Vision Science*, 6, 539–562.

Wolfe, J.M. (2021). Guided Search 6.0: An updated model of visual search. *Psychonomic Bulletin & Review*, 28(4), 1060–1092.

Wolfe, J.M., Cave, K.R., Franzel, S.L. (1989). Guided search: an alternative to the feature integration model for visual search. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 15(3), 419–433.

References

Angelgardt, A.N., Makarov, I.M., Gorbunova, E.S. (2021). The role of category level in solving the hybrid search task. *Voprosy Psikhologii*, (2), 148–158. (In Russ.)

Anufrieva, A.A., Gorbunova, E.S. (2022). Affordances as part of the object identification process in visual search. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 19(2), 188–200. (In Russ.)

Brauner, P., Hick, A., Philipsen, R., Ziefle, M. (2023). What does the public think about artificial intelligence? A criticality map to understand bias in the public perception of AI. *Frontiers in Computer Science*, (5), 1113903. <https://doi.org/10.3389/fcomp.2023.1113903>

Chen, X., Zelinsky, G.J. (2006). Real-world visual search is dominated by top-down guidance. *Vision Research*, 46(24), 4118–4133.

Ho, J., Jain, A., Abbeel, P. (2020). Denoising diffusion probabilistic models. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 33, 6840–6851.

Ivanina, E.O., Gracheva, A.S., Markov, Y.A., Gorbunova, E.S. (2020). Search for familiar and dangerous: not seeing gopnik in the crowd. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 13(71), 1–25. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i71.189>

Julesz, B. (1975). Experiments in the visual perception of texture. *Scientific American*, 232(4), 34–43.

Kaplan, A., Haenlein, M. (2020). Rulers of the world, unite! The challenges and opportunities of artificial intelligence. *Business Horizons*, 63(1), 37–50.

Kurdi, B., Lozano, S., Banaji, M.R. (2017). Introducing the open affective standardized image set (OASIS). *Behavior Research Methods*, 49, 457–470.

Le-Hoa Vö, M., Wolfe, J.M. (2015). The role of memory for visual search in scenes. *Annals of the New York Academy of Sciences*, (1), 72–81.

Love, J., Selker, R., Marsman, M., Jamil, T., Dropmann, D., Verhagen, J., Ly, A., Gronau, Q.F., Šmíra, M., Epskamp, S., Matzke, D., Wild, A., Knight, P., Rouder, J.N., Morey, R.D., Wagenmakers, E.J. (2019). JASP: Graphical statistical software for common statistical designs. *Journal of Statistical Software*, 88(2), 1–17.

McKinney, W. (2011). Pandas: a foundational Python library for data analysis and statistics. *Python for High Performance and Scientific Computing*, 14(9), 1–9.

Morozov, M.I. (2017). The influence of category names on visual search. *Shagi = Steps*, 3(1), 87–97. (In Russ.)

Nasledov, A.D. (2004). Mathematical methods of psychological research. St. Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.)

Quinlan, P.T., Humphreys, G.W. (1987). Visual search for targets defined by combinations of color, shape, and size: An examination of the task constraints on feature and conjunction searches. *Perception & Psychophysics*, 41(5), 455–472.

Ragot, M., Martin, N., Cojean, S. (2020). Ai-generated vs. human artworks. a perception bias towards artificial intelligence? In: R. Bernhaupt, F.F. Mueller, D. Verweij, J. Andres, (eds.). CHI EA '20: Extended Abstracts of the 2020 CHI

Conference on Human Factors in Computing Systems (April 25-30, 2020). (pp. 1–10). New York: Association for Computing Machinery Publ.

Rapp, A., Di Lodovico, C., Torrielli, F., Di Caro, L. (2024). How do People Experience the Images Created by Generative Artificial Intelligence? An Exploration of People's Perceptions, Appraisals, and Emotions Related to a Gen-AI Text-to-image Model and its Creations. *International Journal of Human-Computer Studies*, 193, 103375. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2024.103375>

Roose, K. (2022). An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy. *The New York Times*, September 2, 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/02/technology/ai-artificial-intelligence-artists.html?clckid=aa359dbd> (accessed: 03.07.2025).

Sapronov, F.A., Makarov, I.M., Gorbunova, E.S. (2023). Categorization in hybrid search: A study using eye movement registration. *Ekspperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 16(3), 121–138. (In Russ.)

Sopov, M.S., Starodubtsev, A.S., Miroshnik, K.G., Shindrikov, R.Yu. (2019). BOSS database of standardized stimuli: Adaptation for use on a Russian-speaking sample. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(4), 690–704. (In Russ.)

Treisman, A. (1964). Monitoring and storage of irrelevant messages in selective attention. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 3(6), 449–459.

Treisman, A.M., Gelade, G. (1980). A feature-integration theory of attention. *Cognitive Psychology*, 12(1), 97–136.

Vuilleumier, P., Huang, Y.-M. (2009). Emotional attention: Uncovering the mechanisms of affective biases in perception. *Current Directions in Psychological Science*, 18(3), 148–152. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01626.x>

Wolfe, J.M. (1994). Guided search 2.0 a revised model of visual search. *Psychonomic Bulletin & Review*, 1, 202–238.

Wolfe, J.M. (2001). Asymmetries in visual search: An introduction. *Perception & Psychophysics*, 63, 381–389.

Wolfe, J.M. (2010). Visual search. *Current Biology*, 20(8), 346–349.

Wolfe, J.M. (2020). Visual search: How do we find what we are looking for? *Annual Review of Vision Science*, 6, 539–562.

Wolfe, J.M. (2021). Guided Search 6.0: An updated model of visual search. *Psychonomic Bulletin & Review*, 28(4), 1060–1092.

Wolfe, J.M., Cave, K.R., Franzel, S.L. (1989). Guided search: an alternative to the feature integration model for visual search. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 15(3), 419–433.

Zhadan, A. (2023). How I wrote a thesis using ChatGPT and found myself at the center of a debate about neural networks in education. T — J, March 3, 2023. URL: <https://t-j.ru/neuro-diploma/> (accessed: 03.07.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фрол Алексеевич Сапронов, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, fa.sapronov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2384-8234>

Елена Сергеевна Горбунова, кандидат психологических наук, заведующий научно-учебной лабораторией когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, gorbunovaes@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3646-2605>

ABOUT THE AUTHORS

Frol A. Sapronov, Research Assistant at the Laboratory for Cognitive Psychology of Digital Interfaces User, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, fa.sapronov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2384-8234>

Elena S. Gorbunova, Cand. Sci. (Psychol.), Head of the Laboratory for Cognitive Psychology of Digital Interface User, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, gorbunovaes@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3646-2605>

Поступила 08.10.2024. Получена после доработки 27.02.2025. Принята в печать 17.03.2025.

Received 08.10.2024. Revised 27.02.2025. Accepted 17.03.2025.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / APPLIED STUDIES

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-15>

УДК/UDC 159.9.072.432

Игрушки для ролевой и режиссерской игры: как их предпочтение связано с регуляторными функциями в дошкольном возрасте?

М.Н. Гаврилова , И.У. Сурилова, В.Л. Сухих

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

 gavrilovamrg@gmail.com

Резюме

Актуальность. Развивающий потенциал игры в контексте психического развития детей дошкольного возраста признается практически всеми профильными специалистами. При этом понимание игры и предлагаемые классификации видов игр на сегодняшний день слабо сопоставимы друг с другом, что значительно затрудняет дальнейшее уточнение научных данных о влиянии конкретных аспектов игровой деятельности на показатели развития детей.

Цель. Изучить предпочтения детей различных дошкольных возрастных групп при выборе между игрушками для ролевой и режиссерской игры, а также потенциальный вклад этих предпочтений в развитие регуляторных функций.

Выборка. В исследовании приняли участие 180 детей в возрасте от 4 до 7 лет ($M = 5,96$ года; $SD = 0,69$).

Методы. Предпочтения игрушек для ролевой или режиссерской игры были выявлены в экспериментальной парадигме по методу вынужденного выбора из двух опций (forced-choice experimental paradigm). Диагностика регуляторных функций производилась с помощью набора нейропсихологических тестов.

Результаты. Показано, что дети 4–5 лет значимо чаще выбирали наборы игрушек для ролевой игры, а дети 6–7 лет — для режиссерской. При контроле пола и возраста предпочтение набора игрушек для режиссерской игры было значимо связано с более высокими показателями зрительно-пространственной рабочей памяти.

Выводы. Развивающий потенциал режиссерской игры можно рассматривать как более высокий для развития зрительно-пространственной памяти по сравнению с потенциалом ролевой игры.

Ключевые слова: дошкольное детство, культурно-исторический подход, игра, ролевая игра, режиссерская игра, предпочтения детей

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект №22-78-10097, тема проекта «Исследование влияния современной игрушки на развитие ребенка 3–8 лет».

Для цитирования: Гаврилова, М.Н., Сурилова, И.У., Сухих, В.Л. (2025). Игрушки для ролевой и режиссерской игры: как их предпочтение связано с регуляторными функциями в дошкольном возрасте? *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 132–157. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-15>

Role Play Toys and Play Figures: How Is Their Preference Related to Executive Function in Children Aged 4 to 7 Years?

Margarita N. Gavrilova ✉, Irina U. Surilova, Vera L. Sukhikh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ gavrilovamrg@gmail.com

Abstract

Background. The developmental potential of play in the context of mental development of preschool children is recognized by almost all specialists in the field. However, the lack of common understanding of play and the variety of proposed classifications of play types make them currently poorly comparable, complicating significantly further clarification of scientific data on the influence of specific aspects of play activity on the indicators of children's development.

Objective. The study was aimed at examining the preferences of preschool children in different age groups when choosing between role play toys and play figures, as well as the potential impact of the preferred type of play on the development of executive functions.

Study Participants. The study involved 180 children aged 4 to 7 years ($M = 5.96$ years; $SD = 0.69$).

Methods. Toy preferences for role-playing or directing play were revealed in an experimental paradigm using the forced-choice experimental paradigm. Executive functions were assessed with a set of neuropsychological tests.

Results. It was shown that 4–5-year-old children were significantly more likely to choose role play toys, and 6–7-year-old children chose to play figures. When controlling for gender and age, preference for play figures was significantly associated with higher visual-spatial working memory scores.

Conclusions. The developmental potential of directing play with figures can be seen as higher for the development of visual-spatial working memory as compared to the potential of the role-play.

Keywords: preschool childhood, cultural-historical approach, play, role play, directing play with figures, children's preferences

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation (RSF), project №22-78-10097, title of the project “Research on the influence of modern toys on the development of children aged 3–8 years”.

For citation: Gavrilova, M.N., Surilova, I.U., Sukhikh, V.L. (2025). Role play toys and play figures: how is their preference related to executive function in children aged 4 to 7 years? *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 132–157. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-15>

Введение

Феномен игры в дошкольном возрасте изучается через призму десятков теоретических подходов, каждый из которых трактует ее по-разному (Смирнова, 2014). Но несмотря на заметные методологические разногласия, все они сходятся на том, что игра обладает неопенимым значением в развитии детей и, в частности, регуляторных функций на протяжении всего дошкольного детства (Смирнова, 2014; Veraksa et al., 2023).

Сегодня в качестве фундаментальной базы и ориентира во многих работах по исследованию игры используется теория игры, разработанная в русле культурно-исторического подхода (Выготский, 1966; Эльконин, 1966; Леонтьев, 1996; Сухих и др., 2023; Fleer, 2022; Veresov, 2006). Она дает глубокое и содержательное представление о мотивах, структуре, содержании игры и ее влиянии на психическое развитие в дошкольном детстве и при этом имеет большой потенциал для дальнейшего развития и уточнения (Смирнова, Рябкова, 2010). Цель описываемого в данной статье исследования заключалась в попытке прояснения актуальной возрастной периодизации игровой деятельности современных детей с позиции разработанной в русле культурно-исторического подхода теории игры и оценки вклада

предпочитаемого вида игрушек в развитие регуляторных функций в возрасте с 4 до 7 лет.

Ролевая и режиссерская игра

Ролевая и режиссерская игры являются подвидами сюжетно-ролевой игры — ведущей деятельности дошкольного детства, способствующей формированию главных новообразований дошкольного возраста (Эльконин, 1978; Veresov, 2006). Сюжетно-ролевая игра появляется на 4-м году жизни и определяется как высший этап в развитии игры с воображаемой ситуацией. На этом этапе дети не просто совершают предметные действия (предметно-манипулятивная деятельность) или воспроизводят образы (образная игра), но создают мнимые ситуации, в которых моделируют известные им общественные отношения (Сухих и др., 2023).

Общим для ролевой и режиссерской игры является наличие таких структурных компонентов, как: 1) сюжет — воссоздаваемая в игре область действительности (например, игра в магазин); 2) содержание — воспроизводимые в игре действия и отношения между людьми (например, приобретение продуктов); 3) роли — обобщенный эталон поведения в тех или иных ситуациях (например, вежливый продавец); 4) правила — предписанные ролью поведения или правила игры, определенные самими детьми (например, необходимо взвешивать любой товар); 5) игровые действия — символические действия для изображения роли (например, нажатие продавцом кнопок на игрушечном калькуляторе) (Эльконин, 1978). Однако позиция ребенка и система взаимоотношений (игровых и реальных) в ролевой и режиссерской игре различаются. Далее эти различия рассматриваются путем более подробного описания расходящихся характеристик.

Ролевая игра предполагает принятие ребенком какой-либо роли и воспроизведение соответствующей ей стороны действительности от первого лица (то есть самим ребенком) (Эльконин, 1978). Исполняя ту или иную роль, играющий одновременно идентифицируется с ней и параллельно остается зрителем (Рябкова, Шеина, 2023). Таким образом, в ролевой игре ребенок находится в двух позициях: в реальной и ролевой. Опираясь на структуру такой игры, Е.О. Смирнова предложила выделять коллективную ролевую игру, ролевую игру через игрушку и ролевую игру без партнера (Смирнова, 2014). Классическим видом ролевой игры является коллективная, когда дети взаимодействуют из двух предполагающих друг друга ролей (например, доктор — пациент). Соответственно, каждое ролевое

действие с одной стороны вызывает ответное действие с другой. Но в наши дни более распространенным видом игры является ролевая игра через игрушку, в которой дети исполняют конкретную роль от лица игрушки. Примером такой игры может быть игра в куклы, когда дети взаимодействуют из ролей через своих игрушечных «представителей». Также встречается ролевая игра без партнера, в которой один ребенок исполняет сразу несколько ролей, поочередно перевоплощаясь из одной в другую (например, посетитель и официант).

Режиссерская игра представляет собой разыгрывание игровых сюжетов с помощью игрушек (Эльконин, 1978). Реконструируя множество различных ситуаций, дети не принимают роли на себя, а наделяют ими игрушки (Смирнова, 2014; Сухих и др., 2023). Игрушкой в таком случае может быть как специально разработанный коммерческий продукт с заложенным значением и функционалом, так и предмет-заместитель, который может стать в игре чем угодно (Gavrilova et al., 2023). Играющий управляет сюжетом, действуя от имени игрушек и выстраивая между ними отношения. Е.О. Смирнова предложила выделять индивидуальную и совместную режиссерскую игру (Смирнова, 2014). В индивидуальной игре ребенок сам исполняет все предполагаемые игровым сюжетом роли, управляя всеми задействованными в нем игрушками. А в совместной игре, помимо ролевого взаимодействия от лица взятых ролей (которое в индивидуальной режиссерской игре представлено одним ребенком), играющий также находится в реальном взаимодействии с партнером по поводу разыгрываемого сюжета (Смирнова, 2011).

Ролевая и режиссерская игры как фактор развития регуляторных функций

В основе саморегуляции в дошкольном возрасте находятся когнитивные процессы, обеспечивающие запоминание информации (рабочая память), удержание импульсивных реакций (сдерживающий контроль) и переключение между условиями и задачами (когнитивная гибкость), которые объединяются зонтичным термином «регуляторные функции» (Miyake et al., 2000). Сформированность регуляторных функций в детские годы способна значимо предсказывать долгосрочные жизненные перспективы, поэтому их тренировка рассматривается как одно из наиболее эффективных средств развития навыков, необходимых для успешного обучения (Diamond, Ling, 2016; Сухих и др., 2023). Целенаправленное развитие регуляторных функций в дошкольном возрасте чаще всего реализуется в контексте

игры, поскольку такое воздействие наиболее экологично и соответствует возрастным особенностям (Bodrova, Leong, 2008; Walker et al., 2020; Веракса и др., 2023). Например, на выборке 227 детей в возрасте 4–5 лет была выявлена эффективность игры с воображаемой ситуацией для развития регуляторных функций в результате реализации программы «Игровые миры» (Playworlds) (Walker et al., 2020). В другом эксперименте с участием 80 детей в возрасте 5–6 лет показано, что роль, которую дети принимают во время игры, может влиять на регуляторные функции (Veraksa et al., 2021). Так, выполняя задания на когнитивную гибкость, от имени мудреца дети показывали значимо более высокие результаты, чем от имени злого волшебника. При этом, как было показано в недавнем эксперименте с анализом видеозаписей игры 136 детей в возрасте 5–6 лет, сам по себе игровой контекст необязательно обладает развивающим потенциалом, но может стать таковым для каждого конкретного ребенка в случае возникновения драматического переживания (Veresov et al., 2024; Sukhikh et al., 2022).

Насколько нам известно, потенциальные различия вклада ролевой и режиссерской игр в развитие регуляторных функций прицельно не анализировались. На основе представленного в предыдущем параграфе сравнительного анализа структурных компонентов игры можно предположить, что приобретаемый детьми опыт в ролевой и режиссерской играх во многом схож. Тем не менее у обоих видов игры присутствует определенная специфика, которая может по-разному отражаться на развитии регуляторных функций. Прежде всего речь идет о позиции ребенка и системе игровых и реальных взаимоотношений. Если в ролевой игре ребенок чаще всего находится в одной роли на протяжении всей игры и тем самым занимает только одну позицию помимо реальной позиции играющего, то в режиссерской он находится в ситуации множественной позиционности, исполняя несколько ролей, оставаясь при этом режиссером и самим собой. Следовательно, система взаимоотношений в ролевой игре проще, чем в режиссерской: в основном взаимодействие между детьми происходит с позиции взятых ими ролей и, когда того требует ситуация, с позиции играющих. В режиссерской игре дети взаимодействуют от имени исполняемых ими ролей со всеми другими, представленными в игре, а также из позиции играющих друг с другом, если игра коллективная. Важно отметить, что и по содержанию ролевая игра менее разнообразна в сравнении с режиссерской, поскольку в ней в основном происходит воспроизведение предполагаемых ролями действий. В ролевую игру сложно привнести что-то «свое» по нескольким причинам. С одной

стороны, ее суть как раз заключается в воссоздании реальных событий с сохранением определенной последовательности действий. С другой стороны, отхождение от каноничного исполнения роли может вести к разрушению игры, поскольку каждое ролевое действие предполагает ответное ему действие. Содержание режиссерской игры может быть богаче ввиду того, что играющие обладают большей свободой, как в определении ролей, так и при выстраивании отношений между ними.

Цели и гипотезы настоящего исследования

Описываемое исследование преследовало несколько целей. Во-первых, была поставлена цель изучить предпочтение детьми ролевой и режиссерской игры в зависимости от возраста (охватывая дошкольные возрастные группы от 4 до 7 лет). Предполагалось, что дети из младших возрастных групп будут чаще отдавать предпочтение ролевой игре по сравнению с режиссерской ввиду более простой позиции ребенка и системы взаимоотношений в игре. Во-вторых, была поставлена цель оценить потенциальный вклад предпочитаемого ребенком вида игры (ролевая или режиссерская) при контроле пола и возраста в развитие основных компонентов регуляторных функций. Предполагалось, что более широкое разнообразие содержания и сюжетов режиссерской игры, как и факт использования в ней большего количества игровых материалов, позитивно ассоциируется с когнитивной гибкостью и рабочей памятью. В дополнение к количественным данным был собран качественный материал в виде устных аргументов детей в пользу выбора определенного вида игрушек для более иллюстративной и обоснованной интерпретации результатов статистического анализа.

Выборка

Участниками исследования стали дети в возрасте от 4 до 7 лет, посещавшие дошкольные группы государственных образовательных учреждений в г. Москва. Сбор данных проводился в период с сентября по декабрь 2024 года. Первоначальное количество участников исследования составило 192 ребенка. После применения критериев для формирования выборки (рождение на полном сроке, вес при рождении более 2500 граммов, отсутствие нарушений зрения, слуха и когнитивных функций) из анализа были исключены 7 наблюдений. Окончательная выборка состояла из 180 детей ($M = 5,96$ года; $SD = 0,69$). Информация о половозрастном составе участников исследования, включая соотношение количества девочек и мальчиков, представлена в Таблице 1.

Таблица 1
Половозрастной состав средних, старших и подготовительных возрастных групп, принявших участие в исследовании

Возраст	Пол	Количество детей	%
4–5 лет (средняя группа)	мальчики	24	13
	девочки	28	16
5–6 лет (старшая группа)	мальчики	35	19
	девочки	39	22
6–7 лет (подготовительная группа)	мальчики	25	14
	девочки	29	16

Table 1
Age and gender composition of the age groups that took part in the study

Age	Gender	Number of children	%
4–5 y.o. (middle group)	boys	24	13
	girls	28	16
5–6 y.o. (elder group)	boys	35	19
	girls	39	22
6–7 y.o. (preschool group)	boys	25	14
	girls	29	16

Методы исследования

Процедура

Эмпирическая часть исследования была реализована в три этапа. Первый этап включал сбор письменных информированных согласий на участие детей в исследовании и сбор социально-демографической информации о семьях от законных представителей участников исследования. На втором этапе проведена индивидуальная диагностика компонентов регуляторных функций. На третьем этапе проведены индивидуальные экспериментальные сессии для выявления предпочтения детьми наборов для ролевой или режиссерской игры. Диагностические и экспериментальные встречи с детьми проводились обученными опытными тестерами в тихих светлых помещениях детских садов. Методики предъявлялись в одинаковой последовательности.

Методики

В качестве основных компонентов регуляторных функций оценивались: зрительно-пространственная рабочая память с помощью методики «Память на конструирование» (Memory for Design subtest of NEPSY-II) (Korkman et al., 2007); слухоречевая рабочая память с помощью методики «Повторение предложений» (Sentences Repetition subtest of NEPSY-II) (Korkman et al., 2007); сдерживающий контроль с помощью методики «Торможение» (Inhibition subtest of NEPSY-II) (Korkman et al., 2007); когнитивная гибкость с помощью методики «Сортировка карточек по изменяемому признаку» (Dimension Card Change Sorting) (Zelazo, 2006). Ранее все методики успешно прошли процедуру стандартизации на российской выборке (Веракса, и др., 2020а).

Экспериментальная сессия

Для определения предпочтения детьми наборов для ролевой или режиссерской игры были проведены индивидуальные встречи с выбором из двух опций. Каждому ребенку была предъявлена пара черно-белых изображений двух вариантов игры в больницу, один из которых соответствовал ролевой, а другой — режиссерской игре (Рисунок 1). Изображения демонстрировались на экране цифрового планшета (12,4 дюйма, 1752 на 2800 мм). Экспериментатор устно озвучивал каждому ребенку следующую инструкцию: *«С этими игрушками можно играть в больницу. Как бы тебе хотелось играть в больницу: одеться в костюм доктора и играть как будто ты сам(а) доктор (указывает на Рисунок 1а)? Или играть с игрушечными фигурками доктора и пациентов (указывает на Рисунок 1б)? Покажи, как тебе хотелось бы играть больше всего? А почему?»*

Стратегия анализа данных

Статистический анализ был выполнен с использованием программного обеспечения Jamovi, версия 2.6.17. Стратегия анализа данных включала три шага в соответствии с указанными выше целями. Так, первым шагом в качестве описательных статистик были подсчитаны процентные показатели предпочтения детьми игровых наборов для ролевой и режиссерской игры в каждой возрастной группе, а также с помощью таблиц сопряженности и критерия Хи-квадрат проведен анализ взаимного распределения частот связи предпочитаемых игрушек и возраста детей (4–5 лет, 5–6 лет и 6–7 лет). Вторым шагом путем сочетания рангового корреляционного анализа

(a)

(б)

Рисунок 1

Изображение пары игрушек, предложенных для выбора: (а) набор для ролевой игры в больницу, (б) набор для режиссерской игры в больницу

(a)

(b)

Figure 1

An image of a pair of toys offered for choice: (a) a set for a hospital role-playing game, (b) a set for a hospital directing game

Спирмена (r-коэффициент) в качестве предварительного этапа и построения общей линейной модели (GML) в качестве основного этапа была произведена оценка потенциального вклада предпочитаемых игрушек (для ролевой или режиссерской игры) в развитие основных компонентов регуляторных функций при контроле пола и возраста. Для оценки размера эффекта использовался Partial eta square (partial η^2). В соответствии с правилами, приведенными Коэном, размер эффекта интерпретируется следующим образом: $\eta^2 \leq 0,01$ — малый, $\eta^2 \geq 0,06$ — средний и $\eta^2 \geq 0,14$ — большой размер эффекта.

Результаты исследования

Описательные статистики и предварительный анализ

В качестве описательных статистик были подсчитаны процентные показатели предпочтения детьми двух вариантов игры в больницу, один из которых соответствовал ролевой, а другой — режиссерской игре. Ролевая игра оказалась более предпочитаемой среди детей в возрасте 4–5 лет (69,23 %) и 5–6 лет (67,19 %). В возрасте же 6–7 лет более предпочтительной стала режиссерская игра, которую выбрали 58,31 % детей. Анализ взаимного распределения частот с помощью таблиц сопряженности подтвердил наличие значимых различий между предпочитаемыми игрушками в трех возрастных группах ($\chi^2 = 7,76$; $p = 0,02$). Процентное соотношение выбора детьми трех возрастных групп игровых наборов для ролевой или режиссерской игры представлено на Рисунке 2.

Подробная информация о частоте выбора игровых наборов для ролевой и режиссерской игры по возрастам с указанием типичных устных обоснований представлена ниже в Таблице 2.

Рисунок 2

Процентное соотношение выбора детьми трех возрастных групп игровых наборов для ролевой и режиссерской игры

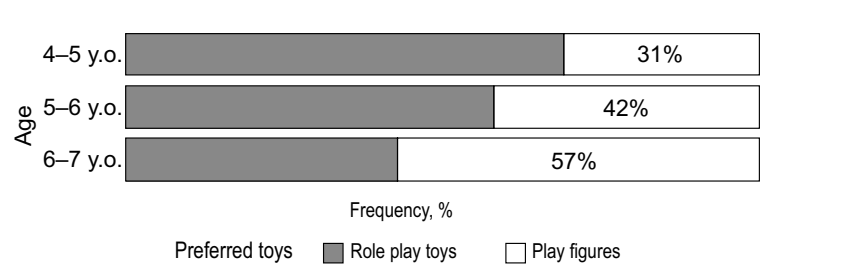

Figure 2
The percentage of children of three age groups choosing role play toys and play figures toys

Таблица 2
Устные обоснования детьми выбора в пользу набора для ролевой или режиссерской игры в трех возрастных группах (4–5 лет, 5–6 лет и 6–7 лет)

Предпочи-таемый вид игрушек	Возраст ребенка	Устное обоснование выбора
Для ролевой игры	4–5 лет	Потому что так ты как настоящий доктор.
		Потому что сам лечишь.
		Хочу сама быть доктором.
		Интереснее, и не надо держать игрушки.
		Потому что так ты сам понимаешь значение «больница».
		Мне так нравится, не знаю, почему.
		Потому что я люблю одеваться в доктора и всех лечить.
	5–6 лет	Потому что так ты можешь всех лечить по-настоящему.
		Потому что так по-настоящему можно быть доктором
	5–6 лет	Люблю сама уколы делать.
		Потому что я хочу быть доктором.
		Потому что игрушки не могут двигать руки, а человек может.
		Потому что я люблю одеваться в одежду.
		Самой можно много разного делать, а фигурками нет.
		Потому что можно себя представить доктором.
	6–7 лет	С сестрой в такое будет интересно играть.
		Потому что, когда ты переоденешься в доктора, ты будешь именно похож на доктора
		Потому что я не люблю играть в игрушки.
	6–7 лет	Потому что я не люблю делать много руками.
		Так будет не скучно, а с фигурками надо будет одному

Предпочи- таемый вид игрушек	Возраст ребенка	Устное обоснование выбора
Для режис- серской игры	4–5 лет	Потому что можно фигурки взять и играть, а с самим собой нельзя играть в доктора. Потому что не надо переодеваться. Я люблю фигурки больше. Потому что я не хочу одеваться
	5–6 лет	Потому что я не хочу быть настоящим доктором. Потому что если переодеться, то некрасиво будешь выгля- деть. Фигурок несколько, можно много играть, а если сам док- тор — только один играть буду. Потому что с фигурками только руками можно двигать. Потому что не интересно играть одной. Некого будет лечить, если ты сам доктор
	6–7 лет	Потому что если с тобой никто не захочет играть, то можно с игрушками играть. Потому что там надо долго одеваться, а тут просто играть. Потому что одеться если в доктора, то некого будет лечить, а если с куклами, то есть кого лечить. Потому что мне это очень играется и нравится. Самому все делать лень, а фигурками просто руками двигать. Потому что самой хочется в обычной одежде побыть. Потому что потом все не нужно долго снимать. Потому что можно играть с другом фигурками. Потому что фигурку можно самому положить, а человека просить надо

**Эффект предпочитаемого вида игрушек на развитие
регуляторных функций**

С целью изучения потенциального эффекта предпочитаемого вида игрушек на развитие регуляторных функций предварительно был проведен ранговый корреляционный анализ Спирмена с контролем пола и возраста детей. Из четырех основных компонентов регуляторных функций (слухоречевая рабочая память, зрительно-пространственная рабочая память, сдерживающий контроль и когнитивная гибкость) при контроле пола и возраста была выявлена слабая связь предпочтения детьми определенного вида игрушек только со зрительно-пространственной рабочей памятью ($r=0,16$; $p<0,05$). Так, выбор набора для режиссерской игры сопряжен с более высокими

Table 2
Children’s verbal explanation for choosing a set of role play toys or play figures in the three age groups

Preferred toys	Age	Verbal explanation
Role play toys	4–5 y.o.	Because then you feel like a real doctor.
		Because you can treat people.
		I want to be a doctor myself.
	5–6 y.o.	It’s more interesting, and you don’t have to hold toys.
		Because then you understand what «hospital» means.
		I like it this way, I don’t know why.
	6–7 y.o.	Because I love dressing up as a doctor and treating everyone.
		Because then you can treat everyone for real.
		Because this way, you can truly be a doctor
Play figure toys	4–5 y.o.	I love giving injections myself.
		Because I want to be a doctor.
		Because toys can’t move their arms, but a person can.
	5–6 y.o.	Because I love dressing up in clothes.
		You can do many different things yourself, but not with figurines.
		Because you can imagine yourself as a doctor.
	6–7 y.o.	It will be interesting to play with my sister.
		Because when you dress up like a doctor, you really look like a doctor
		Because I don’t like playing with figures toys.
	4–5 y.o.	Because I don’t like doing a lot with my hands.
		It won’t be boring this way, and with figures, I would have to play alone
		Because you can take the figurines and play, but you can’t play doctor with yourself.
	5–6 y.o.	Because you don’t have to change clothes.
		I like figurines more.
		Because I don’t want to dress up
	6–7 y.o.	Because I don’t want to be a real doctor.
		Because if I change clothes, I won’t look nice.
		There are several figurines, so I can play a lot, but if I am the doctor myself, I can only play alone.
	4–5 y.o.	Because with figurines, you can only move their arms.
		Because it’s not fun to play alone.
		There won’t be anyone to treat if you are the doctor yourself
	5–6 y.o.	Because if no one wants to play with you, you can play with toys.
		Because you have to get dressed for a long time, but here you can just play.
		Because if you dress up as a doctor, there’s no one to treat, but with dolls, there’s someone to treat.
	6–7 y.o.	Because I really enjoy playing with it and like it.
		I’m too lazy to do everything myself, but with figurines, I can just move their arms.
		Because I want to be in regular clothes myself.
	4–5 y.o.	Because then I don’t have to take everything off for a long time.
		Because you can play with a friend using figurines.
		Because you can put the figurine down yourself, but with a person, you have to ask

показателями зрительно-пространственной рабочей памяти, а выбор ролевой — с более низкими. Учитывая данный результат, при последующем построении GLM с целью более подробного анализа эффекта предпочитаемого вида игрушек на развитие регуляторных функций, в качестве зависимой переменной была включена только зрительно-пространственная рабочая память.

Наконец, GLM («Зрительно-пространственная рабочая память» ~ 1 + Пол + Возраст + «Предпочитаемый вид игрушек») была построена, чтобы выявить, какой эффект на развитие зрительно-пространственной памяти оказывает вид предпочитаемых ребенком игрушек при контроле возраста и пола. Вывод о пригодности модели был сделан с опорой на показатели теста ANOVA Omnibus ($SS = 10113,15$; $df = 4$; $F = 5,42$; $p < 0,01$, $\eta^2 p = 0,011$; $R\text{-squared} = 0,11$). Модель указывает, что результат, полученный ребенком при оценке зрительно-пространственной памяти, статистически значимо объясняется возрастом ($F(1,174) = 11,87$; $\eta^2 p = 0,07$; $p < 0,01$) и видом предпочитаемых игрушек ($F(1,174) = 4,70$; $\eta^2 p = 0,03$; $p = 0,032$). Основной результат заключается в том, что даже при контроле возраста вид предпочитаемых ребенком игрушек оказывает значимый эффект на зрительно-пространственную память. Вне зависимости от возраста дети, выбравшие игрушки для режиссерской игры, продемонстрировали более высокие результаты в тесте на удержание новой зрительно-пространственной информации в рабочей памяти, чем сверстники, предпочитающие наборы для ролевой игры. При этом с возрастом данный эффект становится более выраженным (Рисунок 3).

Обсуждение

Исследовательское сообщество признает развивающий потенциал игры в контексте психического развития детей дошкольного возраста. При этом разнообразие форм игры настолько велико, что существующие классификации оказываются слабо сопоставимы друг с другом. В то же время в качестве критериев для выделения видов игры нередко используются такие ее второстепенные характеристики, как количество участников (например, одиночная или совместная игра), используемые игровые материалы (например, блочная или исследовательская игра) или тип взаимодействия (например, параллельная или соревновательная игра). Сопоставление подобных типов игры не позволяет в полной мере подсветить те аспекты игрового опыта, которые в действительности важны для психического раз-

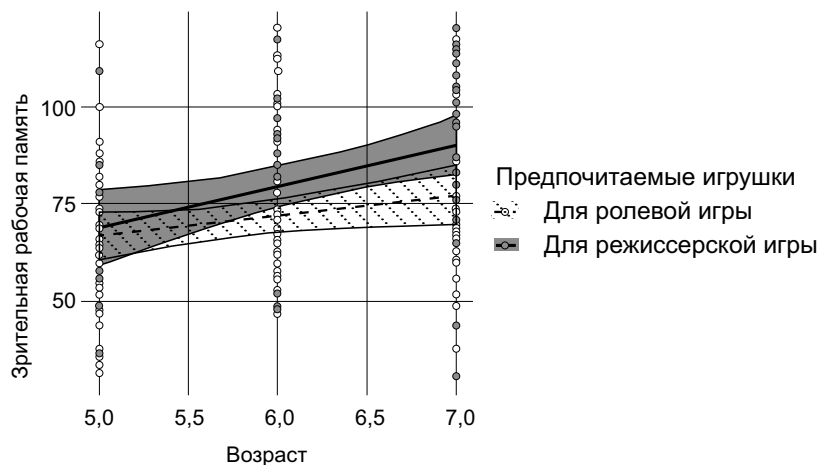

Рисунок 3

Эффект предпочитаемого вида игрушек на зрительно-пространственную рабочую память детей в возрасте от 4 до 7 лет при контроле пола и возраста

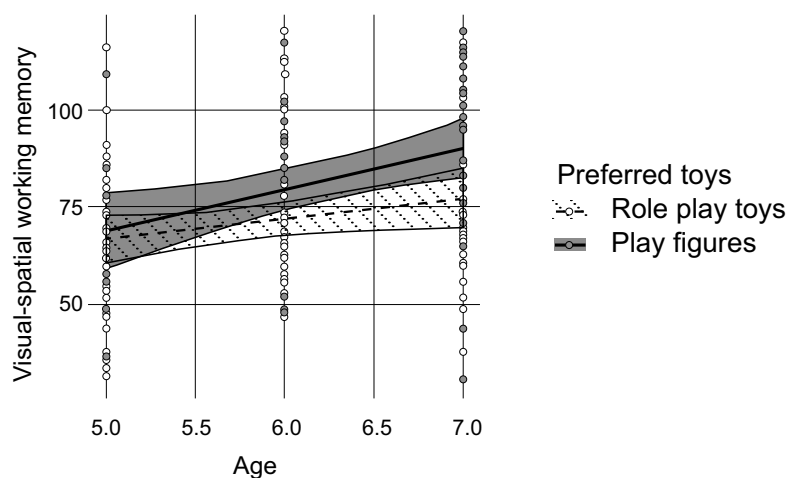

Figure 3

The effect of the preferred toys on the visual-spatial working memory of children aged 4 to 7 years when controlling for gender and age

вития и, в частности, регуляторных функций. Более важными в этом смысле являются структура, содержание игры и мотивы, которые вызывают ее к жизни. Однако исследований, дифференцирующих подобные аспекты игры, практически не проводится. Эта работа была посвящена прояснению предпочтений детей в выборе между наборами для ролевой и режиссерской игры в зависимости от их возраста (охватывая возрастные группы от 4 до 7 лет) и оценке потенциального влияния предпочитаемого вида игрушек на развитие регуляторных функций.

Первой целью исследования было изучение предпочтений детей в выборе наборов для ролевой и режиссерской игры в зависимости от их возраста, охватывая возрастные дошкольные группы от 4 до 7 лет (4–5 лет, 5–6 лет и 6–7 лет). Предполагалось, что дети из младших возрастных групп будут чаще отдавать предпочтение ролевой игре и выбирать соответствующие игрушки, а дети из старших групп — режиссерской. Ролевая игра является более простой и доступной для младших детей с точки зрения системы взаимоотношений и позиции ребенка в игре. Это предположение нашло статистическое подтверждение. Действительно, согласно полученным данным, младшие дети значимо чаще выбирали набор для ролевой игры, а старшие — для режиссерской. Обращение к устному обоснованию выбора детьми ролевой или режиссерской игры позволило получить фактологически насыщенное представление о мотивации игры дошкольников различных возрастных групп. Итак, выбор ролевой игры детьми в возрасте 4–5 лет нередко был связан с ощущением «всамделишности» происходящего, возникающим при идентификации с ролью доктора (например, «Потому что так по-настоящему можно быть доктором»). В возрасте 5–6 лет выбор ролевой игры объяснялся возможностью непосредственного выполнения игровых действий (например, «Люблю сама уколы делать») и возможностью идентификации со взрослым (например, «Потому что, когда ты переоденешься в доктора, ты будешь именно похож на доктора»). В возрасте 6–7 лет при выборе ролевой игры дети не имели непосредственного желания в нее играть, а делали выбор скорее «от противного» (например, «Потому что я не люблю играть в игрушки»). Обоснования выбора в пользу режиссерской игры оказались общими для всех возрастных групп, разбиваясь на несколько категорий. Первая по частоте упоминания категория ответов связана с возможностью играть с фигурками в одиночку, не будучи зависимым от партнера (например, «Потому что можно фигурки взять и играть, а с самим собой нельзя играть в доктора»).

Вторая по частоте категория ответов была связана с нежеланием переодеваться или отсутствием смысла в переодевании (например, «Потому что там надо долго одеваться, а тут просто играть»). Третья по частоте упоминания категория ответов связана с привлекательностью позиции наблюдателя и нежеланием быть задействованным в игру физически (например, «Потому что с фигурками можно только руками двигать»). Дополнительно стоит отметить, что одним из острых и определяющих вопросов при выборе вида игры становятся отношения с партнером по игре. Нередко дети сообщали, что им хочется выполнять ролевые действия (например, ставить уколы, измерять температуру и давать таблетки), но не получается найти партнера по игре, который бы исполнял роль пациента. Режиссерская же игра не только позволяет самостоятельно удовлетворять игровую мотивацию, исполняя роли от лица сразу нескольких фигурок (например, «Потому что фигурку можно самому положить, а человека просить надо»), но и предоставляет возможность играть с другими детьми без явного разделения на интересные и неинтересные роли.

Вторая цель исследования заключалась в том, чтобы оценить потенциальный эффект предпочтения ребенком ролевой или режиссерской игры (на основе выбранного вида набора игрушек) на развитие основных компонентов регуляторных функций. Предполагалось, что множественная позиционность, более сложная система взаимодействия, более широкое разнообразие содержания и сюжетов в режиссерской игре, как и использование в ней большего количества игровых материалов, положительно отражаются на развитии когнитивной гибкости и рабочей памяти. Это предположение получило частичное подтверждение. Зрительно-пространственная рабочая память оказалась хотя и слабо, но значимо связана с предпочтением ребенком определенного вида игрушек. А именно, вне зависимости от пола и возраста, дети, выбравшие набор для режиссерской игры, удерживали в сознании больше незнакомой зрительно-пространственной информации в рабочей памяти по сравнению со сверстниками, выбирающими ролевую игру. Следуя теории игры, разработанной в рамках культурно-исторического подхода, мы склонны объяснять выявленное различие особенностями системы взаимоотношений и позиции ребенка в ролевой и режиссерской игре. Зрительно-пространственная память в режиссерской игре постоянно и активно задействована, обеспечивая ориентацию одновременно в ролях, игровом пространстве и предметах-заместителях. В отношении слухоречевой рабочей памяти значимых различий не было выявлено,

что может объясняться последовательностью итераций вербального взаимодействия: нагрузка на слухоречевую рабочую память в обоих видах игр не предполагает одновременного удержания нескольких линий вербальной информации, поскольку реплики в основном следуют друг за другом. Неожиданным результатом явилось отсутствие различий в когнитивной гибкости в зависимости от выбранного набора игрушек, хотя в ролевой игре ребенок занимает только одну позицию, помимо реальной позиции играющего, а в режиссерской он постоянно переключается между позициями взятых на себя ролей и позицией играющего.

С теоретической точки зрения полученные результаты подтверждают целесообразность разделения ролевой и режиссерской игры в исследовательских целях, что недостаточно часто практикуется в современной научно-исследовательской практике (Веракса и др., 2020b; Veraksa et al., 2022b; White, Carlson, 2021). Наличие значимых различий в развитии зрительно-пространственной рабочей памяти указывает на то, что игровой опыт в ролевой и режиссерской игре действительно различается. Согласно данным исследования, большинство детей самостоятельно выбирают режиссерскую игру к подготовительному дошкольному возрасту. Остальные 41 % детей в возрасте 6–7 лет выбрали наборы для ролевой игры, объясняя свой выбор, в частности, отсутствием интереса к игре с игрушками или нежеланием играть в одиночку. В таком случае разыгрывание роли может занимать практически всю игру, ограничивая опыт многопозиционного взаимодействия, а также не предполагает удержания в памяти большого количества значений, придаваемых игрушкам. Этот момент заслуживает внимания, поскольку по мере взросления разрыв в показателях зрительно-пространственной памяти в зависимости от предпочитаемого набора игрушек увеличивается (Рисунок 3), что может снижать дальнейшие социальные и академические результаты детей (Willoughby et al., 2021; Spiegel et al., 2021). Иначе говоря, согласно полученным данным, чем в более старшем возрасте ребенок предпочитает ролевую игру, тем, вероятнее всего, будет ниже объем запоминаемой им незнакомой зрительно-пространственной информации по сравнению со сверстниками.

Означает ли вышесказанное, что в практике воспитания и обучения детей необходимо прямо способствовать переходу от ролевой к режиссерской игре, поскольку последняя более полезна? Нет, ролевую игру не следует ограничивать. Прежде всего потому, что развитие игровой деятельности является стадийным процессом, где переход

на более сложный уровень возможен только при сформированных умениях предыдущего уровня (Эльконин, 1978; Славина, 1948). Кроме того, объединяя в себе все остальные стороны игры, роль является ее центральным моментом — единицей игры (Эльконин, 1966). Поэтому, если у ребенка есть интерес к ролевой игре, нужно его поддерживать, стимулируя движение к развернутой и зрелой форме игры. Приобретаемое в ролевой игре понимание отношений, задач и смыслов деятельности человека затем будет использоваться в разворачивании игры более высокого уровня (Смирнова, 2014). Характерным объяснением желания играть именно в ролевую игру стало высказывание мальчика 4,5 лет (участника описываемого исследования): «Так ты сам понимаешь значение “больница”». Адекватной мерой вмешательства является совместная игра, в которой, следуя за инициативой и интересом ребенка, взрослый помогает реализовать замысел, разнообразить сюжет, включает новые роли, способствует длительности и содержательности ролевых диалогов (Veraksa et al., 2022a).

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что разделение ролевой и режиссерской игры оправдано для исследовательских целей, поскольку при контроле побочных факторов предпочитаемый вид игрушек ассоциируется со зрительно-пространственной памятью у детей дошкольного возраста. Интерес к набору для режиссерской игры связан с большим объемом новой зрительно-пространственной информации, которую ребенок способен удерживать в сознании. Этот эффект сохраняет свою значимость при контроле пола и возраста. Таким образом, развивающий потенциал режиссерской игры можно рассматривать как более высокий для улучшения зрительно-пространственной памяти по сравнению с потенциалом ролевой игры.

Ограничения / Перспективы

Описанное исследование имеет ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации полученных результатов. Среди основных ограничений следует отметить, что, во-первых, ввиду кросс-секционного характера данных результаты исследования не позволяют делать выводы о причинно-следственных связях. Во-вторых, предпочтение игрушек для ролевой и режиссерской игры

производилось с помощью одной пробы в лабораторных условиях. В то время как более валидным методом оценки предпочитаемого вида игры было бы наблюдение за детьми в естественных условиях (например, во время игры на площадке или в группе детского сада). Также для повышения надежности данных о предпочитаемом виде игрушек было бы полезно провести несколько проб с дальнейшей проверкой согласованности выборов.

Список литературы

Веракса, А.Н., Алмазова, О.В., Бухаленкова, Д.А. (2020а). Диагностика регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте: батарея методик. *Психологический журнал*, 41(6), 108–118.

Веракса, А.Н., Глотова, Г.А., Нечаева, Д.М., Сухих, В.Л. (2023). Игровой мир взрослых и детей: опыт применения игровой технологии Г. Линдквист в российских детских садах. *Перспективы науки и образования*, (6), 332–346. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.6.19>

Веракса, Н.Е., Вересов, Н.Н., Веракса, А.Н., Сухих, В.Л. (2020b). Современные проблемы детской игры: культурно-исторический контекст. *Культурно-историческая психология*, 16(3), 60–70. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160307>

Выготский, Л.С. (1966). Игра и ее роль в психическом развитии ребенка. *Вопросы психологии*, (6), 62–68.

Леонтьев, А.Н. (1996). Психологические основы дошкольной игры. *Психологическая наука и образование*, 1(3), 19–31.

Рябкова, И.А., Шеина, Е.Г. (2023). Об игре ребенка и актера: к вопросу о «превращениях» переживания. *Национальный психологический журнал*, 18(3), 137–146. <https://doi.org/10.11621/nprj.2023.0313>

Славина, Л.С. (1948). О развитии мотивов игровой деятельности в дошкольном возрасте. *Известия Академии педагогических наук РСФСР*, (14), 11–29.

Смирнова, Е.О. (2011) Сюжетная игра как фактор становления межличностных отношений дошкольников. *Культурно-историческая психология*, 7(4), 2–8.

Смирнова, Е.О. (2014). Типология игры в зарубежной и отечественной психологии. *Современная зарубежная психология*, 3(4), 5–17.

Смирнова, Е.О., Рябкова, И.А. (2010). Структура и варианты сюжетной игры дошкольника. *Психологическая наука и образование*, 15(3), 62–70.

Сухих, В.Л., Веракса, Н.Е., Гаврилова, М.Н. (2023). Какие игрушки нужны дошкольникам? Результаты эмпирических исследований и теоретические основания для оценки развивающего потенциала игрушек. *Вопросы психологии*, 69(1), 75–91.

Эльконин, Д.Б. (1966). Основные вопросы теории детской игры. В кн.: Психология и педагогика игры дошкольника: материалы симпозиума. Под ред. А.В. Запорожца, А.П. Усовой. Москва: Изд-во «Просвещение».

Эльконин, Д.Б. (1978). Психология игры. Москва: Изд-во «Педагогика».

Bodrova, E., Leong, D.J. (2008). Developing self-regulation in kindergarten. *Young Children*, 63(2), 56–58.

Diamond, A., Ling, D.S. (2016). Conclusions about interventions, programs, and approaches for improving executive functions that appear justified and those that, despite much hype, do not. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 18, 34–48.

Fleer, M. (2022). How conceptual play worlds create different conditions for children's development across varying cultural age periods — a programmatic study overview. *New Ideas in Child and Educational Psychology*, 1–2(2), 3–29. <https://doi.org/10.11621/nicep.2022.0201>

Gavrilova, M.N., Sukhikh, V.L., Veresov, N.N. (2023). Toy preferences among 3-to-4-year-old children: The impact of socio-demographic factors and developmental characteristics. *Psychology in Russia: State of the Art*, 16(2), 72–84. <https://doi.org/10.11621/pir.2023.0206>

Korkman, M., Kirk, U., Kemp, S. (2007). Nepsy-II: Administrative manual (2nd ed.). Champaign: Harcourt Assessment Publ.

Miyake, A., Friedman, N.P., Emerson, M.J., Witzki, A.H., Howerter, A., Wager, T.D. (2000). The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*, 41(1), 49–100.

Spiegel, J.A., Goodrich, J.M., Morris, B.M., Osborne, C.M., Lonigan, C.J. (2021). Relations between executive functions and academic outcomes in elementary school children: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 147(4), 329–351. <https://doi.org/10.1037/bul0000322>

Sukhikh, V.L., Veresov, N.N., Veraksa, N.E. (2022). Dramatic perezhivanie as a driver of executive functions development through role-play in early childhood: Theoretical framework and experimental evidence. *Frontiers in Psychology*, 13, 1057209. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1057209>

Veraksa, A.N., Gavrilova, M.N., Bukhalenkova, D.A., Almazova, O., Veraksa, N.E., Colliver, Y. (2021). Does Batman™ affect EF because he is benevolent or skilful? The effect of different pretend roles on pre-schoolers' executive functions. *Early Child Development and Care*, 191(10), 1567–1576.

Veraksa, A.N., Sukhikh, V.L., Veresov, N.N., Almazova, O.V. (2022a). Which play is better? Different play types and development of executive functions in early childhood. *International Journal of Early Years Education*, 30(3), 560–576. <https://doi.org/10.1080/09669760.2022.2091979>

Veraksa, A.N., Veresov, N.N., Sukhikh, V.L., Gavrilova, M.N., Plotnikova, V.A. (2023). Play to foster children's executive function skills: Exploring short- and long-term effects of digital and traditional types of play. *International Journal of Early Childhood*, 56(3), 687–709. <https://doi.org/10.1007/s13158-023-00377-8>

Veraksa, N.E., Veresov, N.N., Sukhikh, V.L. (2022b). The play matrix: A tool for assessing role-play in early childhood. *International Journal of Early Years Education*, 30(4), 1–18. <https://doi.org/10.1080/09669760.2022.2025582>

Veresov, N.N. (2006). Leading activity in developmental psychology: Concept and principle. *Journal of Russian and East European Psychology*, 44(5), 7–25. <https://doi.org/10.2753/rpo1061-0405440501>

Veresov, N.N., Kewalramani, S., Ma, J. (2024). The development of executive functions in play contexts. In: J. Agbenyega, M. Hammer, N.N. Veresov, (eds.). *Child development within contexts: Cultural-historical research and educational practice*. (pp. 83–102). Singapore: Springer Nature Publ. https://doi.org/10.1007/978-981-97-0692-1_5

Walker, S., Fleeer, M., Veresov, N., Duhn, I. (2020). Enhancing executive function through imaginary play: A promising new practice principle. *Australasian Journal of Early Childhood*, 45(2), 114–126.

White, R.E., Carlson, S.M. (2021). Pretending with realistic and fantastical stories facilitates executive function in 3-year-old children. *Journal of Experimental Child Psychology*, 207, 105090. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2021.105090>

Willoughby, M., Hudson, K., Hong, Y., Wylie, A. (2021). Improvements in motor-competence skills are associated with improvements in executive function and math problem-solving skills in early childhood. *Developmental Psychology*, 57(9), 1463–1470. <https://doi.org/10.1037/dev0001223>

Zelazo, P.D. (2006). The Dimensional Change Card Sort (DCCS): A method of assessing executive function in children. *Nature Protocols*, 1(1), 297–301.

References

Bodrova, E., Leong, D.J. (2008). Developing self-regulation in kindergarten. *Young Children*, 63(2), 56–58.

Diamond, A., Ling, D.S. (2016). Conclusions about interventions, programs, and approaches for improving executive functions that appear justified and those that, despite much hype, do not. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 18, 34–48.

El'konin, D.B. (1966). The main questions of the theory of children's play. In: A.V. Zaporozhets, A.P. Usova, (eds.). *Psychology and pedagogy of preschool children's play: materials of the symposium*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.)

El'konin, D.B. (1978). *Psychology of the game*. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)

Fleeer, M. (2022). How conceptual play worlds create different conditions for children's development across varying cultural age periods — a programmatic study overview. *New Ideas in Child and Educational Psychology*, 1–2(2), 3–29. <https://doi.org/10.11621/nicep.2022.0201>

Gavrilova, M.N., Sukhikh, V.L., Veresov, N.N. (2023). Toy preferences among 3-to-4-year-old children: The impact of socio-demographic factors and developmental characteristics. *Psychology in Russia: State of the Art*, 16(2), 72–84. <https://doi.org/10.11621/pir.2023.0206>

Korkman, M., Kirk, U., Kemp, S. (2007). *Nepsy-II: Administrative manual* (2nd ed.). Champaign: Harcourt Assessment Publ.

Miyake, A., Friedman, N.P., Emerson, M.J., Witzki, A.H., Howerter, A., Wager, T.D. (2000). The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*, 41(1), 49–100.

Leont'ev, A.N. (1996). The psychological foundations of preschool play. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 1(3), 19–31. (In Russ.)

Ryabkova, I.A., Sheina, E.G. (2023). On the play of a child and an actor: to the question of the transformations in experience. *National Psychological Journal*, 18(3), 137–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0313>

Slavina, L.S. (1948). On the development of motives for play activities in pre-school age. *Izvestiya Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR = News of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR*, (14), 11–29. (In Russ.)

Smirnova, E.O. (2011). The story game as a factor in the formation of interpersonal relations of preschool children. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 7(4), 2–8.

Smirnova, E.O. (2014). The typology of the game in foreign and domestic psychology. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 3(4), 5–17. (In Russ.)

Smirnova, E.O., Ryabkova, I.A. (2010). The structure and variants of a pre-schooler's story game. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 15(3), 62–70. (In Russ.)

Spiegel, J.A., Goodrich, J.M., Morris, B.M., Osborne, C.M., Lonigan, C.J. (2021). Relations between executive functions and academic outcomes in elementary school children: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 147(4), 329–351. <https://doi.org/10.1037/bul0000322>

Sukhikh, V.L., Veraksa, N.E., Gavrilova, M.N. (2023). What toys do preschoolers need? The results of empirical research and theoretical foundations for assessing the developmental potential of toys. *Voprosy psikhologii*, 69(1), 75–91. (In Russ.)

Sukhikh, V.L., Veresov, N.N., Veraksa, N.E. (2022). Dramatic perezhivanie as a driver of executive functions development through role-play in early childhood: Theoretical framework and experimental evidence. *Frontiers in Psychology*, 13, 1057209. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1057209>

Veraksa, A.N., Almazova, O.V., Bukhalenkova, D.A. (2020a). Diagnostics of regulatory functions in the older preschool age: a battery of techniques. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 41(6), 108–118.

Veraksa, A.N., Gavrilova, M.N., Bukhalenkova, D.A., Almazova, O., Veraksa, N.E., Colliver, Y. (2021). Does Batman™ affect EF because he is benevolent or skilful? The effect of different pretend roles on pre-schoolers' executive functions. *Early Child Development and Care*, 191(10), 1567–1576.

Veraksa, A.N., Glotova, G.A., Nechaeva, D.M., Sukhikh, V.L. (2023). The game world of adults and children: the experience of using G. Lindqvist's game technology in Russian kindergartens. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects of Science and Education*, (6), 332–346. (In Russ.). <https://doi.org/10.32744/pse.2023.6.19>

Veraksa, A.N., Sukhikh, V.L., Veresov, N.N., Almazova, O.V. (2022a). Which play is better? Different play types and development of executive functions in early childhood. *International Journal of Early Years Education*, 30(3), 560–576. <https://doi.org/10.1080/09669760.2022.2091979>

Veraksa, A.N., Veresov, N.N., Sukhikh, V.L., Gavrilova, M.N., Plotnikova, V.A. (2023). Play to foster children's executive function skills: Exploring short- and long-term effects of digital and traditional types of play. *International Journal of Early Childhood*, 56(3), 687–709. <https://doi.org/10.1007/s13158-023-00377-8>

Veraksa, N.E., Veresov, N.N., Sukhikh, V.L. (2022b). The play matrix: A tool for assessing role-play in early childhood. *International Journal of Early Years Education*, 30(4), 1–18. <https://doi.org/10.1080/09669760.2022.2025582>

Veraksa, N.E., Veresov, N.N., Veraksa, A.N., Sukhikh, V.L. (2020b). Modern problems of children's play: cultural and historical context. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 16(3), 60–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2020160307>

Veresov, N.N. (2006). Leading activity in developmental psychology: Concept and principle. *Journal of Russian and East European Psychology*, 44(5), 7–25. <https://doi.org/10.2753/rpo1061-0405440501>

Veresov, N.N., Kewalramani, S., Ma, J. (2024). The development of executive functions in play contexts. In: J. Agbenyega, M. Hammer, N.N. Veresov, (eds.). *Child development within contexts: Cultural-historical research and educational practice* (pp. 83–102). Singapore: Springer Nature Publ. https://doi.org/10.1007/978-981-97-0692-1_5

Vygotskii, L.S. (1966). The development of play in childhood. *Voprosy psikhologii*, (6), 62–68. (In Russ.)

Walker, S., Fleer, M., Veresov, N., Duhn, I. (2020). Enhancing executive function through imaginary play: A promising new practice principle. *Australasian Journal of Early Childhood*, 45(2), 114–126.

White, R.E., Carlson, S.M. (2021). Pretending with realistic and fantastical stories facilitates executive function in 3-year-old children. *Journal of Experimental Child Psychology*, 207, 105090. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2021.105090>

Willoughby, M., Hudson, K., Hong, Y., Wylie, A. (2021). Improvements in motor competence skills are associated with improvements in executive function and math problem-solving skills in early childhood. *Developmental Psychology*, 57(9), 1463–1470. <https://doi.org/10.1037/dev0001223>

Zelazo, P.D. (2006). The Dimensional Change Card Sort (DCCS): A method of assessing executive function in children. *Nature Protocols*, 1(1), 297–301.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маргарита Николаевна Гаврилова, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, gavrilovamrg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8458-5266>

Ирина Увадовна Сурилова, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломо-

носова, Москва, Российская Федерация, irina.surilova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3481-0696>

Вера Леонидовна Сухих, младший научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, sukhikhvera@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5036-5743>

ABOUT THE AUTHORS

Margarita N. Gavrilova, Cand. Sci. (Psychol.), Junior Researcher at the Department of Psychology of Education and Pedagogy, the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, gavrilovamrg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8458-5266>

Irina U. Surilova, Cand. Sci. (Psychol.), Junior Researcher at the Department of Psychology of Education and Pedagogy, the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, irina.surilova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3481-0696>

Vera L. Sukhikh, Junior Researcher at the Department of Psychology of Education and Pedagogy, the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, sukhikhvera@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5036-5743>

Поступила 25.03.2025. Получена после доработки 27.04.2025. Принята в печать 30.04.2025.

Received 25.03.2025. Revised 27.04.2025. Accepted 30.04.2025.

МЕТОДИКА / METHODS

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-16>
УДК/UDC 159.9, 159.9.072.5

Психометрический анализ русскоязычной версии опросника «The Displaced Aggression Questionnaire» (Опросник смещенной агрессии)

Э.В. Колыванова , С.Н. Ениколопов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

 kolyvanovaelina@gmail.com

Резюме

Актуальность. В современном мире частым явлением является смещенная агрессия, при которой человек, не имея возможности ответить напрямую своему обидчику, срывается на других людях. Методика «Displaced aggression questionnaire» была представлена как первая методика, позволяющая оценить индивидуальные различия в выраженности смещенной агрессии.

Цель. В ходе исследования проводится адаптация опросника, предназначенного для измерения склонности к смещенной агрессии.

Выборка. В исследовании приняли участие 364 респондента в возрасте от 18 до 69 лет ($M_{\text{возраст}} = 22$ года; $SD = 12,2$; 243 женщины).

Методы. В исследовании используются три опросника: адаптируемая методика «Displaced aggression questionnaire», опросник «BPAQ-24», позволяющий измерить три черты (гнев, враждебность и физическую агрессию), и методика «Опросник мстительности и прощения», предназначенная для выявления индивидуальных различий в выраженности мстительности и прощения. Для проверки психометрических свойств адаптируемого опросника используется конфирматорный факторный анализ, корреляционный анализ, коэффициент α Кронбаха, t -критерий Стьюдента.

Результаты. Русскоязычная версия «Опросника смещенной агрессии» включает три шкалы. Шкалы «гневное мышление» (α Кронбаха = 0,884) и «смещенная агрессия» (α Кронбаха = 0,909) имеют сходную с оригинальной версией опросника структуру, включают по 10 пунктов. Шкала «планирование мести» имеет модифицированную структуру, которая включает 6 пунктов (α Кронбаха = 0,876). Корреляционный анализ выявил значимые положительные связи смещенной агрессии с гневом и враждебностью. Вы-

явлены половые различия: женщины в большей степени склонны к гневному мышлению и смещенной агрессии, мужчины — к планированию мести.

Выводы. Психометрический анализ подтвердил надежность-согласованность, валидность и надежность-устойчивость «Опросника смещенной агрессии», что позволяет рекомендовать адаптируемую методику в качестве инструмента для диагностики смещенной агрессии, гневного мышления и планирования мести.

Ключевые слова: месть, планирование мести, агрессия, смещенная агрессия, гневное мышление, Displaced Aggression Questionnaire, Опросник смещенной агрессии

Для цитирования: Колыванова, Э.В., Ениколопов, С.Н. (2025). Психометрический анализ русскоязычной версии опросника «The Displaced Aggression Questionnaire» (Опросник смещенной агрессии). *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 158–187. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-16>

Psychometric Analysis of the Russian Version of “The Displaced Aggression Questionnaire”

Elina V. Kolyvanova ✉, Sergei N. Enikolopov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ kolyvanovaelina@gmail.com

Abstract

Background. Displaced aggression is currently a common occurrence when a person is not able to respond directly to the offender, loosing temper at other uninvolved people. The Displaced Aggression Questionnaire was introduced as the first technique to assess differences in the severity of displaced aggression.

Objective. The study is aimed at adapting a questionnaire designed to measure the tendency towards displaced aggression.

Study Participants. The study involved 364 respondents aged from 18 to 69 years ($M_{age} = 22$; $SD = 12.2$; 243 women).

Methods. Three questionnaires were used: the “Displaced Aggression Questionnaire” being adapted, the “BPAQ-24” questionnaire, which allows to measure three traits (anger, hostility, and physical aggression), and the “Vengeance and Forgiveness Questionnaire” (“The Vengeance scale”) intended to measure characteristics of vengeance and forgiveness. For the psychometric properties of the adapted questionnaire, confirmatory factor analysis, correlation analysis, Cronbach’s α coefficient, and Student’s t -test are used.

Results. The Russian version of the Displaced Aggression Questionnaire includes three subscales. The scales "angry rumination" (Cronbach's $\alpha = 0.884$) and "displaced aggression" (Cronbach's $\alpha = 0.909$) have a structure, similar to the original structure of the questionnaire and include 10 items each. The "revenge planning" scale has a modified structure, including 6 items (Cronbach's $\alpha = 0.876$). Correlation analysis revealed significant positive relationships of displaced aggression with anger and hostility. Gender differences were revealed: women are more prone to angry rumination and displaced aggression, while men are more prone to revenge planning.

Conclusions. Psychometric analysis supports the reliability-consistency and validity of the Russian version of the "Displaced Aggression Questionnaire". The instrument is recommended for application as a diagnostic tool for displaced aggression, angry rumination and revenge planning.

Keywords: revenge, revenge planning, aggression, displaced aggression, angry rumination, Displaced Aggression Questionnaire

For citation: Kolyvanova, E.V., Enikolopov, S.N. (2025). Psychometric analysis of the Russian version of "The Displaced Aggression Questionnaire". *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 158–187. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-16>

Введение

Понятие агрессии не имеет общепринятого определения, что обуславливается использованием данного термина многими отраслями науки, в том числе психологией, социологией, юриспруденцией и другими. В обычной жизни термином «агрессия» называют различные формы поведения: от оскорблений до самоубийства. В научной среде попытки создать строгую дефиницию агрессии сводятся к учету намерения причинить ущерб и актуального причинения вреда не желающему подобного обращения человеку (Бэрон, Ричардсон, 1999, с. 28). Современные исследования все больше акцентируют внимание на том, что агрессия представляет собой мотивированное внешнее действие, причиняющее страдания людям и нарушающее нормы их сосуществования (Ениколопов и др., 2014).

В литературе представлено большое количество классификаций форм агрессивного поведения. Одна из наиболее развернутых принадлежит А. Бассу (Buss, 1961). Согласно его идеям, агрессивное поведение можно описать с помощью трех измерений: физическое/

вербальное, активное/пассивное и прямое/непрямое. Их различные комбинации позволяют охарактеризовать восемь категорий агрессивного поведения. Другая дихотомическая классификация утверждает существование двух типов агрессивного поведения — враждебной агрессии и инструментальной агрессии (Buss, 1961, 1971). Враждебная агрессия предполагает наличие цели причинить страдание жертве. Термин «инструментальная агрессия» применяется в тех случаях, когда агрессор совершает агрессивный акт, преследуя цели, отличные от непосредственного причинения вреда другому человеку. Данная концепция разделяется не всеми авторами. Например, Д. Зильманн предлагает разделение агрессивных актов на «агрессию, обусловленную раздражителем» и «агрессию, обусловленную побуждением» (Zillmann, 1979). Первый тип агрессивного поведения применим к ситуациям, когда агрессор стремится ослабить последствия неприятной ситуации. Второй тип относится к ситуациям, когда агрессивное действие осуществляется с целью достичь внешних преимуществ.

Агрессивное поведение осуществляется человеком в ситуациях социального взаимодействия (Бэрон, Ричардсон, 1999). Акт агрессии происходит при непосредственном или косвенном участии как минимум двух субъектов, так как наиболее важные детерминанты агрессии открываются в действиях, словах или присутствии другого человека (Latane, Richardson, 1993). Кроме того, акт агрессии совершается с целью причинить вред другому (Бэрон, Ричардсон, 1999). Не исключая из внимания факты влияния несоциальных причин возникновения агрессивного поведения, тем не менее авторы утверждают важность социальной ситуации. Ситуация может содержать разные источники человеческой агрессии, сводимые к термину «фрустрация» (Бэрон, Ричардсон, 1999). Теория фрустрации-агрессии, разработанная Дж. Доллардом и коллегами (Dollard et al., 1939), получила широкое распространение. Согласно этой теории, фрустрация всегда влечет за собой агрессию, что, однако, опровергается многими исследователями (Berkowitz, 1989; Geen, O'Neal, 1969; Бэрон, Ричардсон, 1999). Н. Миллер ввел уточнение, что фрустрация вызывает различные формы поведения, одной из которых может быть агрессия (Miller, 1941). Сила агрессивных действий, по предположению Долларда и соавторов, может варьировать в зависимости от очереди следующих друг за другом фрустраций. Из этого следует, что влияние фрустрационных ситуаций не проходит сразу, а действует в течение некоторого времени.

С учетом того, что фрустрация не всегда влечет за собой агрессию, Дж. Доллардом было выдвинуто предположение, что существуют факторы, которые тормозят возникновение агрессивной реакции. Степень замедления акта агрессии, по мнению авторов, связана с угрозой наказания (Бэрон, Ричардсон, 1999), однако побуждение к агрессии не исчезает. В связи с этим возникают феномены смещения агрессии. Н. Миллер (Miller, 1941) объясняет выбор жертвы смещенной агрессии тремя факторами: 1) силой агрессивного побуждения; 2) силой тормозящих факторов и 3) сходством потенциальной жертвы с фрустрационным фактором. Согласно его теории, от непосредственного агрессивного акта человека может удерживать сильный страх наказания, однако свои агрессивные побуждения он направит на объект, схожий с изначальным фрустратором, но к которому не применяются сдерживающие силы.

В 2006 г. Т. Денсон, В. Педерсен и Н. Миллер представили опросник «The Displaced Aggression Questionnaire», который позиционировали как первую самоотчетную методику, предназначенную для выявления индивидуальных особенностей в проявлении смещенной агрессии (Denson et al., 2006). Опросник включает три шкалы, которые соответствуют трем характеристикам индивида.

Аффективная сфера. После столкновения с провокационной ситуацией и перед непосредственным осуществлением агрессивного акта, человек прибегает к ряду стратегий регуляции эмоций (Denson et al., 2006). Авторы оригинального опросника выдвигают предположение, что люди с высокой склонностью к проявлению смещенной агрессии концентрируются на размышлениях о фрустрационном событии. Шкала, соответствующая данному измерению, носит название «гневное мышление» (anger rumination) и отражает тенденцию к фокусированию на чувстве гнева после провокации. Шкала включает 10 утверждений по типу «Я долгое время продолжаю думать о событиях, которые меня разозлили».

Когнитивная сфера. Исследования показывают, что размышления, направленные на провокационную ситуацию, способствуют усилению гнева и агрессии в большей степени, чем размышления относительно собственного самочувствия (Pedersen et al., 2011). По мнению авторов оригинального опросника, размышления, следующие после провокации со стороны другого, будут сосредоточены на выстраивании плана мести. Шкала «планирование мести» фиксирует тенденцию затаивать обиду на виновника. Шкала включает

11 утверждений по типу «Когда кто-то злит меня, я не могу перестать думать о том, как отомстить этому человеку».

Поведенческая сфера. Шкала «смещенная агрессия» отражает непосредственную тенденцию к агрессивному поведению, относящемуся к лицам, не являющимся виновниками изначальной провокации. Шкала включает 10 утверждений по типу «Когда кто-то или что-то злит меня, я, скорее всего, отыграюсь на другом человеке».

По предположению авторов, смещенная агрессия возникает вследствие предварительного размышления над провокацией, явившейся причиной агрессивного побуждения. Так как чувство гнева рассеивается через короткий промежуток времени, для того чтобы случился акт смещенной агрессии, агрессивное побуждение должно сохраняться, чему способствуют размышления над ситуацией. Злобные размышления поддерживают агрессивное настроение, что позволяет в дальнейшем, столкнувшись с триггером, проявить агрессивное поведение. Вероятнее всего, подобные размышления будут сосредоточены на планировании мести изначальному провокатору, однако, вследствие невозможности или отсутствия желания, человек выместит свою агрессию на другом объекте.

Методика переведена на несколько языков: испанский, японский, датский и др. (García-Sancho et al., 2016; Smeijers et al., 2021; Tanno, 2008).

Целью данной работы является адаптация опросника «The Displaced Aggression Questionnaire» на русский язык.

Выборка

В исследовании приняли участие 364 человека в возрастном диапазоне от 18 до 69 лет ($M = 22$, $SD = 12,2$), среди которых 243 женщины (66,8 %) и 121 мужчина (33,2 %). Преобладающее число респондентов имеют высшее образование (43,1 %). Наиболее часто встречаемые профили образования среди респондентов — технический (34,3 %) и гуманитарный (27,5 %). Полная характеристика выборки по профилю образования представлена в Приложении 1.

Во втором этапе исследования (ретест) приняли участие 34 человека, из которых 17 — мужчины (50 %). Возраст респондентов варьирует от 18 до 66 лет ($M = 24$, $SD = 12,5$).

Выборка набиралась с помощью сети Интернет и социальных сетей методом «снежного кома», респонденты заполняли электронные варианты методик.

Методы исследования

Респондентам предлагалось заполнить опросные методики в электронном формате. В исследовании применялся статистический анализ данных с помощью программных пакетов SPSS (v. 26 for macOS), EXEL, Jamovi (v. 2.2.5).

Респонденты заполняли русскоязычную версию методики «Опросник смещенной агрессии» (OCA) (Denson et al., 2006). Оригинальная версия опросника состоит из 31 пункта, которые распределены по трем шкалам: 10 относятся к шкале «гневное мышление», 11 — к шкале «планирование мести» и 10 — к шкале «смещенная агрессия». Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия/несогласия с пунктами опросника по 7-балльной шкале Лайкерта.

Опросник «BPAQ-24» в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского (Ениколопов, Цибульский, 2007) диагностирует три черты — «враждебность», «гнев» и «физическая агрессия». Опросник состоит из 24 пунктов, на каждую шкалу приходится 8, 7 и 9 пунктов соответственно. Респондентам предлагалось дать ответ на каждый пункт по 5-балльной шкале Лайкерта.

Методика «Опросник мстительности и прощения» (ОМП) в адаптации Э.В. Колывановой и С.Н. Ениколопова (Колыванова, Ениколопов, 2024) позволяет оценить степень выраженности мстительности и прощения. Опросник состоит из двадцати утверждений, отражающих мнение о возможности и уместности мстительных ответов на предшествующую обиду. Пункты равномерно разделены на две шкалы: «мстительность» и «прощение». Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия/несогласия с пунктами опросника по 7-балльной шкале Лайкерта.

Результаты исследования

Эксплораторный факторный анализ

Результаты анализа по критерию Кайзера — Майера — Олкина и критерию сферичности Бартлетта показали пригодность данных для проведения эксплораторного факторного анализа (Таблица 1).

Для определения факторной структуры методики ОCA был проведен эксплораторный факторный анализ с вращением oblimin, который выявил четырехфакторную структуру, где на долю четырех факторов приходится 58,007 % совокупной дисперсии. Начиная с 5-го фактора и далее факторные нагрузки не превышали 1. Анализ графика собственных значений показал, что можно сохранить первые

Таблица 1
Критерий КМО и критерий сферичности Бартлетта для методики ОСА

КМО и критерий Бартлетта		
Мера адекватности выборки Кайзера — Майера — Олкина (КМО)		0,922
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная Хи-квадрат	6302,422
	ст.св.	465
	Значимость	<0,001

Table 1
KMO and Bartlett's Test of the Russian version of the Displaced Aggression Questionnaire

KMO and Bartlett's Test		
Kaiser — Meyer — Olkin Measure of Sampling Adequacy		0,922
Bartlett's Test of Sphericity	Approx. Chi-Square	6302.422
	df	465
	Sig.	<0.001

три фактора при начальных собственных значениях, равных 9,599; 4,065; 3,021 для 1, 2 и 3-го соответственно. Первый фактор «гневное мышление» объясняет 30,965 % общей дисперсии, второй фактор «планирование мести» — 13,113 % общей дисперсии, третий фактор «смещенная агрессия» — 9,746 % общей дисперсии. Совокупный процент объясненной дисперсии равен 53,824 %. Матрица компонентов представлена в Таблице 2.

Утверждение 21 имеет низкую факторную нагрузку (меньше 0,4), поэтому было принято решение исключить данный пункт.

Конфирматорный факторный анализ «Опросника смещенной агрессии»

На основе результатов эксплораторного факторного анализа был проведен конфирматорный факторный анализ (Таблица 3). Модель, полученная на основе результатов эксплораторного факторного анализа (полная оригинальная модель), имеет неудовлетворительные индексы согласованности.

При анализе пунктов шкалы «планирование мести» были обнаружены две группы утверждений. Первая группа включает 6 пунктов по типу «когда кто-то злит меня, я не могу перестать думать о том,

Таблица 2
Факторные нагрузки пунктов методики ОСА

	Пункты*	Компоненты		
		Гневное мышление	Планирование мести	Смещенная агрессия
1	Я долгое время продолжаю думать о событиях, которые меня разозлили	-0,724		
2	Я становлюсь взвинченным, просто думая о вещах, которые расстроили меня в прошлом	-0,653		
3	Я часто ловлю себя на том, что снова и снова думаю о вещах, которые разозлили меня	-0,792		
4	Иногда я не могу не думать о моментах, когда кто-то выводил меня из себя	-0,664		
5	Всякий раз, когда я испытываю гнев, я продолжаю думать об этом еще какое-то время	-0,773		
6	После того, как спор закончился, я продолжаю спорить с этим человеком в своем воображении	-0,589		
7	Я воспроизвожу ситуацию, которая меня разозлила, в своем уме после того, как она произошла	-0,763		
8	Я злюсь на определенные вещи в моей жизни	-0,569		
9	Я думаю о некоторых событиях, произошедших давным-давно, и они до сих пор злят меня	-0,578		
10	Когда я злюсь, я склонен сосредотачиваться на своих мыслях и чувствах на долгое время	-0,674		
11	Когда кто-то злит меня, я не могу перестать думать о том, как отомстить этому человеку		0,604	
12	Если кто-то причинит мне вред, я не успокоюсь, пока не приму ответные меры		0,680	
13	Я часто мечтаю о ситуациях, в которых отыгрываюсь на людях		0,566	
14	Я бы расстроился, если бы не мог придумать способ покровиться с кем-то, кто этого заслуживает		0,761	

Пункты*	Компоненты		
	Гневное мышление	Планирование мести	Смещенная агрессия
15 Я думаю о том, как отомстить людям, которые разозлили меня, еще долгое время после того, как это произошло		0,709	
16 Если другой человек причиняет вам боль, это нормально отомстить ему или ей		0,737	
17 Чем больше времени пройдет, тем больше удовлетворения я получу от мести		0,649	
18 У меня еще долгое время после окончания конфликта живут фантазии о мести		0,726	
19 Когда кто-то обижает меня, рано или поздно я свожу счеты		0,743	
20 Если человек причиняет вам боль намеренно, вы имеете право на то, чтобы отомстить ему так, как вы захотите		0,716	
21 Я никогда не помогаю тем, кто несправедлив ко мне		0,390	
22 Когда кто-то или что-то злит меня, я, скорее всего, отыграюсь на другом человеке			-0,755
23 Когда я чувствую себя плохо, я вымещаю это на других			-0,812
24 Когда я злюсь, я вымещаю это на близких мне людях			-0,881
25 Иногда я расстраиваюсь из-за друга или члена семьи, даже если этот человек не является причиной моего гнева или разочарования			-0,404
26 Я срываю свой гнев на невинных людях			-0,890
27 Когда все идет не так, как я планирую, я вымещаю свое разочарование на первом встречном человеке			-0,777
28 Если кто-то разозлил меня, я, скорее всего, выплесну свой гнев на другого человека			-0,872
29 Я так расстраиваюсь из-за работы или учебы, что становлюсь враждебным по отношению к семье или друзьям			-0,660
30 Когда я злюсь, мне все равно, на кого я срываюсь			-0,800

Пункты*		Компоненты		
		Гневное мышление	Планирование мести	Смещенная агрессия
31	Если у меня был тяжелый день на работе или в школе, я, вероятнее всего, сделаю так, чтобы все узнали об этом			-0,435
Метод выделения факторов: метод главных компонент				
Метод вращения: облимин с нормализацией Кайзера				
Вращение сошлось за 9 итераций.				

Примечание. * — утверждения в таблице сгруппированы по факторам, им присвоена сквозная нумерация. В итоговой версии опросника, представленной в Приложении 4, пункты имеют другую последовательность.

Table 2
Factor loadings of the Displaced Aggression Questionnaire items

Items*	Component		
	Angry rumination	Revenge planning	Displaced aggression
1	I keep thinking about events that angered me for a long time		-0.724
2	I get “worked up” just thinking about things that have upset me in the past		-0.653
3	I often find myself thinking over and over about things that have made me angry		-0.792
4	Sometimes I can’t help thinking about times when someone made me mad		-0.664
5	Whenever I experience anger, I keep thinking about it for a while		-0.773
6	After an argument is over, I keep fighting with this person in my imagination		-0.589
7	I re-enact the anger episode in my mind after it has happened		-0.763
8	I feel angry about certain things in my life		-0.569
9	I think about certain events from a long time ago and they still make me angry		-0.578

	Items*	Component		
		Angry rumination	Revenge planning	Displaced aggression
10	When angry, I tend to focus on my thoughts and feelings for a long period of time	-0.674		
11	When someone makes me angry I can't stop thinking about how to get back at this person		0.604	
12	If somebody harms me, I am not at peace until I can retaliate		0.680	
13	I often daydream about situations where I'm getting my own back at people		0.566	
14	I would get frustrated if I could not think of a way to get even with someone who deserves it		0.761	
15	I think about ways of getting back at people who have made me angry long after the event has happened		0.709	
16	If another person hurts you, it's alright to get back at him or her		0.737	
17	The more time that passes, the more satisfaction I get from revenge		0.649	
18	I have long living fantasies of revenge after the conflict is over		0.726	
19	When somebody offends me, sooner or later I retaliate		0.743	
20	If a person hurts you on purpose, you deserve to get whatever revenge you can		0.716	
21	I never help those who do me wrong		0.390	
22	When someone or something makes me angry I am likely to take it out on another person			-0.755
23	When feeling bad, I take it out on others			-0.812
24	When angry, I have taken it out on people close to me			-0.881
25	Sometimes I get upset with a friend or family member even though that person is not the cause of my anger or frustration			-0.404

	Items*	Component		
		Angry rumination	Revenge planning	Displaced aggression
26	I take my anger out on innocent others			−0.890
27	When things don't go the way I plan, I take out my frustration on the first person I see			−0.777
28	If someone made me angry I would likely vent my anger on another person			−0.872
29	Sometimes I get so upset by work or school that I become hostile toward family or friends			−0.660
30	When I am angry, I don't care who I lash out at			−0.800
31	If I have had a hard day at work or school, I'm likely to make sure everyone knows about it			−0.435
Extraction Method: Principal Component Analysis				
Rotation Method: Oblimin with Kaiser Normalization				
Rotation converged in 9 iterations				

Note. * — the statements in the table are grouped by factors and assigned consecutive numbering. In the final version of the questionnaire provided in Appendix 4, the items follow a different order.

Таблица 3
Показатели КФА трех моделей методики ОСА

RMSEA 90 % CI					
CFI	TLI	RMSEA	нижний	верхний	χ^2 (df; p)
Трехфакторная полная (оригинальная) модель					
0,867	0,856	0,0739	0,0691	0,0787	1201 (402; 0,001)
Четырехфакторная модель					
0,889	0,879	0,0678	0,0629	0,0727	1066 (399; 0,001)
Трехфакторная неполная модель					
0,903	0,894	0,0686	0,0629	0,0743	803 (296; 0,001)

Table 3
CFA fit indices of the three models of the Russian version of the Displaced Aggression Questionnaire

RMSEA 90 % CI					
CFI	TLI	RMSEA	Lower	Upper	χ^2 (df; p)
Three-factor full (original) model					
0.867	0.856	0.0739	0.0691	0.0787	1201 (402; 0.001)
Four-factor model					
0.889	0.879	0.0678	0.0629	0.0727	1066 (399; 0.001)
Three-factor incomplete model					
0.903	0.894	0.0686	0.0629	0.0743	803 (296; 0.001)

как отомстить этому человеку», то есть утверждения о планировании и размышлениях о мести. Вторая группа содержит 4 утверждения, подразумевающие непосредственное осуществление мести.

Были построены и проверены две модели: четырехфакторная модель, включающая шкалы «гневное мышление», «планирование мести» (6 пунктов), «смещенная агрессия» и «осуществление мести» (4 пункта); и трехфакторная модель, включающая шкалы «гневное мышление», «планирование мести» (6 пунктов) и «смещенная агрессия».

Индексы согласованности эмпирической модели для трехфакторной структуры с сокращенной шкалой «планирование мести» можно считать удовлетворительными, поэтому было принято решение оставить данную модель. Итоговая структура методики ОСА представлена в Приложении 4.

Описательные статистики и нормы для шкал «Опросника смещенной агрессии» представлены в Приложениях 3 и 4.

Надежность

Для установления надежности «Опросника смещенной агрессии» использовался критерий α Кронбаха. Шкала «гневное мышление» имеет показатель α Кронбаха, равный 0,884 (в оригинальном исследовании — 0,927); для шкалы «планирование мести» показатель α Кронбаха составил 0,876 (в оригинальном исследовании — 0,930); для шкалы «смещенная агрессия» — 0,909 (в оригинальном исследовании — 0,926). Показатель надежности-согласованности для целой методики равен 0,92. Данные анализа позволяют говорить о высокой внутренней согласованности шкал «Опросника смещенной агрессии».

Полные показатели внутренней согласованности факторов приведены в Приложении 2.

Валидность

Для подтверждения конвергентной валидности «Опросника смещенной агрессии» баллы, полученные по адаптируемой методике, были сопоставлены с баллами по опросникам «ВРАQ-24» и «ОМП» (Таблица 4).

Как видно из Таблицы 4, баллы по шкалам, измеряющим кон-структ мести, имеют высокие значимые корреляции между собой.

Таблица 4
Связь шкал «Опросника смещенной агрессии» со шкалами опросников «ВРАQ-24» и «ОМП»

	Враж- деб- ность	Физи- ческая агрессия	Гнев	Сумм. балл ВРАQ	Мсти- тель- ность	Проще- ние
Гневное мышление	0,448**	0,167**	0,402**	0,464**	0,200**	-0,242**
Планирование мести	0,329**	0,490**	0,274**	0,475**	0,760**	-0,525**
Смещенная агрессия	0,433**	0,154**	0,506**	0,465**	0,168**	-0,120*
Сумм. балл ОА	0,523**	0,364**	0,515**	0,622**	0,490**	-0,394**
N	364					

Примечание. ** — $p < 0,001$; * — $p < 0,05$. Корреляционный анализ проведен методом Спирмена.

Table 4
Correlation between the Displaced Aggression Questionnaire scales and the scales of “ВРАQ-24” questionnaire and “Vengeance and Forgiveness Questionnaire” (“The Vengeance scale”)

	Hosti- lity	Physical aggres- sion	Anger	Total score on the ВРАQ	Ven- geance	Forgive- ness
Angry rumination	0.448**	0.167**	0.402**	0.464**	0.200**	-0.242**
Revenge planning	0.329**	0.490**	0.274**	0.475**	0.760**	-0.525**
Displaced aggression	0.433**	0.154**	0.506**	0.465**	0.168**	-0.120*
Total score on the OSA	0.523**	0.364**	0.515**	0.622**	0.490**	-0.394**
N	364					

Note. ** — $p < 0,001$; * — $p < 0,05$. Correlation analysis was performed using Spearman’s method.

Шкала «планирование мести» имеет значимую корреляцию со шкалой «физическая агрессия», сила связи находится на таком же уровне, как было зафиксировано в оригинальном исследовании ($\rho = 0,50$). Шкала «гневное мышление» имеет значимую корреляцию со шкалой «гнев»; в оригинальном исследовании корреляции шкалы «гневное мышление» с показателями гнева (в оригинальном исследовании для проверки конструктивной валидности использовались 3 показателя: «гнев как черта характера», «гнев, направленный на других» и «гнев, направленный на себя») варьируют в пределах от 0,45 до 0,54. Шкала «гневное мышление» также имеет значимую корреляцию со шкалой «враждебность» и значимо не связана со шкалой «физическая агрессия», что соответствует данным оригинального исследования. Шкала «смещенная агрессия» имеет значимые корреляции со шкалами «гнев» и «враждебность». В оригинальном исследовании коэффициент корреляции данной шкалы с показателями гнева варьирует от 0,32 до 0,64. Данные корреляционного анализа позволяют сделать вывод о соответствии русскоязычной версии опросника задумке авторов оригинального опросника.

Половые различия

Для установления половых различий был использован непараметрический критерий Манна — Уитни. Половые различия были обнаружены по всем шкалам «Опросника смещенной агрессии» (Таблица 5).

Мужчины в большей степени склонны к планированию мести. Женщины в большей степени склонны к гневному мышлению и к проявлению смещенной агрессии.

Таблица 5
Половые различия по методике ОСА

Пол	Гневное мышление		Планирование мести		Смещенная агрессия		Сумм. балл ОСА	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Средний ранг	157,94	194,73	206,30	170,65	147,74	199,81	169,50	188,97
U Манна — Уитни	11729,5		12580		10496		12083	
Z	-3,144		-2,255		-4,45		-2,769	
Асимп. знач. (двухсторонняя)	0,002		0,024		0,000		0,006	
Размер эффекта	0,202		0,144		0,286		0,178	

Table 5
The Displaced Aggression Questionnaire scales gender differences

Gender	Angry rumination		Revenge planning		Displaced aggression		Total score on the DAQ	
	m	f	m	f	m	f	m	f
Mean rank	157.94	194.73	206.30	170.65	147.74	199.81	169.50	188.97
Mann — Whitney U	11729.5		12580		10496		12083	
Z	-3.144		-2.255		-4.45		-2.769	
Asymptotic Sig. (2-sided test)	0.002		0.024		0.000		0.006	
Effect size	0.202		0.144		0.286		0.178	

Тест-ретестовая надежность

На первом этапе исследования респондентам предлагалось оставить контактные данные для получения обратной связи и возможности участвовать во втором этапе (ретесте).

Для анализа тест-ретестовой надежности респондентам, которые указали адреса электронной почты, было отправлено письмо с электронной итоговой версией опросника «ОСА» спустя 1 месяц после завершения сбора данных для первого этапа исследования. Анализ тест-ретестовой надежности был проведен на 34 испытуемых (Таблица 6) с помощью корреляционного анализа Спирмена.

Таблица 6
Тест-ретестовая надежность методики ОСА (коэффициент корреляции Спирмена)

	Ретест Гневное мышление	Ретест Планирование мести	Ретест Смещенная агрессия	Ретест ОСА
Тест Гневное мышление	0,509**			
Тест Планирование мести		0,603**		
Тест Смещенная агрессия			0,618**	
Тест ОСА				0,632**
N	34			

Примечание. ** — $p < 0,001$.

Table 6

The Displaced Aggression Questionnaire scales test-retest reliability (Spearman's correlation coefficient)

	Retest angry rumination	Retest revenge planning	Retest displaced aggression	Retest total score on the DAQ
Test angry rumination	0.509**			
Test revenge planning		0.603**		
Test displaced aggression			0.618**	
Test total score on the DAQ				0.632**
N		34		

Note. ** — $p < 0,001$.

Как видно из Таблицы 6, корреляции значимы и выше 0,4, поэтому можно сделать вывод об устойчивости адаптируемых методик во времени.

Обсуждение результатов

«Опросник смещенной агрессии» имеет трехфакторную структуру, включающую факторы «гневное мышление» (α Кронбаха = 0,884), «планирование мести» (α Кронбаха = 0,876) и «смещенная агрессия» (α Кронбаха = 0,909). Шкала «планирование мести» в англоязычной версии включает 11 утверждений. В русскоязычной версии опросника пункты этой шкалы содержательно разделяются на два фактора «планирование мести» и «осуществление мести». Фактор «осуществление мести» (4 пункта), включающий утверждения, подразумевающие реальный акт мести в сторону обидчика, не вписывается в общую структуру опросника и содержательно противоречит фактору «смещенная агрессия». Основываясь на показателях ЭФА, КФА и качественного анализа, из шкалы «планирование мести» русскоязычной версии «Опросника смещенной агрессии» были исключены 5 пунктов. Пункт «Я никогда не помогаю тем, кто несправедлив ко мне» имеет низкую факторную нагрузку (0,390) и несодержателен относительно шкалы «планирование мести». Модифицированная шкала «планирование мести» отражает задуманный авторами смысл и имеет значимые корреляции со шкалами «гнев» ($\rho = 0,274$), «враждебность» ($\rho = 0,329$) и «физическая агрессия» ($\rho = 0,490$) опросника ВРАQ-24, предсказанные и подтвержденные в оригинальном исследовании. Валидность

шкалы «гневное мышление» была подтверждена корреляцией со шкалами «гнев» ($\rho = 0,402$) и «враждебность» ($\rho = 0,448$). Гневное мышление включает в себя сосредоточенность на чувстве гнева после провокации. Зацикленное размышление над травмирующей или обидной ситуацией способствует формированию тенденции ответить на полученный вред. Шкала «смещенная агрессия» имеет значимые корреляции со шкалами «гнев» ($\rho = 0,506$) и «враждебность» ($\rho = 0,433$). Фокусирование на чувстве гнева, восприятие людей как потенциальных врагов и невозможность ответить обидчику формируют тенденцию к смещению агрессии на невиновных.

Обнаружены половые различия по методике ОСА. В данном исследовании выявлена большая выраженность планирования мести у мужчин ($z = -2,255$; $p = 0,024$). В предыдущих исследованиях было подтверждено, что мужчины в большей степени склонны к мстительности (Колыванова, Ениколопов, 2024). Однако женщины в большей степени, чем мужчины, склонны к гневному мышлению ($z = -3,144$; $p = 0,002$) и смещенной агрессии ($z = -4,45$; $p = 0,000$). В литературе подтверждается большая выраженность гнева у женщин, чем у мужчин (Ениколопов, Цибульский, 2007), в связи с этим объясняется более сильная выраженность гневного мышления, так как оно сосредоточено на чувстве гнева после обиды. Женщины также набирают большие баллы по общему показателю смещенной агрессии ($z = -3,144$; $p = 0,002$).

Выводы

На русском языке разработано и адаптировано не так много психодиагностических инструментов, позволяющих установить уровень выраженности агрессии, агрессивности и схожих конструкторов. В частности, в русскоязычном сообществе не было представлено ни одной методики, направленной на оценку уровня смещенной агрессии. Наличие соответствующего инструментария является необходимым условием проработки теоретических вопросов, а также решения практических и прикладных задач. Адаптируемый вариант методики «Опросник смещенной агрессии» имеет трехфакторную структуру, состоящую из 26 утверждений, распределенных по трем шкалам: «гневное мышление», модифицированная шкала «планирование мести» и шкала «смещенная агрессия».

Следует отметить, что опросник носит самоотчетный характер и оценивает характеристики, обладающие социальной желательностью.

стью. В оригинальном исследовании была обнаружена умеренная связь шкал опросника с социальной желательностью, что присуще методикам, оценивающим показатели агрессии.

Адаптируемый опросник является надежным и валидным средством измерения конструкта мести, гневного мышления, смещенной агрессии и может быть рекомендован к применению на отечественных выборах.

Список литературы

- Бэрон, Р., Ричардсон, Д. (1999). Агрессия. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Ениколопов, С.Н., Кузнецова, Ю.М., Чудова, Н.В. (2014). Агрессия в повседневной жизни. Москва: Изд-во «Политическая энциклопедия».
- Ениколопов, С.Н., Цибульский, Н.П. (2007). Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. *Психологический журнал*, 28(1), 115–124.
- Колыванова, Э.В., Ениколопов, С.Н. (2024). Психометрический анализ опросника “the vengeance scale”: опросник мстительности и прощения. *Психологический журнал*, 45(1), 88–97.
- Berkowitz, L. (1989). Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation. *Psychological Bulletin*, 106(1), 59–73. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.106.1.59>
- Buss, A.H. (1961). The psychology of aggression. New York: John Wiley & Sons Publ. <https://doi.org/10.1037/11160-000>
- Buss, A.H. (1971). Aggression pays. In: J.L. Singer, (ed.). The control of aggression and violence. (pp. 112–130). New York: Academic Press.
- Denson, T.F., Pedersen, W.C., Miller, N. (2006). The displaced aggression questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90(6), 1032–1051.
- Dollard, J., Miller, N.E., Doob, L.W., Mowrer, O.H., Sears, R.R. (1939). Frustration and aggression. New Haven: Yale University Press. <https://doi.org/10.1037/10022-000>
- García-Sancho, E., Salguero, J.M., Vasquez, E.A., Fernández-Berrocal, P. (2016). Validity and reliability of the Spanish version of the Displaced Aggression Questionnaire. *Psicothema*, 28(1), 96–101.
- Geen, R.G., O’Neal, E.C. (1969). Activation of cue-elicited aggression by general arousal. *Journal of Personality and Social Psychology*, 11(3), 289–292. <https://doi.org/10.1037/h0026885>
- Latane, B., Richardson, D. (1993). Macro-level consequences of a micro-level theory of aggression contagion. *Aggressive Behavior*, 19(1), 44–45.
- Miller, N.E. (1941). The frustration-aggression hypothesis. *Psychological Review*, 48(4), 337–342. <https://doi.org/10.1037/h0055861>
- Pedersen, W.C., Denson, T.F., Goss, R.J., Vasquez, E.A., Miller, N. (2011). The impact of rumination on aggressive thoughts, feelings, behavior, and arousal. Manuscript

submitted for publication. *British Journal of Social Psychology*, 50(2), 281–301. <https://doi.org/10.1348/014466610X515696>

Smeijers, D., Denson, T.F., Bulten, E.H., Brazil, I.A. (2021). Validity and reliability of the Dutch version of the displaced aggression questionnaire. *World Journal of Psychiatry*, 11(12), 1288–1300.

Tanno, S. (2008). Japanese version of the displaced aggression questionnaire. *Japanese Journal of Educational Psychology*, 56(2), 171–181.

Zillmann, D. (1979). *Hostility and aggression*. Hillsdale: Erlbaum Publ.

References

Berkowitz, L. (1989). Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation. *Psychological Bulletin*, 106(1), 59–73. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.106.1.59>

Beron, R., Richardson, D. (1999). *Aggression*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Buss, A.H. (1961). *The psychology of aggression*. New York: John Wiley & Sons Publ. <https://doi.org/10.1037/11160-000>

Buss, A.H. (1971). Aggression pays. In: J.L. Singer, (ed.). *The control of aggression and violence*. (pp. 112–130). New York: Academic Press.

Denson, T.F., Pedersen, W.C., Miller, N. (2006). The displaced aggression questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90(6), 1032–1051.

Dollard, J., Miller, N.E., Doob, L.W., Mowrer, O.H., Sears, R.R. (1939). *Frustration and aggression*. New Haven: Yale University Press. <https://doi.org/10.1037/10022-000>

Enikolopov, S.N., Kuznetsova, Yu.M., Chudova, N.V. (2014). *Aggression in everyday life*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)

Enikolopov, S.N., Tsibul'skii, N.P. (2007). Psychometric analysis of the Russian version of the Questionnaire for the diagnosis of aggression by A. Bass and M. Perry. *Psikhoogicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 28(1), 115–124. (In Russ.)

García-Sancho, E., Salguero, J.M., Vasquez, E.A., Fernández-Berrocal, P. (2016). Validity and reliability of the Spanish version of the Displaced Aggression Questionnaire. *Psicothema*, 28(1), 96–101.

Geen, R.G., O'Neal, E.C. (1969). Activation of cue-elicited aggression by general arousal. *Journal of Personality and Social Psychology*, 11(3), 289–292. <https://doi.org/10.1037/h0026885>

Kolyvanova, E.V., Enikolopov, S.N. (2024). Psychometric analysis of “The Vengeance Scale”: a measure of revenge and forgiveness. *Psikhoogicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 45(1), 88–97. (In Russ.)

Latane, B., Richardson, D. (1993). Macro-level consequences of a micro-level theory of aggression contagion. *Aggressive Behavior*, 19(1), 44–45.

Miller, N.E. (1941). The frustration-aggression hypothesis. *Psychological Review*, 48(4), 337–342. <https://doi.org/10.1037/h0055861>

Pedersen, W.C., Denson, T.F., Goss, R.J., Vasquez, E.A., Miller, N. (2011). The impact of rumination on aggressive thoughts, feelings, behavior, and arousal. *Manu-*

script submitted for publication. *British Journal of Social Psychology*, 50(2), 281–301.
<https://doi.org/10.1348/014466610X515696>

Smeijers, D., Denson, T.F., Bulten, E.H., Brazil, I.A. (2021). Validity and reliability of the Dutch version of the displaced aggression questionnaire. *World Journal of Psychiatry*, 11(12), 1288–1300.

Tanno, S. (2008). Japanese version of the displaced aggression questionnaire. *Japanese Journal of Educational Psychology*, 56(2), 171–181.

Zillmann, D. (1979). Hostility and aggression. Hillsdale: Erlbaum Publ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Элина Владимировна Колыванова, студентка кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, kolyvanovaelina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1987-9946>

Сергей Николаевич Ениколопов, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; руководитель отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья, Москва, Российская Федерация, enikolopov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0615-6703>

ABOUT THE AUTHORS

Elina V. Kolyvanova, Student at the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, kolyvanovaelina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1987-9946>

Sergey N. Enikolopov, Cand. Sci. (Psychol.), Leading Researcher at the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Head of the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russian Federation, enikolopov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0615-6703>

Поступила 16.04.2024. Получена после доработки 15.01.2025. Принята в печать 15.04.2025.

Received 16.04.2024. Revised 15.01.2025. Accepted 15.04.2025.

Приложение 1
Описательные статистики по уровню и профилю образования респондентов

Уровень образования	Частота	Проценты
среднее общее образование	35	9,6
среднее профессиональное образование	43	11,8
неоконченное высшее образование	129	35,4
высшее образование	157	43,1
Всего	364	100
Профиль образования		
естественно-научный	57	15,7
гуманитарный	100	27,5
социально-экономический	43	11,8
технологический	125	34,3
другое	39	10,7
Всего	364	100

Приложение 2
Показатели внутренней согласованности факторов методики ОСА

Гневное мышление (α Кронбаха = 0,884)			Планирование мести (α Кронбаха = 0,876)			Смещенная агрессия (α Кронбаха = 0,909)		
Пункт	Корр. пункта с итогом	Альфа-после исключения	Пункт	Корр. пункта с итогом	Альфа-после исключения	Пункт	Корр. пункта с итогом	Альфа-после исключения
1	0,655	0,869	3	0,678	0,856	2	0,702	0,899
4	0,646	0,869	6	0,704	0,853	5	0,763	0,895
7	0,745	0,861	9	0,647	0,861	8	0,839	0,889
10	0,626	0,87	12	0,78	0,839	11	0,446	0,917
13	0,721	0,864	17	0,542	0,877	14	0,799	0,893
15	0,525	0,878	20	0,763	0,841	16	0,646	0,903
18	0,684	0,866				19	0,792	0,894
21	0,532	0,877				22	0,67	0,901
23	0,428	0,888				24	0,729	0,899
25	0,634	0,87				26	0,491	0,913

Приложение 3
Описательные статистики для шкал методики ОСА

Шкалы	M	SD	Min	Max	Ассиметрия (ст. ошибка) / Эксцесс (ст. ошибка)
Гневное мышление	41,7	13,6	10	70	-0,125(0,128) / -0,673(0,255)
Планирование мести	13,2	7,52	6	42	1,37(0,128) / 1,85(0,255)
Смещенная агрессия	24,8	12,10	10	70	1,05(0,128) / 0,915(0,255)
Сумм. балл ОСА	78,9	26,60	26	182	0,346(0,128) / 0,123(0,255)

Приложение 4
«Опросник смещенной агрессии»

ИНСТРУКЦИЯ

Ниже приведен ряд утверждений. Прочитайте каждый пункт и честно ответьте, с какими вы соглашаетесь или не соглашаетесь, и в какой степени. Если вы абсолютно согласны, обведите цифру 7; если вы абсолютно не согласны, обведите цифру 1; если вы чувствуете себя где-то посередине, обведите цифру, расположенную между 1 и 7. Если вы чувствуете себя нейтрально или не определились, обведите цифру 4. Ваши ответы являются анонимными.

- (1) Абсолютно не согласен
- (2) Не согласен
- (3) Скорее не согласен
- (4) Не могу определиться
- (5) Скорее согласен
- (6) Согласен
- (7) Абсолютно согласен

	не со- гласен			согла- сен			
1. Когда кто-то злит меня, я не могу перестать думать о том, как отомстить этому человеку.	1	2	3	4	5	6	7
2. Я долгое время продолжаю думать о событиях, которые меня разозлили.	1	2	3	4	5	6	7
3. Когда кто-то или что-то злит меня, я, скорее всего, отыграюсь на другом человеке.	1	2	3	4	5	6	7
4. Я становлюсь взвинченным, просто думая о вещах, которые расстроили меня в прошлом.	1	2	3	4	5	6	7
5. Когда я чувствую себя плохо, я вымещаю это на других.	1	2	3	4	5	6	7
6. Я часто мечтаю о ситуациях, в которых отыгрываюсь на людях.	1	2	3	4	5	6	7

	не со- гласен				согла- сен			
7. Я часто ловлю себя на том, что снова и снова думаю о вещах, которые разозлили меня.	1	2	3	4	5	6	7	
8. Когда я злюсь, я вымещаю это на близких мне людях.	1	2	3	4	5	6	7	
9. Я бы расстроился, если бы не мог придумать способ по- квитаться с кем-то, кто этого заслуживает.	1	2	3	4	5	6	7	
10. Иногда я не могу не думать о моментах, когда кто-то вы- водил меня из себя.	1	2	3	4	5	6	7	
11. Иногда я расстраиваюсь из-за друга или члена семьи, даже если этот человек не является причиной моего гнева или разочарования.	1	2	3	4	5	6	7	
12. Я думаю о том, как отомстить людям, которые разозлили меня, еще долгое время после того, как это произошло.	1	2	3	4	5	6	7	
13. Всякий раз, когда я испытываю гнев, я продолжаю ду- мать об этом еще какое-то время.	1	2	3	4	5	6	7	
14. Я срываю свой гнев на невинных людях.	1	2	3	4	5	6	7	
15. После того, как спор закончился, я продолжаю спорить с этим человеком в своем воображении.	1	2	3	4	5	6	7	
16. Когда все идет не так, как я планирую, я вымещаю свое разочарование на первом встречном человеке.	1	2	3	4	5	6	7	
17. Чем больше времени пройдет, тем больше удовлетво- рения я получу от мести.	1	2	3	4	5	6	7	
18. Я воспроизвожу ситуацию, которая меня разозлила, в своем уме после того, как она произошла.	1	2	3	4	5	6	7	
19. Если кто-то разозлил меня, я, скорее всего, выплесну свой гнев на другого человека.	1	2	3	4	5	6	7	
20. У меня еще долгое время после окончания конфликта живут фантазии о мести.	1	2	3	4	5	6	7	
21. Я злюсь на определенные вещи в моей жизни.	1	2	3	4	5	6	7	
22. Я так расстраиваюсь из-за работы или учебы, что станов- люсь враждебным по отношению к семье или друзьям.	1	2	3	4	5	6	7	
23. Я думаю о некоторых событиях, произошедших давным- давно, и они до сих пор злят меня.	1	2	3	4	5	6	7	
24. Когда я злюсь, мне все равно, на кого я срываюсь.	1	2	3	4	5	6	7	
25. Когда я злюсь, я склонен сосредотачиваться на своих мыслях и чувствах на долгое время.	1	2	3	4	5	6	7	
26. Если у меня был тяжелый день на работе или в школе, я, вероятнее всего, сделаю так, чтобы все узнали об этом.	1	2	3	4	5	6	7	

Ключи

Опросник состоит из 26 утверждений, распределенных по трем шкалам: «гневное мышление», «планирование мести» и «смещенная агрессия». Респонденты дают ответы по 7-балльной системе. Все пункты прямые.

Максимальное количество баллов — 182, минимальное — 26.

1. Гневное мышление:

пункты 2, 4, 7, 10, 13, 15, 18, 21, 23, 25 (мин. — 10; макс. — 70).

2. Планирование мести:

пункты 1, 6, 9, 12, 17, 20 (мин. — 6; макс. — 42).

3. Смещенная агрессия:

пункты 3, 5, 8, 11, 14, 16, 19, 22, 24, 26 (мин. — 10; макс. — 70).

Сумма баллов, полученных по всем шкалам, является итоговым баллом по «Опроснику смещенной агрессии».

Нормы для методики ОСА

Группа	Мужчины	Женщины
Гневное мышление		
Низкая	0–25	0–30
Средняя	26–51	31–58
Высокая	52–70	59–70
Планирование мести		
Низкая	6–13	
Средняя	14–21	
Высокая	22–42	
Смещенная агрессия		
Низкая	0–11	0–14
Средняя	12–31	15–38
Высокая	32–70	39–70
Суммарный балл по ОСА		
Низкая	26–48	26–56
Средняя	49–100	57–109
Высокая	101–182	110–182

Appendix 1
Descriptive statistics on the level and profile of education of respondents

Level of education	Number	Percent
Secondary general education	35	9.6
Secondary vocational education	43	11.8
Incomplete higher education	129	35.4
Higher education	157	43.1
Total	364	100
Education profile		
Natural science	57	15.7
Humanitarian	100	27.5
Social and economic	43	11.8
Technological	125	34.3
Other	39	10.7
Total	364	100

Appendix 2
Indicators of internal consistency of the factors of the DAQ

Angry rumination (Cronbach's α = 0.884)			Revenge planning (Cronbach's α = 0.876)			Displaced aggression (Cronbach's α = 0.909)		
Item	Corr. item with total	Alpha — if delete	Item	Corr. item with total	Alpha — if delete	Item	Corr. item with total	Alpha — if delete
1	0.655	0.869	3	0.678	0.856	2	0.702	0.899
4	0.646	0.869	6	0.704	0.853	5	0.763	0.895
7	0.745	0.861	9	0.647	0.861	8	0.839	0.889
10	0.626	0.87	12	0.78	0.839	11	0.446	0.917
13	0.721	0.864	17	0.542	0.877	14	0.799	0.893
15	0.525	0.878	20	0.763	0.841	16	0.646	0.903
18	0.684	0.866				19	0.792	0.894
21	0.532	0.877				22	0.67	0.901
23	0.428	0.888				24	0.729	0.899
25	0.634	0.87				26	0.491	0.913

Appendix 3
Descriptive statistics for the scales of the DAQ

Scales	M	SD	Min	Max	Asymmetry (standard error) / Excess (standard error)
Angry Rumination	41.7	13.6	10	70	-0.125(0.128) / -0.673(0.255)
Revenge Planning	13.2	7.52	6	42	1.37(0.128) / 1.85(0.255)
Displaced Aggression	24.8	12.10	10	70	1.05(0.128) / 0.915(0.255)
Total Score DAQ	78.9	26.60	26	182	0.346(0.128) / 0.123(0.255)

Appendix 4
Displaced Aggression Questionnaire (Russian version)

INSTRUCTION

Below a series of statements is presented. Read each item and answer honestly which ones you agree or disagree with, and to what extent. If you strongly agree, circle 7; if you strongly disagree, circle 1; if you feel somewhere in the middle, circle a number between 1 and 7. If you feel neutral or undecided, circle 4. Your responses are anonymous.

- (1) I completely disagree
- (2) I disagree
- (3) I rather disagree
- (4) I cannot decide
- (5) I rather agree
- (6) I agree
- (7) I completely agree

	dis- agree	agree
1. When someone makes me angry, I can't stop thinking about how to get back at them.	1 2 3 4 5 6 7	
2. I spend a lot of time thinking about the events that made me angry.	1 2 3 4 5 6 7	
3. When someone or something makes me angry, I'm more likely to take it out on the other person.	1 2 3 4 5 6 7	
4. I get emotional just thinking about things that have upset me in the past.	1 2 3 4 5 6 7	
5. When I feel bad, I take it out on others.	1 2 3 4 5 6 7	
6. I often daydream about situations where I take it out on people.	1 2 3 4 5 6 7	

	dis- agree				agree		
7. I often find myself thinking over and over about the things that made me angry.	1	2	3	4	5	6	7
8. When I'm angry, I take it out on people close to me.	1	2	3	4	5	6	7
9. I would be upset if I couldn't think of a way to get even with someone who deserves it.	1	2	3	4	5	6	7
10. Sometimes I can't help but think about the times someone made me angry.	1	2	3	4	5	6	7
11. Sometimes I get upset with a friend or family member, even if that person isn't the cause of my anger or frustration.	1	2	3	4	5	6	7
12. I think about how to get back at people who made me angry long after it happened.	1	2	3	4	5	6	7
13. Whenever I feel angry, I continue to think about it for a while.	1	2	3	4	5	6	7
14. I take my anger out on innocent people.	1	2	3	4	5	6	7
15. After an argument is over, I continue to argue with the person in my imagination.	1	2	3	4	5	6	7
16. When things don't go as I planned, I take my frustration out on the first person I meet.	1	2	3	4	5	6	7
17. The more time passes, the more satisfaction I get from revenge.	1	2	3	4	5	6	7
18. I replay situations that made me angry in my mind after they happen.	1	2	3	4	5	6	7
19. If someone makes me angry, I am likely to take my anger out on the other person.	1	2	3	4	5	6	7
20. I have revenge fantasies that last long after a conflict has ended.	1	2	3	4	5	6	7
21. I get angry at certain things in my life.	1	2	3	4	5	6	7
22. I get so upset about work or school that I become hostile toward my family or friends.	1	2	3	4	5	6	7
23. I think about certain events that happened a long time ago, and they still make me angry.	1	2	3	4	5	6	7
24. When I'm angry, I don't care who I'm angry with.	1	2	3	4	5	6	7
25. When I'm angry, I tend to dwell on my thoughts and feelings for a long time.	1	2	3	4	5	6	7
26. If I had a hard day at work or school, I'm likely to make sure everyone knows about it.	1	2	3	4	5	6	7

Note. The questionnaire items are translated into English according to the Russian version being presented in the article.

Keys

The questionnaire consists of 26 statements distributed across three scales: “angry rumination”, “revenge planning” and “displaced aggression”. Respondents give answers on a 7-point scale. All items are direct.

The maximum score is 182, the minimum is 26.

1. Angry rumination:

items 2, 4, 7, 10, 13, 15, 18, 21, 23, 25 (min. — 10; max. — 70).

2. Revenge planning:

items 1, 6, 9, 12, 17, 20 (min. — 6; max. — 42).

3. Displaced aggression:

items 3, 5, 8, 11, 14, 16, 19, 22, 24, 26 (min. — 10; max. — 70).

The sum of the points obtained for all scales is the final score for the Displaced Aggression Questionnaire.

Standards for the DAQ (Russian version)

Group	Men	Women
Angry rumination		
Low	0–25	0–30
Medium	26–51	31–58
High	52–70	59–70
Revenge planning		
Low	6–13	
Medium	14–21	
High	22–42	
Displaced aggression		
Low	0–11	0–14
Medium	12–31	15–38
High	32–70	39–70
Total DAQ score		
Low	26–48	26–56
Medium	49–100	57–109
High	101–182	110–182

МЕТОДИКА / METHODS

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-17>

УДК/UDC 159.9.07; 159.923.2

Самоотчетная конформность в структуре личностных диспозиций

А.А. Фёдоров , М.В. Злобина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

 fedleks@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Увеличение интереса к феномену конформности приводит к необходимости исследования индивидуальных факторов, влияющих на его проявление, к числу которых относятся в том числе личностные диспозиции. Существующие данные о взаимосвязи конформности и личностных особенностей отличаются противоречивостью.

Цель. Анализ связи разных типов самоотчетной конформности с личностными диспозициями и апробация шкалы моральной конформности в виртуальной среде.

Выборка. 287 человек в возрасте от 18 до 55 лет ($M_{\text{возраст}} = 24,2$, $SD = 9,3$), 215 женщин и 72 мужчины. 30 человек из общей выборки ($M_{\text{возраст}} = 19,1$, $SD = 2,77$) приняли участие в повторном тестировании для оценки ретестовой надежности авторской шкалы моральной конформности в виртуальной среде.

Методы. Шкала конформности Меграбяна и Стефл; авторская шкала моральной конформности в виртуальной среде; серия из 14 специально разработанных гипотетических сценариев, содержащих ситуации конфликта и предполагающих два варианта решения (в пользу индивида или в пользу группы); краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛОА-К); опросник «Темная дюжина».

Результаты. Апробирована шкала моральной конформности в виртуальной среде. Выявлена положительная взаимосвязь индикаторов самоотчетной конформности с показателями нейротизма, психопатии, макиавеллизма, психотизма и нарциссизма, однако при контроле показателя нарциссизма связи моральной конформности в виртуальной среде с нейротизмом и макиавеллизмом незначимы, а при контроле показателя психопатии

незначима взаимосвязь психотизма со склонностью выбирать антисоциальные конформные ответы. Показано, что между всеми индикаторами самоотчетной конформности существуют значимые взаимосвязи, что дало основание предполагать потенциальное наличие общего латентного фактора конформности. Однако дальнейший анализ показал, что структурная модель самоотчетной конформности без общего латентного фактора лучше соответствует данным по сравнению с моделью, включающей латентный фактор. Данный результат свидетельствует о том, что разные типы самоотчетной конформности могут представлять собой независимые аспекты конформного поведения, а не проявления единой общей черты.

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют в пользу существования независимых типов самоотчетной конформности, а также подтверждают наличие взаимосвязи между разными индикаторами самоотчетной конформности и взаимосвязь самоотчетной конформности с личностными диспозициями.

Ключевые слова: конформность, самоотчетная конформность, моральная конформность, личностные диспозиции, моральная конформность в виртуальной среде

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00771, тема проекта «Экспериментальный анализ факторов моральной конформности в виртуальном пространстве».

Для цитирования: Фёдоров, А.А., Злобина, М.В. (2025) Самоотчетная конформность в структуре личностных диспозиций. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 188–216. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-17>

Self-reported Conformity within the Structure of Personality Dispositions

Alexandr A. Fedorov ✉, Marina V. Zlobina

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

✉ fedleks@yandex.ru

Abstract

Background. The growing research interest in the phenomenon of conformity leads to the necessity of studying individual factors influencing its manifestation. These factors include, but are not limited to, personality dispositions. The current data

on the relationship between personality characteristics and conformity remain contradictory.

Objective. The goal is to analyse the relationship between different types of self-reported conformity and personality dispositions as well as to validate the scale of moral conformity in the virtual environment.

Study Participants. The study involved 287 subjects aged 18 to 55 years ($M = 24.2$, $SD = 9.3$), 215 women and 72 men. 30 people from the sample ($M = 19.1$, $SD = 2.77$) took part in a retest to assess the test-retest reliability of the virtual moral conformity scale.

Methods. The following instruments were used in the study: Mehrabian and Steffl Conformity Scale; the author's scale of moral conformity in virtual environment; a series of 14 specially designed hypothetical scenarios containing conflict situations and suggesting two possible solutions (in favor of the individual or in favor of the group); short form of the Eysenck Personality Inventory; the Dirty Dozen questionnaire.

Results. A scale of moral conformity in a virtual environment was tested. A positive relationship was found between the indicators of self-reported conformity and the indicators of neuroticism, psychopathy, Machiavellianism, psychoticism, and narcissism. However, when controlling for the narcissism indicator, the relationships between moral conformity in a virtual environment and neuroticism and Machiavellianism were insignificant; when controlling for the psychopathy indicator, the relationship between psychoticism and the tendency to choose antisocial conformist responses was insignificant. It was shown that there were significant relationships between all indicators of self-reported conformity, which gave grounds to assume the potential presence of a common latent factor of conformity. However, further analysis showed that the structural model of self-reported conformity without a common latent factor fits the data better than the model including the latent factor. This result suggests that different types of self-reported conformity may represent independent aspects of conformity behaviour rather than manifestations of a single, common trait.

Conclusions. The obtained results provide evidence for the existence of independent types of self-reported conformity and also confirm the presence of relationships between different indicators of self-reported conformity as well as the relationships between self-reported conformity and personality dispositions.

Keywords: conformity, self-reported conformity, moral conformity, personality traits, moral conformity in the virtual environment

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation (RSF), project No. 23-28-00771, Experimental analysis of moral conformity factors in virtual reality.

Для цитирования: Fedorov, A.A., Zlobina, M.V. (2025). Self-reported conformity within the structure of personality dispositions. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 188–216. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-17>

Введение

Конформность, начиная как минимум с исследований Соломона Аша, является одной из центральных тем социальной психологии. Уже более семи десятилетий ученые изучают различные аспекты конформного поведения, включая анализ ситуационных и индивидуальных факторов в его проявлении. Тем не менее результаты этих исследований зачастую противоречивы, и несмотря на многочисленные попытки (например, Nail et al., 2013), общепринятой единой теории социального давления до сих пор не создано. Это может быть связано, в частности, с различиями в методах оценки конформности: она может изучаться как посредством конструирования экспериментальных ситуаций, в которых участники сталкиваются с контролируемым давлением группы, так и с использованием самоотчетных методик. В этом контексте *самоотчетная конформность*, которой и посвящена данная статья, может быть определена как вербально выраженная готовность индивида изменять свое поведение в соответствии с источником социального давления, оцениваемая через специально разработанные вопросы или гипотетические ситуации. Фактически самоотчетная конформность представляет собой реакции на вербальные стимулы (так называемые шкалы «самоотчета»), которые не обязательно совпадают с поведением в экспериментальных ситуациях и повседневной жизни.

Традиционно феномен конформности исследовался в контексте ситуационных факторов. Изучалось влияние на конформное поведение таких параметров, как размер группы (Lowry et al., 2006), гендерный состав участников (Wijenayake et al., 2019), тип и сложность задачи (Baron et al., 1996; Rosander, Eriksson, 2012) и другие. Отметим, что в современной психологии отмечается тенденция увеличения интереса к феномену моральной конформности (Zlobina, Fedorov, 2023). Все чаще этот вид конформности изучается в контексте виртуальной коммуникации и цифрового пространства, внутри которого возникают новые формы социального взаимодействия, которые могут значительно отличаться от традиционных (Федоров, Рахманов, 2024; Bocian et al., 2024; Kelly et al., 2017). Однако наряду с ситуационными

внимание исследователей привлекают также диспозиционные факторы.

Одним из первых на взаимосвязь конформности и личности указал еще Р.С. Кратчфилд. В его исследовании было показано, что низкие показатели конформности связаны с высоким уровнем интеллектуальной компетентности, силой эго, лидерскими способностями, зрелыми социальными отношениями, отсутствием чувства неполноценности, жесткого и чрезмерного самоконтроля и авторитарной установки. Высокий уровень конформности наблюдался у испытуемых с авторитарным, тревожным, недоверчивым и конвенциональным мышлением. Корреляций с нейротизмом обнаружено не было (Crutchfield, 1955).

К. ДеЯнг и коллеги предположили, что с конформностью будут связаны такие личностные черты, как стабильность и пластичность (DeYoung et al., 2002). Стабильность и пластичность (Большая двойка) представляют собой факторы более высокого порядка (метачерты) по отношению к факторам Большой пятерки: стабильность включает низкий нейротизм, доброжелательность и добросовестность, а пластичность — экстраверсию и открытость опыту. К. ДеЯнг и коллеги отмечают, что черты, составляющие стабильность, представляют собой важные предпосылки для соблюдения культурных моральных ограничений. Пластичность, напротив, следует противопоставлять конформности, поскольку теоретически она связана с тенденцией гибко и творчески подходить к новизне, в то время как конформность, напротив, предполагает отказ от нестандартных идей и поведения, выходящего за рамки предписанного обществом (DeYoung et al., 2002). Авторы предположили, что стабильность будет положительно, а пластичность — отрицательно связана с конформизмом, таким образом, убежденные конформисты должны быть стабильными, но ригидными. Данное предположение было подтверждено в исследовании (DeYoung et al., 2002).

С. Кослофф и коллеги продемонстрировали в своем исследовании, выполненном в рамках парадигмы С. Аша, взаимосвязь конформности и метачерты стабильности: более высокие показатели стабильности были связаны с тенденцией давать конформные ответы под давлением группы. Однако, в отличие от исследования К. ДеЯнга и коллег, экстраверсия и открытость (метачерта пластичность) не коррелировали в данном исследовании с уровнем конформности (Kosloff et al., 2017).

С. Видженайак и коллеги показали, что лица с более высоким нейротизмом и добросовестностью более склонны к конформности в онлайн-условиях (Wijenayake et al., 2020).

Несколько отличные результаты были получены в исследовании А. Францена и С. Мадеры. Авторы исследовали взаимосвязь конформности и интеллекта, самооценки, потребности в социальном одобрении, а также черт Большой пятерки, однако ни одна из этих черт, кроме открытости опыту, не была связана со склонностью давать конформные ответы (Franzen, Mader, 2023).

Эти данные, однако, еще не дают ответа на вопрос, каков характер связи между личностными чертами и конформностью, например, в ситуации морального выбора. К примеру, в исследовании А. Кешмириан, О. Дерой и Б. Бахрами было показано, что в группе люди склонны принимать деонтологические решения. Подобная тенденция объясняется тем, что «деонтологически настроенные» члены общества воспринимаются как более надежные и вызывают большее доверие. Соответственно, чтобы выглядеть более привлекательным для членов своего коллектива, человек будет стремиться продемонстрировать просоциальное поведение (модель «демонстрации добродетели») (Keshmirian et al., 2022). Макиавеллизм как одна из черт «темной триады» характеризуется склонностью к манипулированию другими людьми, использованию их в качестве инструмента для достижения своих целей (Bereczkei et al., 2013). Т. Берецкий и коллеги показали, что в присутствии других людей «макиавеллисты» склонны вести себя иначе, нежели в отсутствие наблюдателей, и демонстрировать альтруизм и просоциальное поведение. «У них может быть своего рода мотивация впечатления: они рассматривают альтруизм как своего рода инструмент, повышающий их признание и репутацию в своей группе» (Bereczkei et al., 2013, p. 244). Можно предположить, что, если в основе макиавеллизма лежит мотивация демонстрации просоциального поведения, то, в соответствии с данными А. Кешмириан, О. Дерой и Б. Бахрами, макиавеллисты будут склонны принимать деонтологические решения в ситуации моральных дилемм. Такое предположение также согласуется с данными Д. Бостина и А. Рутса, которые показали, что испытуемые демонстрируют большую конформность в ситуации деонтологического давления (Bostyn, Roets, 2017). В то же время предположение о предпочтении лицами с высокими показателями макиавеллизма деонтологических решений вступает в противоречие с данными исследований, в которых было

показано, что лица с высоким макиавеллизмом отдают предпочтения утилитарным ответам (Bartels, Pizarro, 2011).

Таким образом, исследования, посвященные взаимосвязи личностных диспозиций и конформного поведения, дают противоречивые результаты. Вероятно, среди основных, хотя, конечно, и не единственных источников этих противоречий можно назвать различия в методах оценки конформности и в типах изучаемого конформного поведения. Как уже указывалось, некоторые исследования используют самоотчетные методы, в то время как другие моделируют давление группы в экспериментальных ситуациях. Более того, далеко не обязательно, что самоотчетная оценка конформности позволит предсказывать поведение человека в смоделированной ситуации давления (и наоборот). Необходимо учитывать и то, что конформность проявляется по-разному в зависимости от ее типа и контекста. Насколько корректно ожидать согласованных корреляций личностных черт с конформностью в отношении одобряемых обществом норм и, скажем, склонностью подчиняться антисоциальному давлению?

Принимая во внимание вышесказанное, данная статья пытается ответить на следующий исследовательский вопрос: связаны ли разные типы самоотчетной конформности с одними и теми же индивидуальными диспозициями? Обнаружение таких связей потенциально может служить аргументом в пользу существования общей латентной переменной, которая проявляется через разные виды поведения в различных ситуациях. Напротив, если согласованные корреляции будут отсутствовать, это может свидетельствовать о том, что под общим названием скрыт комплекс разнообразных поведенческих паттернов, зависящих от специфических индивидуальных и контекстных факторов.

В рамках исследования были использованы три самоотчетных инструмента оценки разных аспектов конформности, которые описаны ниже. Один из самоотчетных инструментов, направленный на оценку моральной конформности в виртуальной среде, был разработан специально для целей настоящего исследования. Выбор такого типа конформности для создания методики связан с тем, что современная цифровая коммуникация создает уникальные условия для проявления социального давления и нормативной регуляции поведения. Деперсонализирующее воздействие опосредованной компьютером коммуникации может усиливать склонность к конформному поведению, создавая особую динамику социального влияния (Spears

et al., 2002). Могут, однако, происходить и противонаправленные процессы. Е.П. Белинская и В.С. Вознесенская (Белинская, Вознесенская, 2016), отмечая противоречивость и сложность нормативной регуляции поведения в цифровых пространствах, пишут о том, что эмпирические данные демонстрируют, что в сетевом взаимодействии нормы могут как ослабевать (например, в контексте «эффекта растормаживания»), так и усиливаться за счет стремления пользователей минимизировать неопределенность или укреплять идентичность. Это делает *vm*-конформность особой гранью конформного поведения, которая не только отражает влияние технологических факторов на социальное взаимодействие, но и раскрывает механизмы адаптации человека к новым формам коммуникации и регуляции поведения. В связи с этим разработка шкалы для оценки *vm*-конформности не только позволяет решать исследовательские задачи данной статьи, но и представляет потенциальный практический интерес.

Выборка

Всего в исследовании приняли участие 287 человек в возрасте от 18 до 55 лет ($M_{\text{возраст}} = 24,2$ года, $SD = 9,3$), из них женщин 215 человек, мужчин — 72 человека. В выборку вошли представители различных профессий, 134 человека отметили, что являются студентами.

30 человек из общей выборки ($M_{\text{возраст}} = 19,1$ года, $SD = 2,77$) приняли участие в повторном тестировании для оценки ретестовой надежности шкалы моральной конформности в виртуальной среде.

Методы исследования

1. Шкала конформности Меграбяна¹ и Стефл (Mehrabian, Steffl, 1995). Эта шкала использовалась для оценки общего уровня конформности. Конформность определяется авторами как склонность подражать другим и следовать за ними, уступать, чтобы избежать конфликтов, а также быть последователем, а не лидером. Шкала разработана в рамках модели эмоциональных состояний PAD (удовольствие, возбуждение и доминирование) и состоит из 11 утверждений, для каждого из которых нужно оценить степень своего согласия по 9-балльной шкале от -4 до 4. Русскоязычная версия продемонстрировала хорошие психометрические характеристики (Злобина, 2023).

¹ В некоторых источниках фамилия *Mehrabian* переводится как Мехрабиан или Мейерабян.

2. Шкала моральной конформности в виртуальной среде, разработанная и проходящая апробацию в рамках данного исследования. Под моральной конформностью в виртуальной среде (далее *vm-конформность*) мы понимаем изменение поведения, направленное на согласование действий человека с нормами и стандартами конкретной виртуальной среды или общности. Процесс разработки шкалы и ее психометрические характеристики описаны в секции результатов.

3. Серия из 14 специально разработанных гипотетических сценариев, содержащих ситуации конфликта и два варианта их разрешения: в пользу индивида или в пользу группы (конформный ответ). В 7 ситуациях из 14 конформный ответ предполагал явное нарушение социально одобряемых норм (например, фальсификацию данных, недобросовестную конкурентную борьбу, участие в высмеивании приятеля и пр.). В оставшихся 7 ситуациях однозначная моральная оценка конформного выбора невозможна. Сценарии включают в себя ситуации выбора как в реальных условиях, так и в условиях виртуальной среды. За каждый ответ в пользу группы испытуемому начисляется один балл, после чего баллы суммируются. Примеры ситуаций представлены в Приложении 1. Отметим, что в данном исследовании сценарии используются не как формализованный психометрический инструмент, а как гипотетические модельные ситуации, в которых испытуемые вынуждены выбирать между конформным и неконформным поведением.

Для оценки личностных диспозиций использовались следующие методики:

1. Краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛОА-К) (Слободская и др., 2006). Методика состоит из 28 вопросов, на каждый из которых испытуемому необходимо дать ответ «Да» или «Нет». Пункты опросника группируются в четыре шкалы: экстраверсия, нейротизм, психотизм и шкала лжи (по 7 пунктов на шкалу).

2. Опросник «Темная дюжина» (Корнилова и др., 2015), направленный на оценку выраженности субклинических личностных свойств, составляющих «Темную триаду» (макиавеллизм, психопатия, нарциссизм). Опросник включает 12 утверждений (по 4 на каждую шкалу), в отношении которых участнику предлагается оценить степень своего согласия по пятибалльной шкале.

Сбор данных был организован с использованием Google-форм, статистический анализ проводился в программе jamovi 2.3.28.

Результаты исследования

1. Разработка и психометрический анализ шкалы vt-конформности

1.1. Формирование шкалы

На основе теоретического анализа было сформулировано 15 предварительных пунктов шкалы, охватывающих основные аспекты моральной конформности в виртуальной среде. Эти аспекты включали такие элементы, как подверженность влиянию норм и стандартов виртуального сообщества, готовность изменять свое поведение в соответствии с ожиданиями других участников виртуальной среды, а также стремление избегать конфликтов и поддерживать гармонию в виртуальном взаимодействии. Каждый пункт был сформулирован таким образом, чтобы охватить различные проявления vt-конформности, обеспечивая широкий спектр оценок. Для оценки понимания и актуальности пунктов было проведено пилотное тестирование с участием небольшой группы ($N=30$). Участники тестирования предоставили обратную связь о ясности формулировок и релевантности каждого пункта. В результате были скорректированы формулировки некоторых пунктов для улучшения их ясности и понимания. На основе полученных данных были отобраны 10 наиболее репрезентативных пунктов для основного этапа исследования. Использовалась 7-балльная шкала ответов (от «1 — полностью не согласен» до «7 — полностью согласен»). Общая выборка из 287 человек была случайным образом разделена на две группы для проверки внутренней структуры шкалы.

1.2. Эксплораторный факторный анализ

На первом этапе ($N=143$) применялся эксплораторный факторный анализ (ЕФА). Для всех переменных мера адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкина находится в приемлемом диапазоне, с общим значением 0,835. Критерий сферичности Бартлетта значим ($\chi^2(45) = 584,097, p < 0,001$).

Для определения количества факторов использовался критерий Кайзера. Метод извлечения минимальных остатков в сочетании с вращением облимин показал, что 9 из 10 пунктов шкалы vt-конформности имеют значимые нагрузки на один фактор, объясняющий 41,1 % общей дисперсии (Таблица 1). Второй пункт имел нагрузку на общий фактор менее 0,4 и был исключен из дальнейшего анализа.

Таблица 1
Факторные нагрузки (N = 143)

Пункты	Факторные нагрузки	Пункты	Факторные нагрузки
1	0,624	6	0,553
2	0,369	7	0,732
3	0,592	8	0,646
4	0,654	9	0,663
5	0,713	10	0,777

Table 1
Factor loadings (N = 143)

Items	Factor loadings	Items	Factor loadings
1	0.624	6	0.553
2	0.369	7	0.732
3	0.592	8	0.646
4	0.654	9	0.663
5	0.713	10	0.777

Пункты, вошедшие в итоговый вариант шкалы, приведены в Приложении 2.

1.3. Конфирматорный факторный анализ

На втором этапе (N = 144) применялся конфирматорный факторный анализ (CFA) для проверки устойчивости однофакторной структуры 9-пунктовой шкалы. Результаты CFA показали отличное соответствие модели эмпирическим данным: RMSEA [95 % CI] = 0,055 [0,000 0,092], SRMR = 0,045, CFI = 0,964, TLI = 0,952. Коэффициент α -Кронбаха для 9-пунктовой шкалы составил 0,87 на первой подвыборке и 0,83 на второй, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности шкалы.

1.4. Надежность и валидность

Для определения минимально необходимого размера выборки при оценке ретестовой надежности (с учетом минимально приемлемого уровня $r = 0,7$) был проведен анализ статистической мощности с использованием программы G*Power 3.1.9.7 (Faul et al., 2007). Результаты показали, что для обнаружения указанного эффекта при уровне значимости $\alpha = 0,01$ и желаемой мощности 95 % достаточно выборки из 23 участников. Ретестовая надежность шкалы была оценена на подвыборке из 30 человек с интервалом в три недели и составила $r = 0,767$, $p < 0,001$, что подтверждает стабильность измерений во времени.

Для оценки конвергентной и дискриминантной валидности был проведен корреляционный анализ. Общий показатель vm -конформности показал положительную связь с баллом по шкале конформности Меграбяна ($r = 0,482$, $p < 0,001$), что подтверждает конвергентную валидность. Связь со шкалой лжи ЛОА-К была не-

значимой ($r = -0,087$, $p = 0,140$), что свидетельствует о хорошей дискриминантной валидности.

1.5. Демографические различия

Анализ данных показал, что женщины имеют более высокие показатели по шкале *vm*-конформности по сравнению с мужчинами ($t = 2,54$, $p = 0,012$, $d = 0,35$), что может указывать на большую чувствительность женщин к социальному давлению в виртуальной среде. Также была выявлена слабая, но статистически значимая отрицательная связь между возрастом и *vm*-конформностью ($r = -0,142$, $p = 0,016$), что согласуется с данными некоторых исследований, согласно которым с возрастом усиливается способность противостоять социальному давлению (Castrellon et al., 2024). Впрочем, эффект очень слабый и его не стоит переоценивать. Согласно полученным данным, возраст объясняет в лучшем случае около 2 % изменчивости *vm*-конформности.

В целом полученные результаты указывают на то, что разработанная шкала представляет собой достаточно надежный и валидный инструмент оценки моральной конформности в виртуальной среде и может использоваться для решения поставленных в данном исследовании задач.

2. Анализ структуры связей конформности с личностными диспозициями

Учитывая используемый инструментарий, в исследовании применялись четыре индикатора конформности: усредненный балл по шкале Меграбяна и Стефл (Meh), усредненный балл по шкале моральной конформности в виртуальной среде (VmC), а также два показателя, рассчитанные на основе ответов на предлагаемые сценарии: отдельно суммировались ответы для ситуаций, в которых конформный ответ подразумевает явное нарушение одобряемых социальных норм (Sit1), и для ситуаций, в которых однозначная моральная оценка невозможна (Sit2).

Между этими индикаторами и показателями личностных опросников был проведен корреляционный анализ, результаты которого приведены в Таблице 2.

Между всеми индикаторами конформности обнаружены значимые взаимосвязи, что может указывать на существование общего латентного фактора конформности. Для проверки этого предположения на основе анализа корреляционной матрицы были построены две

Таблица 2
Коэффициенты корреляции Пирсона между индикаторами конформности и личностными диспозициями

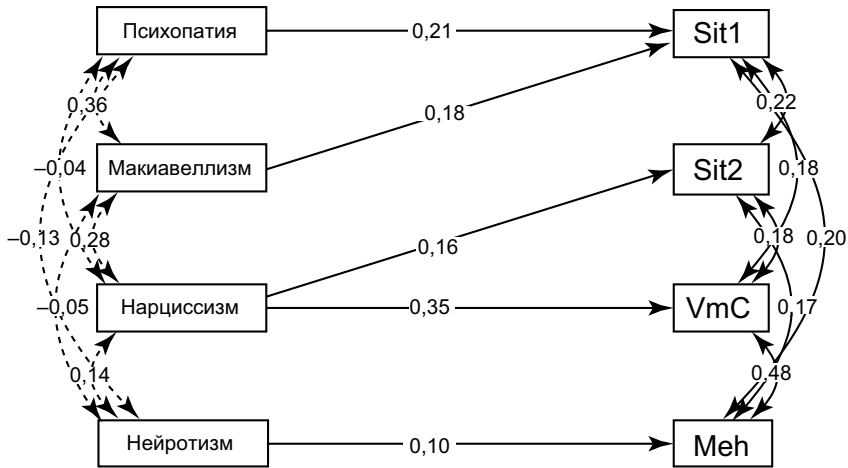
		Meh	VmC	Sit1	Sit2
Meh		–			
VmC		0,482***	–		
Sit1		0,187**	0,172**	–	
Sit2		0,183**	0,232***	0,225***	–
Триада Айзенка	E	–0,073	0,036	–0,028	–0,020
	N	0,145*	0,121*	0,025	0,038
	P	–0,032	–0,111	0,169**	0,016
	L	–0,031	–0,087	–0,123*	–0,055
Темная триада	Mach	0,084	0,197***	0,281***	0,066
	Psych	–0,103	–0,068	0,271***	0,055
	Narc	0,097	0,384***	0,017	0,169**

Примечание. Значимость: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$. Триада Айзенка: E — экстраверсия, N — нейротизм, P — психотизм, L — шкала лжи. Темная триада: Mach — макиавеллизм, Psych — психопатия, Narc — нарциссизм.

Table 2
Pearson correlation coefficients between conformity indices and personality dispositions

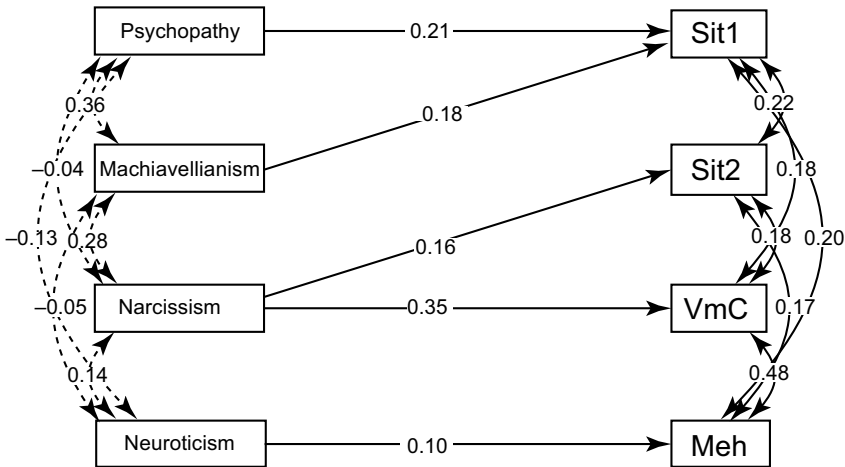
		Meh	VmC	Sit1	Sit2
Meh		–			
VmC		0.482***	–		
Sit1		0.187**	0.172**	–	
Sit2		0.183**	0.232***	0.225***	–
Eysenck's triad	E	–0.073	0.036	–0.028	–0.020
	N	0.145*	0.121*	0.025	0.038
	P	–0.032	–0.111	0.169**	0.016
	L	–0.031	–0.087	–0.123*	–0.055
Dark Triad	Mach	0.084	0.197***	0.281***	0.066
	Psych	–0.103	–0.068	0.271***	0.055
	Narc	0.097	0.384***	0.017	0.169**

Note. Significance: * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$. Eysenck's triad: E — extraversion, N — neuroticism, P — psychoticism, L — lie scale. Dark Triad: Mach — Machiavellianism, Psych — psychopathy, Narc — narcissism.

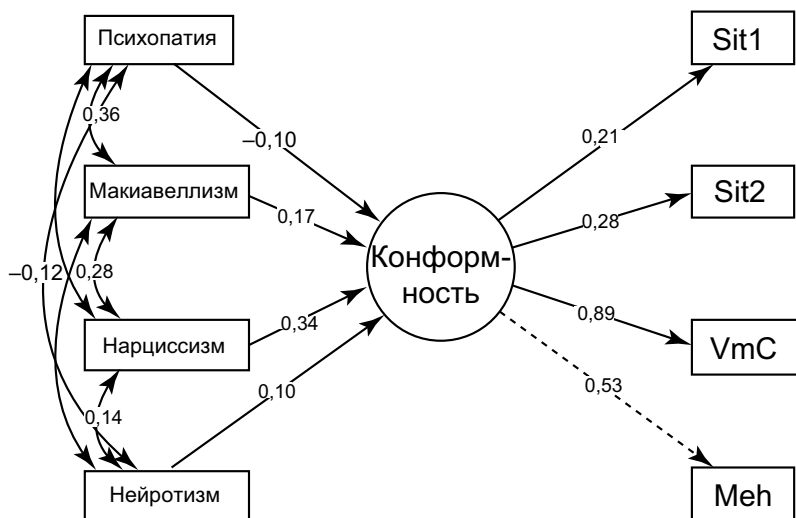
Примечание. Пунктирными линиями обозначены связи (пути) между экзогенными переменными.

Рисунок 1
Структурная модель без латентного фактора (стандартизованное решение)

Note. Dashed lines represent the connections (paths) between exogenous variables.

Figure 1
Structural model without latent factor (standardized solution)

Примечание. Пунктирная линия обозначает фиксированную факторную нагрузку первого индикатора, установленную на уровне 1 (нестандартизованное значение) для задания масштаба латентной переменной.

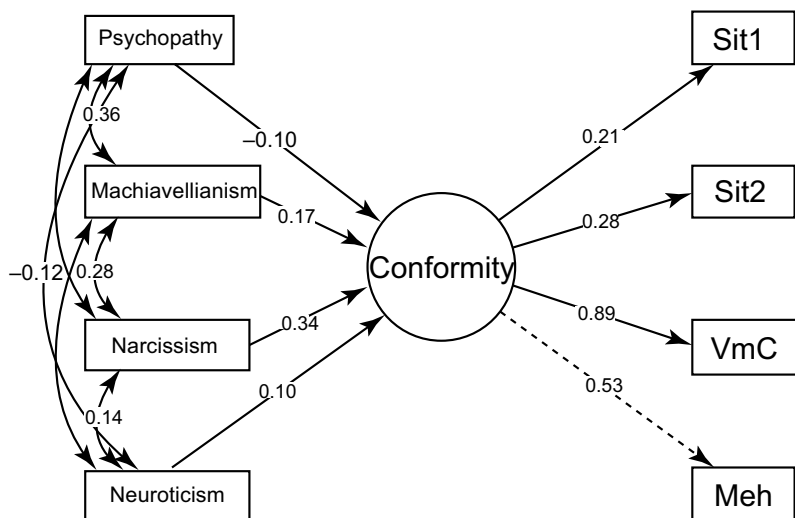
Рисунок 2

Структурная модель с латентным фактором конформности (стандартизованное решение)

структурные модели, одна из которых предполагала существование латентной переменной, другая — нет. Поскольку частный корреляционный анализ показал, что при контроле нарциссизма связи *vm*-конформности с нейротизмом и макиавеллизмом становятся незначимыми, они не были включены в модели. Также в модель не включен фактор психотизма, так как при контроле психопатии его связь со склонностью выбирать антисоциальные конформные ответы становится незначимой.

Структурная модель без латентного фактора (Рисунок 1) продемонстрировала отличные показатели пригодности: RMSEA [95 % CI] = 0,040 [0,000 0,079], SRMR = 0,036, CFI = 0,975, TLI = 0,949.

Структурная модель с латентным фактором конформности, определяющим самоотчетные индикаторы (Рисунок 2), продемонстрировала существенно худшие показатели пригодности: RMSEA [95 % CI] = 0,116 [0,089 0,144], SRMR = 0,070, CFI = 0,731, TLI = 0,578.

Note. A dashed line indicates the fixed factor loading of the first indicator set to 1 (unstandardized value) to establish the scale of the latent variable.

Figure 2

Structural model with latent conformity factor (standardized solution)

Обсуждение результатов

Результаты проведенного анализа показывают, что структурная модель без латентного фактора конформности лучше соответствует данным по сравнению с моделью, включающей латентный фактор. Это указывает на то, что различные типы самоотчетной конформности могут представлять собой независимые аспекты конформного поведения, а не проявления единой общей черты.

Данный результат позволяет объяснить противоречия, возникающие в исследованиях, посвященных изучению взаимосвязи конформности и личностных особенностей. Так, например, конформное поведение, подразумевающее нарушение социальных норм, становится тем вероятнее, чем выше уровни психопатии и макиавеллизма. Важно отметить, что сами подобные выборы отражают не только эти «темные диспозиции», но и конформность как таковую.

С другой стороны, конформные выборы, которые нельзя однозначно интерпретировать как социальные, а также моральная

конформность в виртуальной среде оказались связаны с нарциссизмом. Вероятно, данную взаимосвязь можно интерпретировать в рамках поведенческой стратегии «поиска репутации», основанной на ожидании социальных наград и наказаний. Формирование и развитие этой стратегии поддерживаются естественным отбором, социальной эволюцией и поведенческой обусловленностью (Bernheim, 1994). В основе этой стратегии лежит стремление человека к социальной адаптации и получению уважения, которое определяется общественным восприятием его действий. По-видимому, в социальном поведении нарциссичных индивидов этот поведенческий паттерн играет ключевую роль. Они стремятся к получению социальных наград и избеганию наказаний, что побуждает их к конформным реакциям в различных социальных ситуациях. В виртуальной среде, где социальное взаимодействие часто основано на поверхностных признаках одобрения, таких как лайки, комментарии и репосты, нарциссизм может существенно повышать вероятность конформных реакций. Однако в ситуациях, когда антисоциальное конформное поведение может вызвать осуждение со стороны более широкой социальной группы, нарциссичные индивиды могут предпочесть воздержаться от него, несмотря на внутригрупповую выгоду. Иными словами, репутационные издержки в широком социальном контексте могут превысить выгоды, получаемые в рамках конкретной общности.

Что касается нейротизма, то в нашем исследовании он оказался положительно связан с общим уровнем самоотчетной конформности. Как мы уже отмечали, предыдущие исследования в отношении этой связи противоречивы. В некоторых исследованиях выявляется положительная связь, в других — отрицательная или отсутствующая. Эти противоречия могут быть обусловлены различиями в методах измерения как конформности, так и нейротизма. В рамках модели Айзенка, которая использовалась в данном исследовании, зависимость (dependence) является одним из компонентов нейротизма (Eysenck et al., 1992). Эта зависимость предполагает склонность к тревожности и неуверенности в себе, что может способствовать повышенной конформности, так как индивиды с высоким уровнем нейротизма стремятся к поддержанию гармонии и избеганию конфликтов, что является существенным компонентом конформности в модели Мергяна и Стефл.

Полученные в нашем исследовании результаты свидетельствуют о необходимости целостного подхода в изучении и оценке конформ-

ности. Как указывают Н. Шер и коллеги, помимо классических экспериментальных исследований, для оценки социальной конформности используются традиционные шкалы самоотчета, метод семантического дифференциала, а также самоотчетные реакции испытуемых на гипотетические ситуации (Scher et al., 2007). При этом, как отмечают авторы, эти методы не всегда дают однозначные результаты, а уровень конформности в реальном экспериментальном исследовании, как правило, выше, чем в данных самоотчета (Scher et al., 2007). Вариативность методов оценки конформности может выступать источником противоречий в результатах различных исследований. В нашем исследовании было показано, что различные показатели самоотчетной конформности были взаимосвязаны друг с другом, однако, как показывает анализ структурных моделей, эти взаимосвязи не свидетельствуют о наличии общего латентного фактора. Это означает, что исследователям необходимо учитывать тип изучаемой конформности как при организации и проведении исследования, так и при формулировке выводов.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Хотя между всеми индикаторами конформности были обнаружены значимые взаимосвязи, их сила и характер не указывают на наличие единого латентного фактора, что подтверждается плохой пригодностью структурной модели с таким фактором. Данный результат свидетельствует в пользу предположения о том, что исследуемые типы самоотчетной конформности скорее являются независимыми аспектами конформного поведения, нежели представляют собой проявления единой латентной переменной (черты).

Было показано, что конформное поведение в различных контекстах может быть связано с разными наборами диспозиций. Это позволяет объяснить противоречия, возникающие в исследованиях конформного поведения и личностных особенностей. Так, индивид, конформный в одной ситуации, может проявлять контрконформное поведение в другой. Конформность и контрконформность являются гибкими стратегиями поведения, которые адаптируются к различным социальным и культурным контекстам и зависят от множества контингенций, вплетенных в жизненную историю человека. Практически это означает, что для оценки конформности необходимо использовать специфические шкалы и методы, учитывающие контекст и тип

конформного поведения, вместо попыток измерять конформность как единое целое.

Показано, что разработанная в рамках настоящего исследования шкала *vm*-конформности представляет собой надежный и валидный инструмент для оценки моральной конформности в виртуальной среде, который можно использовать для решения исследовательских задач. Разработка такой шкалы представляется особенно важной в контексте возрастающей цифровизации действительности, когда большая часть жизни современного человека протекает в виртуальной среде. В этой связи возрастает необходимость исследования социальной конформности не только в реальных, но и в виртуальных условиях.

Таким образом, полученные в нашем исследовании результаты указывают на сложность и многогранность конформного поведения, а также необходимость комплексного подхода к оценке и анализу феномена конформности, в том числе в условиях виртуальной среды.

Проведенное исследование не лишено ограничений, одним из которых является использование исключительно самоотчетных мер оценки конформности. Данное ограничение определяет дальнейшие направления исследований в области изучения социальной конформности. Перспективным представляется изучение взаимосвязей самоотчетной конформности с конформностью, операционализируемой через экспериментальное давление. Сочетание методов самоотчета и экспериментальной оценки позволит обеспечить комплексное изучение феномена конформности.

Стоит также отметить, что использованные гипотетические сценарии не проходили отдельной апробации. Их основная задача состояла в том, чтобы предоставить контекстуализированные ситуации для анализа выбора участников между конформным и неконформным поведением. Обнаруженные значимые корреляции показателей *Sit1* и *Sit2* с общим уровнем конформности, оцененным посредством шкалы Меграбяна и Стефл, свидетельствуют в пользу пригодности сценариев для целей текущего исследования. Кроме того, корреляционный анализ показывает, что разработанные сценарии способны различать контекстуально специфические типы конформности: конформные выборы, предполагающие нарушение социально одобряемых норм (*Sit1*), связаны с антисоциальными диспозициями личности, такими как психопатия и макиавеллизм, тогда как конформные действия в «нечетких» моральных ситуациях (*Sit2*) связаны с нарциссизмом, отражая скорее стратегию «поиска ре-

путации». Такие паттерны корреляций демонстрируют способность сценариев оценивать различные аспекты конформного поведения. При этом, безусловно, их отдельная валидизация является перспективным направлением будущих исследований.

В качестве еще одного потенциального ограничения исследования выступает несбалансированность выборки по полу: женщины составляют значительное большинство (75 %). В этой связи полученные выводы требуют определенной осторожности при обобщении на популяцию с другим гендерным составом. Отметим, однако, что, хотя согласно некоторым данным пол может являться значимым фактором в проявлении конформности, в нашем исследовании структура корреляционных связей между индикаторами самоотчетной конформности и личностными диспозициями в группах мужчин и женщин оказалась весьма схожей. Проведенный сравнительный анализ показал, что различия между коэффициентами корреляционных связей во всех случаях не являются значимыми (все $p > 0,05$). Это позволяет предположить, что полученные результаты могут быть репрезентативными для общей популяции независимо от гендерного состава. Однако для более надежных выводов необходимы дальнейшие исследования с более сбалансированной по полу выборкой.

Практическое применение

Разработанная и апробированная в данном исследовании шкала *vm*-конформности позволит существенно расширить психодиагностический инструментарий, направленный на оценку конформности. Полученная в исследовании модель конформности в структуре личностных черт может быть использована при интерпретации результатов исследований, посвященных взаимосвязи конформности и личностных особенностей.

Список литературы

Белинская, Е.П., Вознесенская, В.С. (2016). Проблема регуляции социального поведения в теориях информационного общества и реальность сетевого взаимодействия. *Психологические исследования*, 9(48). <https://doi.org/10.54359/rs.v9i48.440>

Злобина, М.В. (2023). Оценка психометрических характеристик шкалы конформности А. Меграбяна и К. Стефл. *Reflexio*, 16(2), 29–42. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2023-16-2-29-42>

Корнилова, Т.В., Корнилов, С.А., Чумакова, М.А., Талмач, М.С. (2015). Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина». *Психологический журнал*, 36(2), 99–112.

Слободская, Е.Р., Князев, Г.Г., Сафронова, М.В. (2006). Краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛЮА-К) и ее использование для оценки риска употребления психоактивных веществ. *Психологический журнал*, 27(3), 94–105.

Фёдоров, А.А., Рахманов, А.Ш. (2024). Моральная конформность при разных формах виртуального давления. *Экспериментальная психология*, 17(1), 118–130. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108>

Baron, R.S., Vandello, J.A., Brunsman, B. (1996). The forgotten variable in conformity research: Impact of task importance on social influence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(5), 915–927. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.5.915>

Bartels, D.M., Pizarro, D.A. (2011). The mismeasure of morals: Antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. *Cognition*, 121(1), 154–161. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2011.05.010>

Bereczkei, T., Deak, A., Papp, P., Perlaki, G., Orsi, G. (2013). Neural correlates of Machiavellian strategies in a social dilemma task. *Brain and Cognition*, 82(1), 108–116. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2013.02.012>

Bernheim, B.D. (1994). A Theory of Conformity. *Journal of Political Economy*, 102(5), 841–877. <https://doi.org/10.1086/261957>

Bocian, K., Gonidis, L., Everett, J.A.C. (2024). Moral conformity in a digital world: Human and nonhuman agents as a source of social pressure for judgments of moral character. *PLoS ONE*, 19(2), e0298293. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0298293>

Bostyn, D.H., Roets, A. (2017). An Asymmetric Moral Conformity Effect: Subjects Conform to Deontological But Not Consequentialist Majorities. *Social Psychological and Personality Science*, 8(3), 323–330.

Castrellon, J.J., Zald, D.H., Samanez-Larkin, G.R., Seaman, K.L. (2024). Adult age-related differences in susceptibility to social conformity pressures in self-control over daily desires. *Psychology and Aging*, 39(1), 102–112. <https://doi.org/10.1037/pag0000790>

Crutchfield, R.S. (1955). Conformity and Character. *American Psychologist*, 10, 191–198. <http://dx.doi.org/10.1037/h0040237>

DeYoung, C.G., Peterson, J.B., Higgins, D.M. (2002). Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? *Personality and Individual Differences*, 33(4), 533–552. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(01\)00171-4](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(01)00171-4)

Eysenck, H.J., Barrett, P., Wilson, G.D., Jackson, C.M. (1992). Primary trait measurement of the 21 components of the P-E-N system. *European Journal of Psychological Assessment*, 8(2), 109–117.

Faul, F., Erdfelder, E., Lang, A.-G., Buchner, A. (2007). G*Power 3: A flexible statistical power analysis program for the social, behavioral, and biomedical sciences. *Behavior Research Methods*, 39(2), 175–191. <https://doi.org/10.3758/BF03193146>

Franzen, A., Mader, S. (2023). The power of social influence: A replication and extension of the Asch experiment. *PLoS ONE*, 18(11), e0294325. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0294325>

Kelly, M., Ngo, L., Chituc, V., Huettel, S., Sinnott-Armstrong, W. (2017). Moral conformity in online interactions: rational justifications increase influence of peer opinions on moral judgments. *Social Influence*, 12(2-3), 57–68. <https://doi.org/10.1080/15534510.2017.1323007>

Keshmirian, A., Deroy, O., Bahrami, B. (2022). Many heads are more utilitarian than one. *Cognition*, 220, 104965. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104965>

Kosloff, S., Irish, S., Perreault, L., Anderson, G., Nottbohm, A. (2017). Assessing relationships between conformity and meta-traits in an Asch-like paradigm. *Social Influence*, 12(2-3), 90–100. <https://doi.org/10.1080/15534510.2017.1371639>

Lowry, P.B., Roberts, T.L., Romano, N.C., Cheney, P.D., Hightower, R.T. (2006). The impact of group size and social presence on small-group communication: Does computer-mediated communication make a difference? *Small Group Research*, 37(6), 631–661. <https://doi.org/10.1177/1046496406294322>

Mehrabian, A., Stefl, C.A. (1995). Basic temperament components of loneliness, shyness, and conformity. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 23(3), 253–263. <https://doi.org/10.2224/sbp.1995.23.3.253>

Nail, P.R., Di Domenico, S.I., MacDonald, G. (2013). Proposal of a Double Diamond Model of Social Response. *Review of General Psychology*, 17(1), 1–19. <https://doi.org/10.1037/a0030997>

Rosander, M., Eriksson, O. (2012). Conformity on the Internet — The role of task difficulty and gender differences. *Computers in Human Behavior*, 28(5), 1587–1595. <http://dx.doi.org/10.1016/j.chb.2012.03.023>

Scher, N., Thompson, T., Morgan, B.L. (2007). Self-Monitoring and Conformity: A Comparison of Self-Report and Behavioral Measures. *Psi Chi Journal of Psychological Research*, 4(12), 186–192.

Spears, R., Postmes, T., Lea, M., Wolbert, A. (2002). When are net effects gross products? The power of influence and the influence of power in computer-mediated communication. *Journal of Social Issues*, 58(1), 91–107. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00250>

Wijenayake, S., Berkel, N.V., Kostakos, V., Gonçalves, J. (2020). Impact of contextual and personal determinants on online social conformity. *Computers in Human Behavior*, 108, 106302. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.12.028>

Wijenayake, S., Berkel, N.V., Kostakos, V., Gonçalves, J. (2019). Measuring the Effects of Gender on Online Social Conformity. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 3, 1–24.

Zlobina, M.V., Fedorov, A.A. (2023). Moral conformity through the lens of bibliometric and content analysis. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(4), 713–729.

References

Baron, R.S., Vandello, J.A., Brunsman, B. (1996). The forgotten variable in conformity research: Impact of task importance on social influence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(5), 915–927. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.5.915>

Bartels, D.M., Pizarro, D.A. (2011). The mismeasure of morals: Antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. *Cognition*, 121(1), 154–161. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2011.05.010>

Belinskaya, E.P., Voznesenskaya, V.S. (2016). The Problem of Social Behavior Regulation in Theories of Information Society and the Reality of Network Interaction. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 9(48). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i4.440>

Bereczkei, T., Deak, A., Papp, P., Perlaki, G., Orsi, G. (2013). Neural correlates of Machiavellian strategies in a social dilemma task. *Brain and Cognition*, 82(1), 108–116. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2013.02.012>

Bernheim, B.D. (1994). A Theory of Conformity. *Journal of Political Economy*, 102(5), 841–877. <https://doi.org/10.1086/261957>

Bocian, K., Gonidis, L., Everett, J.A.C. (2024). Moral conformity in a digital world: Human and nonhuman agents as a source of social pressure for judgments of moral character. *PloS ONE*, 19(2), e0298293. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0298293>

Bostyn, D.H., Roets, A. (2017). An Asymmetric Moral Conformity Effect: Subjects Conform to Deontological but not Consequentialist Majorities. *Social Psychological and Personality Science*, 8(3), 323–330.

Castrellon, J.J., Zald, D.H., Samanez-Larkin, G.R., Seaman, K.L. (2024). Adult age-related differences in susceptibility to social conformity pressures in self-control over daily desires. *Psychology and Aging*, 39(1), 102–112. <https://doi.org/10.1037/pag0000790>

Crutchfield, R.S. (1955). Conformity and Character. *American Psychologist*, 10, 191–198. <http://dx.doi.org/10.1037/h0040237>

DeYoung, C.G., Peterson, J.B., Higgins, D.M. (2002). Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? *Personality and Individual Differences*, 33(4), 533–552. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(01\)00171-4](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(01)00171-4)

Eysenck, H.J., Barrett, P., Wilson, G.D., Jackson, C.M. (1992). Primary trait measurement of the 21 components of the P-E-N system. *European Journal of Psychological Assessment*, 8(2), 109–117.

Faul, F., Erdfelder, E., Lang, A.-G., Buchner, A. (2007). G*Power 3: A flexible statistical power analysis program for the social, behavioral, and biomedical sciences. *Behavior Research Methods*, 39(2), 175–191. <https://doi.org/10.3758/BF03193146>

Fedorov, A.A., Rahmanov, A.Sh. (2024). Moral Conformity Under Different Forms of Virtual Pressure. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 17(1), 118–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108>

Franzen, A., Mader, S. (2023). The power of social influence: A replication and extension of the Asch experiment. *PLoS ONE*, 18(11), e0294325. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0294325>

Kelly, M., Ngo, L., Chituc, V., Huettel, S., Sinnott-Armstrong, W. (2017). Moral conformity in online interactions: rational justifications increase influence of peer opinions on moral judgments. *Social Influence*, 12(2-3), 57–68. <https://doi.org/10.1080/15534510.2017.1323007>

Keshmirian, A., Deroy, O., Bahrami, B. (2022). Many heads are more utilitarian than one. *Cognition*, 220, 104965. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104965>

Kornilova, T.V., Kornilov, S.A., Chumakova, M.A., Talmach, M.S. (2015). Methodology for Diagnosing Personal Traits of the “Dark Triad”: Approbation of the “Dark Dozen” Questionnaire. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 36(2), 99–112. (In Russ.)

Kosloff, S., Irish, S., Perreault, L., Anderson, G., Nottbohm, A. (2017). Assessing relationships between conformity and meta-traits in an Asch-like paradigm. *Social Influence*, 12(2-3), 90–100. <https://doi.org/10.1080/15534510.2017.1371639>

Lowry, P.B., Roberts, T.L., Romano, N.C., Cheney, P.D., Hightower, R.T. (2006). The impact of group size and social presence on small-group communication: Does computer-mediated communication make a difference? *Small Group Research*, 37(6), 631–661. <https://doi.org/10.1177/1046496406294322>

Mehrabian, A., Stefl, C.A. (1995). Basic temperament components of loneliness, shyness, and conformity. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 23(3), 253–263. <https://doi.org/10.2224/sbp.1995.23.3.253>

Nail, P.R., Di Domenico, S.I., MacDonald, G. (2013). Proposal of a Double Diamond Model of Social Response. *Review of General Psychology*, 17(1), 1–19. <https://doi.org/10.1037/a0030997>

Rosander, M., Eriksson, O. (2012). Conformity on the Internet — The role of task difficulty and gender differences. *Computers in Human Behavior*, 28(5), 1587–1595. <http://dx.doi.org/10.1016/j.chb.2012.03.023>

Scher, N., Thompson, T., Morgan, B.L. (2007). Self-Monitoring and Conformity: A Comparison of Self-Report and Behavioral Measures. *Psi Chi Journal of Psychological Research*, 4(12), 186–192.

Slobodskaya, E.R., Knyazev, G.G., Safronova, M.V. (2006). A Short Form of the Eysenck Personality Questionnaire (EPQ-S) and its Use for Assessing the Risk of Psychoactive Substance Use. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 27(3), 94–105. (In Russ.)

Spears, R., Postmes, T., Lea, M., Wolbert, A. (2002). When are net effects gross products? The power of influence and the influence of power in computer-mediated communication. *Journal of Social Issues*, 58(1), 91–107. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00250>

Wijenayake, S., Berkel, N.V., Kostakos, V., Gonçalves, J. (2020). Impact of contextual and personal determinants on online social conformity. *Computers in Human Behavior*, 108, 106302. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.12.028>

Wijenayake, S., Berkel, N.V., Kostakos, V., Gonçalves, J. (2019). Measuring the Effects of Gender on Online Social Conformity. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 3, 1–24.

Zlobina, M.V. (2023). Evaluation of the Psychometric Characteristics of the A. Mehrabian and K. Stefl Conformity Scale. *Reflexio*, 16(2), 29–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2023-16-2-29-42>

Zlobina, M.V., Fedorov, A.A. (2023). Moral conformity through the lens of bibliometric and content analysis. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(4), 713–729.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Александрович Фёдоров, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исследования морального поведения, заведующий кафедрой клинической психологии, доцент кафедры психологии личности факультета медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Российская Федерация, fedleks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1272-7859>

Марина Владимировна Злобина, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории исследования морального поведения, старший преподаватель кафедры психологии личности факультета медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Российская Федерация, marinazlobina1991@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8793-9546>

ABOUT THE AUTHORS

Alexandr A. Fedorov, Cand. Sci. (Psychol.), Leading Researcher at the Laboratory of the Study of Moral Behavior, Head of the Section of Clinical Psychology, Associate Professor at the Section of Personality Psychology, V. Zelman Department of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, fedleks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1272-7859>

Marina V. Zlobina, Cand. Sci. (Psychol.), Research Associate at the Laboratory of the Study of Moral Behavior, Senior Lecturer at the Section of Personality Psychology, V. Zelman Department of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, marinazlobina1991@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8793-9546>

Поступила 18.09.2024. Получена после доработки 14.03.2025. Принята в печать 01.04.2025.

Received 18.09.2024. Revised 14.03.2025. Accepted 01.04.2025.

Приложение 1

Примеры гипотетических сценариев, содержащих ситуации конфликта, и два варианта их разрешения (в пользу индивида или группы)

Вы с друзьями играете командой в онлайн-игру по Сети. Один из игроков в вашей команде предлагает использовать чит-коды. Другие участники команды его в этом поддерживают. Вы знаете, что за использование чит-кодов возможна блокировка аккаунта. Ваши действия:

1. Поддержать использование читов и выиграть у другой команды.
2. Не поддерживать использование чит-кодов и, вероятно, проиграть игру.

Вы работаете в команде над проектом. Руководство вашей компании ожидает блестящие результаты по данному проекту, однако вы видите, что проект не оправдывает вложенных в него затрат. Ваши коллеги предлагают сфальсифицировать данные отчета, чтобы руководство не закрыло проект. Ваши действия:

1. Честно признаться, что проект провалился.
2. Поддержать коллег и представить руководству ложные данные о проекте.

Вы состоите в группе единомышленников в социальной сети «ВКонтакте». В какой-то момент вы замечаете, что ваш приятель стал объектом насмешек в комментариях в записях сообщества. Вы предпочтете:

1. Присоединиться к комментариям и, таким образом, сохранить расположение единомышленников.
2. Заступиться за своего знакомого, но в этом случае также стать вероятной жертвой кибербуллинга.

Вы вместе с друзьями посещаете выставку картин вашего общего друга. Ваши друзья высоко оценивают выставку, хотя вам она явно не нравится. Вы предпочтете:

1. Соврать о том, что выставка вам понравилась, чтобы не обижать друга.
2. Дать честную, хоть и неприятную, обратную связь своему другу.

Приложение 2

Шкала моральной конформности в виртуальной среде

Инструкция. Ниже вы увидите список общих утверждений. Возможно, вы не согласитесь с одними пунктами и согласитесь с другими. Здесь нет правильных и неправильных ответов. Пожалуйста, внимательно прочитайте каждое утверждение. Затем отметьте степень своего согласия или несогласия, опираясь на следующую шкалу: 1 — полностью не согласен; 2 — не согласен; 3 — кое в чем не согласен; 4 — ни то, ни другое; 5 — кое в чем согласен; 6 — согласен; 7 — полностью согласен.

1. Мои действия в виртуальном пространстве в значительной степени определяются тем, что считают другие пользователи.

2. Если мои действия в Интернете вызывают негативные реакции у других, я склонен(-на) изменить свое поведение.

3. Я часто опираюсь на рекомендации и советы других пользователей в Сети, чтобы принимать решения.

4. Мнение о моих поступках в Интернете оказывает существенное влияние на мои дальнейшие действия в Сети.

5. В случае конфликтных ситуаций в виртуальном пространстве я склонен(-на) искать компромиссы, чтобы избежать конфликта.

6. Я чувствую себя более комфортно в Интернете, когда мои действия соответствуют ожиданиям других пользователей.

7. Моральные нормы и ценности, принятые в моем виртуальном сообществе, оказывают влияние на мои решения и поступки в Сети.

8. Виртуальное сообщество имеет большое влияние на мои моральные ориентиры и поведение в Сети.

9. Я склонен(-на) приспособливать свои действия в Сети и выражение взглядов к мнению большинства пользователей.

Appendix 1

Examples of hypothetical scenarios containing conflict situations and two options for resolving them (in favor of an individual or a group)

You and your friends are playing an online game on a team. One of the players on your team suggests using cheat codes. The other team members support him in this. You know that using cheat codes can lead to an account block. Your actions:

1. Support the use of cheat codes and win against the other team.
2. Do not support the use of cheat codes and probably lose the game.

You are working on a project in a team. The management of your company expects brilliant results from this project. However, you see that the project does not justify the costs invested in it. Your colleagues suggest falsifying the report data so that the management does not close the project. Your actions:

1. Honestly admit that the project has failed.
2. Support your colleagues and provide false data about the project to the management.

You are a member of a group of like-minded people on the social network VKontakte. At some point, you notice that your friend has become the object of ridicule in the comments of a community post. You would prefer to:

1. Join the comments and thus maintain the goodwill of your like-minded people.
2. Stand up for your friend, though in this case you will also likely become a victim of cyberbullying.

You and your friends are visiting an exhibition of paintings by your mutual friend. Your friends highly rate the exhibition, although you clearly do not like it. You would prefer to:

1. Lie about liking the exhibition so as not to offend your friend.
2. Give honest, albeit unpleasant, feedback to your friend.

Appendix 2

Moral Conformity Scale in a Virtual Environment

Instructions. Below you will see a list of general statements. Perhaps you will disagree with some points and agree with others. There are no right or wrong answers. Please read each statement carefully. Then indicate the extent to which you agree or disagree using the following scale: 1 — completely disagree; 2 — disagree; 3 — somewhat disagree; 4 — neither; 5 — somewhat agree; 6 — agree; 7 — completely agree.

1. My actions in the virtual space are largely determined by what other users think.

2. If my actions on the Internet cause negative reactions in others, I tend to change my behaviour.

3. I often rely on the recommendations and advice of other users online to make decisions.

4. Opinions about my actions on the Internet have a significant impact on my further actions online.

5. In case of conflict situations in the virtual space, I tend to seek compromises in order to avoid conflict.

6. I feel more comfortable on the Internet when my actions meet the expectations of other users.

7. The moral standards and values accepted in my virtual community influence my decisions and actions online.

8. The virtual community has a great influence on my moral guidelines and behaviour online.

9. I tend to adapt my actions online and expression of views to the opinion of the majority of users.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / APPLIED STUDIES

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-18>

УДК/UDC 159.9.072

Личностные предикторы и «предохранители» профессионального выгорания врачей — представителей ядерной медицины

Т.С. Клименко , М.М. Абдуллаева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

 klimenko_tatyana@list.ru

Резюме

Актуальность. Ядерная медицина является одним из инновационных направлений здравоохранения. Это направление ассоциируется главным образом с диагностикой и лечением онкологических заболеваний, однако ее применение гораздо шире. Использование методов ядерной медицины является перспективным в том числе в таких направлениях, как неврология, кардиология. Развитие ядерной медицины требует не только создания современной инфраструктуры в комплексе с оборудованием экспертного класса, но и своевременной подготовки врачей, компетенции которых отвечают требованиям отрасли. При этом длительность и высокая стоимость подготовки специалистов в области ядерной медицины ставят вопрос сохранения профессионального здоровья действующего кадрового состава и выявления условий, предупреждающих развитие выгорания. Одним из предположений, объясняющих подверженность профессиональным деформациям, является наличие связи между развитием симптомов выгорания и личностными особенностями специалиста.

Цель. Эмпирическое изучение роли личностных факторов, провоцирующих развитие выгорания или оберегающих врачей ядерной медицины.

Выборка. В исследовании приняли участие 122 сотрудника отделений лучевой диагностики и лучевой терапии 23 учреждений РФ: 40 врачей-рентгенологов (33 %), 19 врачей-радиологов (15 %), 63 врача-радиотерапевта (52 %), из них 35 мужчин (28,7 %), 87 женщин (71,3 %).

Методы. Автобиографическая анкета, «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслах, С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, «Короткий портретный опросник большой пятерки»

(Б5-10) в адаптации М.С. Егоровой, О.В. Паршиковой, «Короткий опросник Темной триады» (ТТ) в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой.

Результаты. Высокие доброжелательность и сознательность врачей, их эмоциональная стабильность являются личностными чертами, защищающими их от развития выгорания, а невротизм, макиавеллизм, низкие доброжелательность и сознательность могут быть предикторами выгорания. Кроме того, выраженность фактора «Экстравертированность» у врачей-руководителей отличает их от рядовых врачей, при этом редукция личных достижений у последних значимо выше.

Выводы. Своевременное мониторирование симптомов выгорания кадрового состава позволит выделять группы риска по развитию профессиональных деформаций, а информация о личностных профилях врачей поможет превентивно реагировать на негативную симптоматику и составлять прицельную программу психологической помощи врачам.

Ключевые слова: ядерная медицина, личностные черты, профессиональное выгорание, личностный профиль, врач-рентгенолог, врач-радиотерапевт, профессиональный стандарт

Для цитирования: Клименко, Т.С., Абдуллаева, М.М. (2025). Личностные предикторы и «предохранители» профессионального выгорания врачей — представителей ядерной медицины. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 217–245. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-18>

Personality Predictors and “Fuses” of Professional Burnout in Nuclear Medicine Physicians

Tatiana S. Klimenko ✉, Mehriban M. Abdullaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ klimenko_tatyana@list.ru

Abstract

Background. Nuclear medicine is one of the innovative areas of healthcare. This area is associated mainly with the diagnosis and treatment of oncological diseases, though its application is much wider. The use of nuclear medicine methods is promising, including in such areas as neurology and cardiology. The development of nuclear medicine requires not only the creation of a modern infrastructure in combination with expert-class equipment, but also the timely training of doctors whose competencies meet the requirements of the industry. At the same time, the duration and high cost of training for specialists in the field of nuclear medicine

raises the issue of maintaining the professional health of the current staff and identifying conditions that prevent the development of burnout. One of the assumptions explaining susceptibility to professional deformations is the presence of a connection between the development of burnout symptoms and the personal characteristics of a specialist.

Objective. An empirical study is aimed at defining the role of personality factors that provoke the development of burnout or protect nuclear medicine physicians.

Study Participants. The study involved 122 employees of radiation diagnostics and radiation therapy departments of 23 institutions of the Russian Federation. A total of 122 respondents: 40 radiologists (33 %), 19 radiologists (15 %), 63 radiation therapists (52 %), of which 35 were men (28.7 %), and 87 were women (71.3 %).

Methods. Autobiographical questionnaire, “Diagnostics of professional burnout” by K. Maslakh, S. Jackson, adapted by N.E. Vodopyanova, E.S. Starchenkova, “Short portrait questionnaire of the Big Five” (B5-10) adapted by M.S. Egorova, O.V. Parshchikova, “Short questionnaire of the Dark Triad” adapted by M.S. Egorova, M.A. Sitnikova, O.V. Parshchikova.

Results. High Friendliness and conscientiousness of doctors, their emotional stability are personal traits that protect them from burnout, while neuroticism, Machiavellianism, low benevolence and conscientiousness can be predictors of burnout. In addition, the expression of the “Extroversion” factor in physician-managers distinguishes them from ordinary doctors, while the reduction of personal achievements in the latter is significantly higher.

Conclusions. Timely monitoring of burnout symptoms among staff will allow identifying risk groups for the development of professional deformations, and information about the personal profiles of doctors will help preventively respond to negative symptoms and create a targeted programme of psychological assistance to doctors.

Keywords: nuclear medicine, personality traits, professional burnout, personality profile, radiologist, radiation therapist, professional standard

For citation: Klimenko, T.S., Abdullaeva, M.M. (2025). Personality predictors and “fuses” of professional burnout in nuclear medicine physicians. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 217–245. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-18>

Введение

Сохранение психического и физического здоровья медицинских работников, обучение и подготовка к самостоятельной деятельности которых являются дорогостоящим по времени и затратам процессом, всегда было важной задачей как для самого субъекта деятельности, так и для общества. Степень актуальности этой задачи усиливается

нарастающим дефицитом кадров в здравоохранении во всем мире (Канева и др., 2024). Тяжелый, ответственный труд врачей, требующий систематического повышения квалификации и переподготовки, с часто ненормируемой нагрузкой и риском развития выгорания, не всегда должным образом вознаграждаемый, не позволяет сохранить в профессии достаточное количество специалистов. По данным Росстата, в Российской Федерации насчитывается более 137 000 медицинских организаций разной формы собственности. Одним из вызовов продолжает оставаться не только вовлечение в отрасль молодых специалистов, но и совершенствование инструментов поддержки и развития организационной среды для работающих профессионалов.

Область, в которой проблемы медицинской отрасли выражены наиболее ярко, — это ядерная медицина, основанная на стыке медицины («человек — человек»), физики («человек — природа») и современных технологий («человек — техника»). Работа в ядерной медицине связана с необходимостью дополнительного обучения врачей общего профиля для получения сертификата «врача-радиолога» и «лучевого терапевта», которое часто происходит на рабочем месте в формате наставничества со стороны более опытных коллег (Ильин, Бородина, 2022). Это обстоятельство увеличивает нагрузку не только на организацию, сталкивающуюся с высокой стоимостью и нехваткой технологического оборудования, но и на самих специалистов, совмещающих свое обучение с прямыми должностными обязанностями по диагностике и лечению пациентов. Отсутствие соответствия между фактически выполняемыми трудовыми задачами и существующей нормативной базой серьезно затрудняет подготовку медицинских специалистов для отрасли ядерной медицины в соответствии с требованиями работодателя (Клименко, Абдуллаева, 2024).

Сложность предметной области представителей ядерной медицины дополняется выраженностью трех «идентификационных ориентиров» (по Е.П. Ермолаевой) — инструментального, связанного с совершенным владением профессиональным инструментарием; индивидуального, отражающего неповторимые особенности субъекта деятельности, и социального, отвечающего социальным запросам и ожиданиям (Ермолаева, 2008). В ядерной медицине выделяются два типа специалистов, подготовка которых обычно осуществляется на рабочих местах непосредственно рядом с пациентом и у аппаратуры, — диагностирующие (радиорентгенологи) и лечащие (радиотерапевты). Риск выгорания этих специалистов связан с тяжестью

диагнозов пациентов, нуждающихся не только в квалифицированной врачебной помощи, но и в эмоциональной поддержке, что усиливает нагрузку на врачей.

История изучения выгорания, насчитывающая более 50 лет проводимых исследований, включает не только описание феноменологии его развития, определение симптомов, предикторов, последствий, но и создание концептуальных моделей, объясняющих возникновение этой профессиональной деформации и позволяющих разрабатывать превентивные программы (Demerouti et al., 2021; Chirico et al., 2021). На современном этапе выделяются 4 направления в изучении выгорания: 1) определение роли когнитивных процессов в возникновении выгорания: так, например, было показано, что снижение когнитивной гибкости связано с более высоким уровнем выгорания (Lemonaki et al., 2021); 2) развитие выгорания во времени: в исследовании А. Ван Дама (Van Dam, 2021) были выделены различные фазы выгорания, подтверждающие нелинейный характер его развития; А. Мякикангас (Mäkikangas et al., 2021) удалось в ходе 8-летнего исследования выделить три типичных профиля выгорания, имеющих разную степень встречаемости; 3) выделение контекстуальных и средовых характеристик, провоцирующих выгорание: так, например, Дж. Эскартин и др. (Escartin et al., 2021) показали, что психологически благополучный климат в коллективе отрицательно связан с эмоциональным истощением сотрудников; в своем исследовании Дж. Наранг и др. (Narang et al., 2022) выявили корреляцию более продолжительного рабочего дня с выгоранием; в ходе исследования особенностей формирования эмоционального выгорания у людей, чья деятельность включает в себя коммуникацию и взаимодействие с другими людьми, было отмечено, что выгорание зависит в том числе от качества отношений между людьми; 4) возможности восстановления после диагностирования выгорания, естественно зависящего от степени нарушений: так, было показано, что физические упражнения в течение 3 недель позволяют добиваться позитивных изменений в состоянии выгоревших участников (de Vries et al., 2021).

В нашей работе мы обратились к традиционной проблематике в изучении выгорания — связи личностных особенностей и выраженности негативной симптоматики, свидетельствующей о высоком уровне стресса, снижении психофизиологических ресурсов, сбое работы компенсаторных механизмов.

Предположение о том, что причины выгорания могут лежать в особенностях личности медицинских работников, возникает в ответ

на вопрос, почему одни врачи одного пола и возраста, работающие в одном и том же учреждении, выгорают, а другие — нет. Черты личности в основном объясняют, почему работники по-разному переживают выгорание при одинаковых стрессовых условиях работы. В одном из последних обзоров, посвященных пятифакторной модели личностных черт для объяснения риска выгорания работников, включавшем данные 83 исследований, было показано, что на высоком уровне значимости (от $p \leq 0,001$ до $p \leq 0,05$) высокие уровни невротизма и более низкие показатели доброжелательности, добросовестности, экстраверсии и открытости связаны с более высоким уровнем выгорания (Angelini, 2023).

Основной особенностью исследований в этой области является ориентация на определение роли личностных черт в развитии выгорания, выполняющих защитную или провоцирующую функции. В исследовании испанских медсестер хирургического профиля из 23 больниц были получены данные о том, что 29,4 % медсестер в выборке имеют высокий уровень эмоционального истощения, 25,7 % страдают от деперсонализации и 28 % демонстрируют низкий уровень личных достижений. Выраженность этих трех симптомов выгорания значимо коррелировала со всеми субшкалами пятифакторного опросника личности. Причем при $p = 0,001$ доброжелательность, являющаяся профессионально важным качеством медицинского персонала, несущего основную нагрузку по выхаживанию больных в послеоперационный период, оказалась самым сильным предиктором выгорания (Velando-Soriano et al., 2024). В исследовании Дж. Наранга и др. (Narang et al., 2022) врачи-мужчины, урологи, с высоким уровнем экстраверсии, демонстрировали низкий уровень выгорания, хотя среди урологов, согласно результатам опроса, больше половины жалуются на эту проблему. Уровень эмоционального выгорания во многом зависит от поведенческих стилей, которые, в свою очередь, обуславливают степень выраженности экстраверсии (Водопьянова, 2000). Н.Е. Водопьянова отмечает, что наиболее выраженное эмоциональное истощение и снижение личностных достижений наблюдаются у тех работников, которые в трудных жизненных ситуациях используют стили «избегание» и «приспособление», избегание решения проблем (Водопьянова, Старченкова, 2008).

Несмотря на большое количество данных о связи личностных особенностей с выгоранием у медицинского персонала, эта область остается слабоизученной, если учитывать связки личностных

черт между собой, например, экстраверсии и нарциссизма, доброжелательности и тревожности. Так, в исследовании Дж.Б. де Вине и Б. Моргана (De Vine, Morgan, 2020) использовалась бифакторная модель разных граней личностных черт и анализировались их связи с выгоранием. Оказалось, что в некоторых случаях полученные коэффициенты корреляции были противоположными по отношению к факторам, в связи с чем авторы считают, что целесообразно учитывать не только отдельные факторы, но и их фасеты.

Таким образом, в нашей работе мы обратились к изучению личностных особенностей представителей ядерной медицины — радиорентгенологов и радиотерапевтов. Сочетание «ядерная» и «медицина» задает особую специфику компетенций специалистов в этой области, связанную с междисциплинарным характером знаний. В ходе профессиографического исследования (Клименко, Абдуллаева, 2024) в качестве профессионально важных качеств, необходимых для осуществления деятельности в области ядерной медицины, респонденты радиорентгенологи выделяют: коммуникабельность (как способность донесения информации до пациента на «языке пациента»), 65 % респондентов отметили способность устанавливать конструктивные рабочие взаимоотношения, 40 % респондентов отмечают важность личной мотивации к профессиональному саморазвитию. Врачи-радиотерапевты в качестве профессионально важных качеств отмечают: коммуникабельность (формирование отношений в системе «врач — пациент», связанное со взаимодействием с пациентами и их родственниками, умением убеждать), 75 % респондентов отметили необходимость навыка принятия решений в условиях неопределенности с целью планирования дальнейшего лечения на основании показаний и диагностических данных, 100 % респондентов говорили о высоком уровне ответственности, 80 % сообщили о готовности к сотрудничеству и необходимости командной работы (план лечения разрабатывается совместно с медицинскими физиками и осуществляется в тесном сотрудничестве со средним медицинским персоналом), 60 % отметили эмпатию как необходимое профессионально важное качество.

Целью нашей работы являлось эмпирическое изучение роли личностных факторов, провоцирующих развитие выгорания и оберегающих от него врачей ядерной медицины с разным профессиональным опытом.

Выборка

В исследовании приняли участие сотрудники отделений лучевой диагностики и лучевой терапии 23 учреждений Российской Федерации.

122 респондента: 40 врачей-рентгенологов (33 %), 19 врачей-радиологов (15 %), 63 врача-радиотерапевта (52 %), из них 35 мужчин (28,7 %), 87 женщин (71,3 %). Минимальный возраст по выборке составил 25 лет, максимальный возраст 62 года, средний возраст — 38 лет. Образование респондентов — высшее.

В соответствии с общим медицинским стажем работы мы выделили следующие группы: 15 человек стаж до 1 года (12 %), 14 человек от 1 до 3 лет (11 %), 15 человек от 4 до 7 лет (12 %), 40 человек от 8 до 15 лет (33 %), 38 человек 15 лет и более (32 %). Респонденты являются сотрудниками организаций разной формы собственности.

Методы исследования

Опрос респондентов проводился в рабочее время, поэтому программа исследования разрабатывалась с учетом ограниченного времени у наших участников. Для сбора информации об автобиографических данных был использован онлайн-опросник, который включал вопросы о поле, возрасте, стаже работы (общем трудовом и стаже работы на текущем месте), уровне образования. В пакет методик для заполнения респондентами были включены три опросника с целью диагностики:

1) уровня выраженности профессионального выгорания (ПВ), для определения которого был использован стандартизированный опросник «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслах, С. Джексон в адаптации Н.Е Водопьяновой, Е.С. Старченковой (2008). Трехфакторная модель выгорания, предложенная К. Маслах, основана на представлении о выгорании как о трехмерном конструкте, включающем в себя три симптома — эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений. Эмоциональное истощение рассматривается как основная составляющая выгорания и проявляется в сниженном эмоциональном фоне, равнодушии (Белозерцева и др., 2003). Шкала «Эмоциональное истощение» (ЭИ) отражает тяжесть эмоционального состояния в связи с профессиональной деятельностью. Высокий показатель по этой шкале (от 25 баллов и выше) связан с угнетенностью, апатией, высоким утомлением, эмоциональной опустошенностью. Высокий показатель

по шкале «Деперсонализация» (Д) (от 11 и баллов и выше) говорит о циничном, черством, формальном отношении к пациентам, выраженности ощущения несправедливого к себе отношения со стороны пациентов. Шкала «Редукция личных достижений» (РД) является обратной, и высокий уровень (от 30 баллов и меньше) диагностирует снижение профессиональной активности, выполнение работы «по шаблону», дополняемое обесцениванием своего опыта и достигнутых результатов труда. Выгорание констатируется, если все три симптома попадают в диапазон высоких значений;

2) выраженности личностных черт, определяемой при помощи Короткого портретного опросника большой пятерки (Б5-10) в адаптации М.С. Егоровой, О.В. Паршиковой (Егорова, Паршикова, 2016). Опросник содержит 10 пунктов, каждый из которых представляет собой краткое описание человека, включающее 2–3 личностных характеристики, относящихся к одной из черт большой пятерки. В результате обработки данных мы получаем ориентировочную оценку большой пятерки, личностный профиль по выраженности невротизма, экстраверсии, доброжелательности, сознательности и открытости опыту;

3) выраженности черт темной триады, для чего был использован «Короткий опросник Темной триады» (ТТ) в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой (Егорова и др., 2015). Опросник содержит 27 утверждений — по 9 пунктов в шкалах макиавеллизма, неклинических нарциссизма и психопатии — негативных для окружающих черт, часто усложняющих отношения, но встречающихся в выборке психически нормальных людей. Если макиавеллизм как циничное пренебрежение этическими нормами и психопатия как признак бессердечного и манипулятивного поведения считаются абсолютно нежелательными характеристиками личности, то по отношению к неклиническим формам нарциссизма мнения исследователей расходятся (Красавцева, Корнилова, 2019). По каждой из шкал максимальное количество баллов — 45, минимальное — 9.

Респонденты проходили исследование индивидуально в онлайн-формате. Заполненные методики обрабатывались согласно авторским ключам. При статистической обработке использован пакет прикладных программ IBM SPSS Statistics 26.

Основное предположение нашего исследования, опирающееся на данные других авторов, состояло в том, что врачи с разным уровнем выраженности выгорания, которое «измерялось» отсутствием или выраженностью отдельных симптомов, будут иметь особенности

личностного профиля. Данное предположение было конкретизировано постановкой частных гипотез:

1. Личностные факторы могут играть разную роль — провоцирующую или оберегающую — в развитии отдельных симптомов выгорания.

2. Врачи, занимающие менеджерские позиции (заведующий отделением, главный врач), в силу дополнительной профессиональной нагрузки из-за руководящей позиции будут иметь более выраженные симптомы выгорания по сравнению с рядовыми врачами (радиорентгенологи и радиотерапевты) и отличаться от них личностным профилем.

Результаты исследования

Логика обработки полученных данных была продиктована проверкой выдвинутых гипотез. Рассмотрим результаты описательной статистики диагностических показателей, полученных по всей выборке респондентов.

**1. Общее описание и статистический анализ
диагностических показателей, полученных по методикам по
всей выборке**

В Таблице 1 представлены данные профессионального **выгорания** врачей ядерной медицины, участвовавших в исследовании. Все симптомы выгорания попали в диапазон средних значений.

Согласно диагностическим диапазонам оценки выгорания, средние показатели, полученные на нашей выборке, хотя и попадают в диапазон средних оценок, находятся на границе высоких значений. Учитывая величину стандартного отклонения, можно утверждать, что в выборке присутствуют врачи с разной степенью выраженности выгорания.

Таблица 1
Показатели выраженности симптомов выгорания по всей выборке (N = 109)

Симптомы выгорания	Мини-мум	Макси-мум	Среднее (стандартное отклонение)	Интерпретация диапазона
Эмоциональное истощение	6	51	24 (9,2)	средний
Деперсонализация	0	30	9,8 (6,1)	средний
Редукция личных достижений	6	48	32,9 (7,4) (обратная)	средний

Table 1
Indicators of severity of burnout symptoms for the entire sample (N = 109)

Symptoms of burnout	Minimum	Maximum	Mean (standard deviation)	Interpretation of the range
Emotional exhaustion	6	51	24 (9.2)	average
Depersonalization	0	30	9.8 (6.1)	average
Reduction of personal achievements	6	48	32.9 (7.4) (reverse)	average

Средние показатели *Темной триады черт* по всей выборке представлены в Таблице 2. Согласно диагностическим диапазонам, значения по шкале «Макиавеллизм» приближаются к порогу выше среднего, по шкале «Нарциссизм» в пределах средних значений, «Психопатия» находится ниже средних значений.

Средние показатели выраженности личностных черт по всей выборке (Таблица 3) по шкалам «Доброжелательность», «Сознательность» приближаются к порогу максимальных, показатели по шкалам «Экстраверсия», «Открытость опыту» находятся выше среднего, показатель по шкале «Невротизм» в пределах среднего, что вполне вписывается в портрет «идеального» врача, работающего с тяжелой нозологией пациентов (Осипова, Семина, 2017).

Таблица 2
Показатели выраженности Темной триады по всей выборке (N = 105)

Симптомы выгорания	Минимум	Максимум	Среднее (стандартное отклонение)	Интерпретация
Макиавеллизм	14	43	28,5 (6,4)	выше среднего
Психопатия	9	32	14,9 (4,8)	ниже среднего
Нарциссизм	10	36	23,5 (6,4)	~ среднее

Table 2
Indicators of the severity of the Dark Triad for the entire sample (N = 105)

Symptoms of burnout	Minimum	Maximum	Mean (standard deviation)	Interpretation
Machiavellianism	14	43	28.5 (6.4)	above average
Psychopathy	9	32	14.9 (4.8)	below average
Narcissism	10	36	23.5 (6.4)	~ average

Таблица 3
Показатели выраженности большой пятерки личностных черт (N = 103)

Черты Большой пятерки	Минимум	Максимум	Среднее (стандартное отклонение)	Интерпретация
Экстраверсия	2	12	7,9 (2,6)	выше среднего
Доброжелательность	5	12	9,7 (1,9)	пороговое максимальное
Сознательность	5	12	10 (1,7)	пороговое максимальное
Невротизм	2	12	5,7 (2,2)	среднее
Открытость опыту	3	12	8,2 (2,2)	выше среднего

Table 3
Indicators of the expression of the Big Five Personality Traits (N = 103)

Big Five Traits	Minimum	Maximum	Mean (standard deviation)	Interpretation
Extroversion	2	12	7.9 (2.6)	above average
Friendliness	5	12	9.7 (1.9)	threshold maximum
Consciousness	5	12	10 (1.7)	threshold maximum
Neuroticism	2	12	5.7 (2.2)	average
Openness to experience	3	12	8.2 (2.2)	above average

По итогам корреляционного анализа с использованием коэффициента Спирмена к личностным переменным и показателям выгорания выявлено, что чем сильнее выражены эмоциональная усталость и равнодушие к пациентам у врачей, выражающиеся, например, в поведении как общее нежелание работать и в чувствах в виде повышенной раздражительности и гнева, тем больше они отмечают у себя снижение доброжелательности ($r = -0,394$, $p < 0,001$), нарастание эмоциональной нестабильности ($r = 0,479$, $p < 0,001$) и импульсивной жестокости ($r = 0,298$, $p = 0,002$). Интересно, что редукция личных достижений (обратная шкала), связанная, прежде всего, с обесцениванием результатов своего труда и ценности своей работы, значимо коррелирует с уменьшением экстраверсии ($r = 0,531$, $p < 0,001$) и сознательности ($r = 0,476$, $p < 0,001$), увеличением нарциссизма ($r = 0,375$, $p < 0,001$) и невротизма ($r = -0,325$, $p = 0,001$). Врачи,

констатирующие у себя избегание коллег и пациентов, уменьшение радости от результатов работы, выполнение ее по шаблону, отмечают и потребность в восхищении и обожании, преувеличивают чувство собственной значимости.

Для выявления скрытых переменных, объясняющих многомерную структуру измеренных личностных характеристик, нами был предпринят факторный анализ на основе матрицы интеркорреляций переменных с использованием коэффициента Спирмена. Применялся метод максимального правдоподобия с вращением Варимакс с нормализацией Кайзера. Мера адекватности выбора КМО составила 0,751, критерий сферичности Бартлетта $p < 0,001$. После 5 итераций было получено трехфакторное решение (Таблица 4), описывающее 66,7 % дисперсии данных.

Таким образом, 8 личностных черт объединились в три фактора. Первый фактор, описывающий 23,9 % дисперсии, представлен одним полюсом и составлен из трех черт — экстраверсии, нарциссизма и открытости опыту. Если рассматривать фасеты этих черт, то они вполне дополняют друг друга, во всяком случае не противоречат и не исключают друг друга. Например, общительность и активность экстраверта сочетается с демонстративностью и авторитарностью нарциссической личности, а открытость опыту как показатель

Таблица 4

Факторная структура личностных черт, полученная на всей выборке (N = 103)

Личностные характеристики	Фактор 1 (23,9 %)	Фактор 2 (23,9 %)	Фактор 3 (18,9 %)
	Вес нагрузки	Вес нагрузки	Вес нагрузки
Экстраверсия (B5)	0,835		
Нарциссизм (ТТ)	0,772		
Открытость опыту (B5)	0,734		
Невротизм (B5)		-0,765	
Сознательность (B5)		0,729	
Доброжелательность (B5)		0,649	
Психопатия (ТТ)		-0,575	0,562
Макиавеллизм (ТТ)			0,891
Условное обозначение факторов			
	Экстравертированность	Сознательность и невротизм	Макиавеллизм

Table 4
Factor structure of personality traits obtained for the entire sample (N=103)

Personality characteristics	Factor 1 (23.9 %)	Factor 2 (23.9 %)	Factor 3 (18.9 %)
	Load weight	Load weight	Load weight
Extraversion (B5)	0.835		
Narcissism (TT)	0.772		
Openness to experience (B5)	0.734		
Neuroticism (B5)		−0.765	
Conscientiousness (B5)		0.729	
Agreeableness (B5)		0.649	
Psychopathy (TT)		−0.575	0.562
Machiavellianism (TT)			0.891
	Conventional designation of factors		
	Extroversion	Conscientiousness and neuroticism	Machiavellianism

интеллектуального любопытства должна быть свойственна врачам, занимающимся диагностикой и лечением больных при помощи специальной аппаратуры (Panayides et al., 2020). Второй фактор, описывающий 23,9 % дисперсии, представлен двумя полюсами: с одной стороны сознательность, доброжелательность и с другой — невротизм, психопатия. Оценивая личностные характеристики по этому фактору, врачи описывают себя и своих коллег либо как ответственных, надежных, мотивированных, при этом чутких, теплых в общении, избегающих конфликтов, либо как эмоционально нестабильных, тревожных, бессердечных по отношению к окружающим, со сниженной способностью к сопереживанию, эгоцентричных. Высокие значения сознательности и доброжелательности можно рассматривать как предпосылку благополучной адаптации к стрессовой ситуации (Егорова и др., 2020), что является необходимым в работе со сложной категорией пациентов и их родственниками. Третий фактор, описывающий 18,9 %, представлен склейкой двух негативных черт — психопатии и макиавеллизма. Таким образом, в описании личности врача выделяется особый фактор, включающий набор черт, недопустимый в работе со страдающими людьми и нуждающимися в его профессиональной помощи. В работе отечественных социологов Н.Г. Осиповой и Т.В. Семиной, обсуждающих принципы поведения

врача по отношению к больному, подчеркивается, что под влиянием реформ здравоохранения отчуждение врачей от пациентов приняло массовый характер (Осипова, Семина, 2017). На наш взгляд, в третьем факторе отражается, по мнению самих врачей, опасность поверхностности эмоциональных реакций, отсутствие раскаяния в причинении вреда другому человеку, лживость, бессердечие. Люди с высокими показателями психопатии и макиавеллизма не испытывают чувства сострадания к другим, что свидетельствует о безразличии к другим, об отсутствии эмпатии (Paulhus, Williams, 2002).

Врачи, принявшие участие в нашем исследовании, описывая личность, условно опираются на три измерения: 1) «внешне выраженное», связанное с общением, активностью; 2) описывающее «изнутри» — сознательность и доброжелательность, с одной стороны, и невротичность, с другой; 3) макиавеллизм как поведенческая характеристика «исполнения», ориентации на проблему, а не на людей (Филиппу, 2020).

2. Проверка основной гипотезы, определение характера вклада личностных факторов в развитие выгорания

Проверка основной гипотезы нашего исследования о том, что врачи с разным уровнем выгорания будут иметь разные личностные профили, предполагала выделение групп врачей, статистически значимо различающихся по выраженности симптомов выгорания. В этих целях нами была проведена процедура кластеризации методом *k*-средних, которая позволила выделить 2 группы врачей.

В кластер 1 (67 респондентов) вошли условно названные «благополучными» респонденты с точки зрения симптомов выгорания со средним показателем по шкале «Эмоциональное истощение» (18,97), средним показателем по шкале «Деперсонализация» (6,39), средним показателем по шкале «Редукция личных достижений» (далее «РЛД») (35,91). В кластер 2 (42 респондента) вошли «неблагополучные» (с симптомами выгорания) респонденты с высоким показателем по шкале «Эмоциональное истощение» (33,19), с высоким показателем по шкале «Деперсонализация» (15,24), со средним уровнем «РЛД» (28,02). Нами были выявлены статистически значимые различия по личностным факторам между группами врачей с низким и высоким уровнем выгорания (Таблица 5).

В группе 1 (благополучные со стороны выгорания) средние значения по показателям экстраверсии, доброжелательности, сознательности, открытости опыту, нарциссизму выше, чем в группе 2. В свою

Таблица 5
Статистически значимые различия по выраженности личностных черт между двумя группами врачей, выделенные по выраженности симптомов выгорания

Личностные черты	Группа 1 «Условно благополучные» (N = 67)		Группа 2 «С симптомами выгорания» (N = 43)		Уровень значимости различий
	Среднее	Ср. откл.	Среднее	Ср. откл.	
Экстраверсия (B5)	8,640	2,522	6,894	2,310	0,001
Доброжелательность (B5)	10,343	1,565	8,605	1,952	<0,001
Сознательность (B5)	10,562	1,478	9,052	1,675	<0,001
Невротизм (B5)	5,062	1,859	6,736	2,367	0,003
Открытость опыту (B5)	8,750	2,182	7,315	2,169	0,003
Макиавеллизм (ТТ)	27,833	6,264	29,973	6,626	0,405
Нарциссизм (ТТ)	24,181	6,241	22,297	6,441	0,037
Психопатия (ТТ)	13,712	3,585	17,054	5,999	0,004

Table 5
Statistically significant differences in the severity of personality traits expression between the two groups of doctors, identified by the severity of burnout symptoms

Personality traits	Group 1 “Conditionally prosperous” (N = 67)		Group 2 “With symptoms of burnout” (N = 43)		Level of significance of differences
	Average	St. deviation	Average	St. deviation	
Extraversion (B5)	8.640	2.522	6.894	2.310	0.001
Friendliness (B5)	10.343	1.565	8.605	1.952	<0.001
Conscientiousness (B5)	10.562	1.478	9.052	1.675	<0.001
Neuroticism (B5)	5.062	1.859	6.736	2.367	0.003
Openness to experience (B5)	8.750	2.182	7.315	2.169	0.003
Machiavellianism (ТТ)	27.833	6.264	29.973	6.626	0.405
Narcissism (ТТ)	24.181	6.241	22.297	6.441	0.037
Psychopathy (ТТ)	13.712	3.585	17.054	5.999	0.004

очередь, группа 2 (с симптомами выгорания) отличается более высокими средними показателями по шкалам невротизма, психопатии.

Для исследования влияния личностных особенностей, выступивших в качестве независимых переменных, на симптомы выгорания

(зависимые переменные), применен мультирегрессионный анализ пошаговым методом Stepwise с оценкой значимости по ANOVA, было рассмотрено три модели. Изучение этих моделей позволило составить регрессионные уравнения, описывающие зависимости эмоционального истощения (ЭИ), деперсонализации (Д) и редукции личных достижений (РЛД) от выделенных личностных факторов — экстравертированность (Фактор 1), сознательность и невротизм (Фактор 2), макиавеллизм (Фактор 3). Стандартизованные коэффициенты полученных регрессионных уравнений приведены в Таблице 6.

Для симптома ЭИ было изучено 3 модели, в итоге выбор был осуществлен в пользу 3-й модели с $R = 0,622$, где скорректированный $R^2 = 0,387$, уравнение приняло следующий вид:

$$\text{ЭИ} = 24,018 - 1,665 \times \text{Экстравертированность} - 5,113 \times \text{Сознательность/Невротизм} + 1,797 \times \text{Макиавеллизм},$$

что означает зависимость ЭИ от трех полученных личностных факторов. Врач с уменьшением экстравертированности, сознательности, увеличением невротизма и проявлениями макиавеллизма характеризуется развитием симптома эмоционального истощения.

Таблица 6
Стандартизованные коэффициенты из полученных регрессионных уравнений

Личностные факторы	Эмоциональное истощение (ЭИ)	Деперсонализация (Д)	Редукция личных достижений (РЛД)
Фактор 1 Экстравертированность	-0,562	-0,499	0,483
Фактор 2 Сознательность и невротизм	-0,197	-0,281	0,469
Фактор 3 Макиавеллизм	0,184	0,264	

Table 6
Standardized coefficients from the obtained regression equations

Personality Factors	Emotional exhaustion (EE)	Depersonalization (D)	Reduction of personal achievements (RPA)
Factor 1 Extraversion	-0.562	-0.499	0.483
Factor 2 Conscientiousness and Neuroticism	-0.197	-0.281	0.469
Factor 3 Machiavellianism	0.184	0.264	

Интересно, что в регрессионном уравнении, составленном на основании 3-й модели с $R = 0,629$, где скорректированный $R^2 = 0,396$, для симптома деперсонализации присутствуют те же факторы, что и в уравнении, описывающем эмоциональное истощение:

$$Д = 9,533 - 1,605 \times \text{Экстравертированность} - \\ - 3,04 \times \text{Сознательность/Невроти́зм} + 1,797 \times \text{Макиавеллизм}.$$

В регрессионном уравнении, полученном для симптома редукции личных достижений на основе 2-й модели с $R = 0,674$, где скорректированный $R^2 = 0,455$, проявились первые два фактора, но с положительными коэффициентами:

$$\text{РЛД} = 33,133 + 3,568 \times \text{Экстравертированность} + 3,475 \times \\ \times \text{Сознательность/Невроти́зм}.$$

Учитывая, что РЛД — обратная шкала, мы можем утверждать, что чем менее экстравертирован и сознателен врач, тем сильнее он подвержен редукции личных достижений. Возможно, такая редукция достижений, выражаемая в снижении чувства компетентности в своей работе и недовольстве собой в профессиональной сфере, связана с необходимостью постоянно доучиваться в сфере ядерной медицины. В ранее проведенных исследованиях, помимо основных задач, которые касаются диагностики или лечения, респонденты в качестве обязательных отмечали следующие задачи (не входящие в перечень основных): коммуникации с пациентами по причине переноса записи (например, в случае поломки оборудования, нехватки радиофармпрепарата), коммуникации с родственниками пациентов (в случае тяжелого физического состояния пациента, в силу интеллектуальных особенностей), подготовка презентаций и выступление на профильных мероприятиях в профессиональном сообществе, обучение новых сотрудников и стажеров в отделении, немаловажными являются коммуникации с направляющими врачами-клиницистами (Клименко, Абдуллаева, 2024). Чем более внешне ангажирован врач ядерной медицины, чем более он жаждет быть в центре внимания, сознателен и доброжелателен и при этом открыт новому, тем меньше у него будет выражено недовольство собой. Таким образом, экстравертированность и сознательность являются факторами, препятствующими развитию симптомов эмоционального истощения, деперсонализации и редукции личных достижений у врачей, работающих в области ядерной медицины.

3. Проверка гипотезы о различии в выгорании и личностных профилях рядовых врачей и врачей, занимающих руководящие должности

Данные исследования выгорания как профессиональной деформации, связанной со специфичностью рабочей нагрузки и длительностью рабочего дня, позволили нам сделать следующее предположение о том, что врачи, имеющие дополнительную нагрузку в силу своей руководящей должности, требующей особых навыков и личностных особенностей, будут отличаться от рядовых врачей выраженностью симптомов выгорания и личностных черт. Исследователи единодушны во мнении, что деятельность руководителя характеризуется высокой степенью сложности и специфическими особенностями и что руководители должны обладать рядом субъектных и личностных качеств, определяющих их социально-общественную ориентацию, высокий профессионализм и лидерский потенциал (Твилле и др., 2023, Куатова, Жакупова, 2023). Для этого мы сравнили группу врачей-руководителей (заведующие отделениями, главные врачи), 44 человека, с группой рядовых врачей (радиологов, радиотерапевтов), 44 человека, по личностным факторам и выгоранию по критерию Манна — Уитни.

Сравнение врачей-руководителей и рядовых врачей обнаружило интересные результаты (Таблица 7): врачи-руководители оказались

Таблица 7
Статистически значимые различия в выраженности симптомов выгорания между группами руководителей и рядовых врачей

Симптомы выгорания	Врачи-руководители (44 чел.)		Рядовые врачи (44 чел.)		p	Размер эффекта Коэфф. D Коэна
	Ср. (ст. откл.)	Интерпре- тация	Ср. (ст. откл.)	Интерпре- тация		
РЛД	35,0 (7,1)	средний → низкий	31,66 (8,0)	средний → высокий	0,040	0,442
Фактор 1						
Экстраверсия (B5)	9,28 (1,85)	ниже среднего	7,07 (2,75)	ниже среднего	<0,001	0,943
Открытость опыту (B5)	9,38 (1,87)	ниже среднего	7,88 (2,5)	ниже среднего	0,007	0,679
Нарциссизм (TT)	26,7 (5,9)	выше среднего	22,87 (6,27)	ниже среднего	0,012	0,629

Table 7
Statistically significant differences in the severity of burnout symptoms between groups — managers and ordinary doctors

Symptoms of burnout	Doctors-managers (44 people)		Ordinary doctors (44 people)		Differences	Effect size Cohen's D
	average (standard deviation)	Interpretation	average (standard deviation)	Interpretation		
Reduction of personal achievements	35.0 (7.1)	medium → low	31.66 (8.0)	medium → high	0.040	0.442
Factor 1						
Extraversion (B5)	9.28 (1.85)	below average	7.07 (2.75)	below average	<0.001	0.943
Openness to experience (B5)	9.38 (1.87)	below average	7.88 (2.5)	below average	0.007	0.679
Narcissism (TT)	26.7 (5.9)	above average	22.87 (6.27)	below average	0.012	0.629

значимо более благополучны со стороны симптома редукции личных достижений по сравнению с рядовыми врачами, несмотря на то, что средние значения попадают в диапазон среднего уровня выраженности показателя. Врачи, занимающие менеджерские позиции, кажется, имеют больше оснований быть довольными своей работой и своими достижениями, несмотря на более высокую нагрузку. Однако, если мы обратим внимание на различия, полученные по первому личностному фактору, названному нами «Экстравертированность», куда входят черты экстраверсия, открытость опыту и нарциссизм, мы можем допустить, что этот паттерн личностных черт обеспечивает снижение редукции личных достижений.

Обсуждение результатов

В нашем исследовании приняли участие врачи ядерной медицины, занимающиеся пациентом на различных этапах, имеющих разные цели, но равноценно важных и связанных между собой — диагностики (оценки развития опухолей методами ПЭТ-КТ) и лучевой терапии.

1. В описании личностных особенностей врача ядерной медицины выделяются три фактора: «экстравертированность», связанная с «внешними» проявлениями — с общением, активностью; «созна-

тельность/невротизм», описывающий «изнутри»; «макиавеллизм» как общая ориентация на решение проблемы, а не на людей. Таким образом, врачи ядерной медицины с разным уровнем благополучия со стороны выгорания различаются по личностному профилю. Интересно, что неклинический нарциссизм, относящийся к Темной триаде черт, выражающийся в жажде признания, уверенности человека в собственной исключительности, склонности преувеличивать свой вклад в общее дело, сильнее выражен у «благополучных» врачей. Неслучайно нарциссизм называют «светлой» стороной Темной триады, в исследованиях было показано, что он связан с вербальным интеллектом и толерантностью к неопределенности (Красавцева, Корнилова, 2019). Противоречивость нарциссизма подтверждается связью его разных фaset с альтруистическими проявлениями (самоотверженностью, бескорыстной заботой о другом) у врачей-ординаторов. Оказалось, что «эгоистичность в межличностных отношениях» снижает проявление альтруистических установок, а «грандиозность» — усиливает (Леонова, Леонов, 2021). Современные философы, рефлексировавшие постмодернистские трансформации в обществе, говорят о наступлении «нарциссической культуры», приводящей к самоизоляции специалистов из-за обесценивания профессионализма, к легитимизации эгоцентризма. Возможно, в сочетании черт большой пятерки и нарциссизма отражается кардинальный культурный сдвиг, когда «важно уже не “завоевывать сердца и души”, а пребывать в восхищении от себя и своего близкого окружения» (Ореховский, Разумов, 2021).

2. Проверка основной гипотезы нашего исследования о том, что врачи с разным уровнем выгорания будут иметь разные личностные профили, позволила гипотезу принять. Но следует отметить, что выделенные группы небольшие по размеру, что отчасти говорит о степени профессионального благополучия врачей в целом. Так, только у одного человека из 110 принявших участие в исследовании был диагностирован синдром выгорания, но при этом только 67 врачей являются условно благополучными со стороны выгорания. В группе респондентов, благополучных со стороны выгорания, средние значения по показателям экстраверсии, доброжелательности, сознательности, открытости опыту, нарциссизму выше, по сравнению с группой респондентов, неблагополучных со стороны выгорания, для которых характерны более высокие средние показатели по шкалам макиавеллизма и психопатии.

3. Содержательный анализ регрессионных моделей, объясняющих вклад разных черт в развитие симптомов выгорания, показал, что высокие доброжелательность и сознательность врачей и их эмоциональная стабильность являются личностными чертами, защищающими их от развития выгорания, а невротизм, макиавеллизм, низкие доброжелательность и сознательность могут быть предикторами выгорания.

Вопрос, который закономерно возникает при обсуждении полученных данных, связан с проблемой стабильности черт и необходимости изучения степени проявленности данных черт в процессе профессионального развития.

4. Результаты сравнительного анализа выраженности личностных черт и симптомов выгорания у врачей-управленцев ядерной медицины и рядовых врачей показали, что врачи-менеджеры значимо отличаются от рядовых врачей выраженностью фактора «Экстравертированность» и демонстрируют тенденцию к низкой редукции личных достижений, что свидетельствует об их высокой самоэффективности. Возможно, данные личностные черты оказываются необходимыми для выполнения трудовых задач и в некоторой степени являются драйверами для продвижения по служебной лестнице наряду с иными характеристиками. В силу своих должностных обязанностей они являются коммуникаторами внутри организации и представляют ее интересы во внешнем поле, что требует открытости новому опыту. Нарциссизм можно рассматривать как наиболее противоречивое свойство Темной триады с точки зрения связей между когнитивными и аффективными составляющими, соотношения самосознания личности и глубинных личностных механизмов саморегуляции.

Ранее проведенные исследования указывают на связь нарциссизма и экстраверсии. Оказалось, что нарциссизм, как и другие свойства Темной триады, положительно коррелирует с нейротизмом и враждебностью. С другими чертами Темной триады его роднит заинтересованность в контроле, доминировании и эксплуатации других. Наряду с указанием «темных» сторон, нельзя отрицать, что нарциссизм свойственен лицам, берущим ответственность за принятие решений (Красавцева, Корнилова, 2019).

Таким образом, полученные нами данные говорят о важности учета личностных особенностей при назначении врачей на руководящие позиции. Экстраверсия, открытость опыту и неклинический нарциссизм становятся теми чертами, которые обеспечивают психологическими ресурсами деятельность менеджеров в сфере ядерной медицины.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Врачи ядерной медицины с разным уровнем благополучия со стороны выгорания различаются по личностному профилю. В описании личностных особенностей врача ядерной медицины выделяются три фактора: «экстравертированность», «сознательность/невротизм», «макиавеллизм» как общая ориентация на решение проблемы, а не на людей.

2. Группы врачей с разным уровнем выраженности профессионального выгорания обладают специфическим личностным профилем. В группе респондентов, благополучных со стороны выгорания, средние значения по показателям экстраверсия, доброжелательность, сознательность, открытость опыту, нарциссизм являются более высокими.

3. Высокие доброжелательность и сознательность врачей и их эмоциональная стабильность являются личностными чертами, защищающими их от развития выгорания, а невротизм, макиавеллизм, низкие доброжелательность и сознательность могут быть предикторами выгорания.

4. При сравнении групп врачей — управленцев ядерной медицины и рядовых врачей ядерной медицины мы обнаружили, что врачи-менеджеры значительно отличаются выраженностью фактора «Экстравертированность» и демонстрируют тенденцию к низкой редукции личных достижений, что свидетельствует об их высокой самоэффективности.

Таким образом, своевременное мониторирование симптомов выгорания кадрового состава ядерной медицины позволит выделять группы риска по развитию профессиональных деформаций, а информация о личностных профилях врачей поможет превентивно реагировать на негативную симптоматику и составлять прицельную программу психологической помощи врачам.

Список литературы

Белозерцева, М.И., Бойков, Н.С., Радченкова, К.И., Трофимова, Н.Б. (2023). Взаимосвязь эмоционального выгорания педагога с профессиональной направленностью его личности. В кн.: Современные проблемы психологии образования. Материалы науч.-практич. конф. с междунар. участием, посвященной Году педагога и наставника в Российской Федерации (27 апреля 2023 г.). Под ред.

Н.Б. Трофимовой. (С. 95–104). Воронеж: Изд-во Воронежского государственного педагогического ун-та.

Водопьянова, Н.Е. (2000). Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях. В кн.: Психология здоровья. Под ред. Г.С. Никифорова. (С. 443–463). Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного ун-та.

Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С. (2008). Синдром выгорания: диагностика и профилактика. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Егорова, М.С., Ситникова, М.А., Паршикова, О.В. (2015). Адаптация Короткого опросника Темной триады. *Психологические исследования*, 8(43). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1052> (дата обращения: 04.10.2024). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>

Егорова, М.С., Паршикова, О.В. (2016). Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10). *Психологические исследования*, 9(45). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/492> (дата обращения: 04.10.2024). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>

Егорова, М.С., Паршикова, О.В., Зырянова, Н.М., Староверов, В.М. (2020). Черты личности и восприятие пандемии COVID-19. *Вопросы психологии*, (4), 81–103.

Ермолаева, Е.П. (ред.). (2008). Психология социальной реализации профессионала: сборник научных трудов. Москва: Изд-во Института психологии РАН.

Ильин, Н.Ю., Бородина, А.А. (2022). Актуальные проблемы нормативного регулирования подготовки радиологов в правовом порядке Европейского союза. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*, (2), 143–146. https://doi.org/10.52070/2500-3488_2022_2_843_143

Канева, Д.А., Тарараева, Т.Ю., Бреусов, А.В., Максименко, Л.В. (2024). Проблема дефицита врачебных кадров в здравоохранении России: причины и пути решения (литературный обзор). *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*, (1), 747–767.

Клименко, Т.С., Абдуллаева, М.М. (2024). Профессиографический обзор трудовых задач врачей ядерной медицины: анализ соответствия нормативных требований и фактической трудовой деятельности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 21(1), 242–264. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-1-242-264>

Красавцева, Ю.В., Корнилова, Т.В. (2019). Нарциссизм как «светлый» аспект в Темной Триаде. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(4), 65–80. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270405>

Куатова, Д.Я., Жакупова, А.А. (2023). Профессиональное выгорание персонала: причины, экономические последствия, пути предотвращения. *Central Asian Economic Review*, (6), 77–91. <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-6-77-91>

Леонова, Е.Н., Леонов, И.Н. (2021). Нарциссические черты личности как предикторы альтруистических установок у врачей-ординаторов. *Научное мнение*, (5), 112–119.

Ореховский, П.А., Разумов В.И. (2021). Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики. *Идеи и идеалы*, 13(3-1), 84–102.

Осипова, Н.Г., Семина, Т.В. (2017). Личность врача в современном социуме: идеальный тип и профессиональные деформации. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 23(3), 4–29.

Твилле, П.С., Савинова, Т.Л., Хальфин, Р.А. (2023). Особенности синдрома эмоционального выгорания управленческих кадров системы здравоохранения. *Здоровье мегаполиса*, 4(3), 13–25. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2023.v.4i3;13-25>

Филиппу, О.Ю. (2020). Библиометрический анализ понятия макиавеллизма в зарубежной и отечественной психологии. *Современная зарубежная психология*, 9(4), 120–128. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090411>

Angelini, G. (2023). Big five model personality traits and job burnout: a systematic literature review. *BioMed Central Psychology*, 11(49). URL: <https://bmcp psychology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-023-01056-y> (дата обращения: 04.10.2024). <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01056-y>

Chirico, F., Afolabi, A.A., Ilesanmi, O.S., Nucera, G., Ferrari, G., Sacco, A., Szarpak, L., Crescenzo, P., Magnavita, N., Leiter, M. (2021). Prevalence, risk factors and prevention of burnout syndrome among healthcare workers: An umbrella review of systematic reviews and meta-analyses. *Journal of Health and Social Sciences*, 6(4), 465–491. <https://doi.org/10.19204/2021/prvl3>

Demerouti, E., Bakker, A.B., Peeters, M.C.W., Breevaart, K. (2021). New directions in burnout research. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 686–691. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2021.1979962>

De Vine, J.B., Morgan, B. (2020). The relationship between personality facets and burnout. *SA Journal of Industrial Psychology*, 46(1), 1–11.

de Vries, J.D., van Hooff, M.L.M., Geurts, S.A.E., Kompier, M.A.J. (2021). Process evaluation of the receipt of an exercise intervention for fatigued employees: the role of exposure and exercise experiences. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 753–769. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2020.1829034>

Escartín, J., Dollard, M., Zapf, D., Kozlowski, S.W.J. (2021). Multilevel emotional exhaustion: Psychosocial safety climate and workplace bullying as higher level contextual and individual explanatory factors. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 742–752. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2021.1939412>

Lemonaki, R., Xanthopoulou, D., Bardos, A.N., Karademas, E.C., Simos, P.G. (2021). Burnout and job performance: A two-wave study on the mediating role of employee cognitive functioning. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 692–704. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2021.1892818>

Mäkikangas, A., Leiter, M.P., Kinnunen, U., Feldt, T. (2021). Profiling development of burnout over eight years: relation with job demands and resources. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 720–731. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2020.1790651>

Narang, G., Wymer, K., Mi, L., Wolter, Ch., Humphreys, M., Stern, K. (2022). Personality Traits and Burnout: A Survey of Practicing US Urologists. *Urology*, 167(11), 43–48. <https://doi.org/10.1016/j.urology.2022.03.004>.

Panayides, A.S., Amini, A., Filipovic, N.D., Sharma, A., Tsafaris, S.A., Young, A., Pattichis, C.S. (2020). AI in medical imaging informatics: current challenges and future directions. *IEEE Journal of Biomedical and Health Informatics*, 24(7), 1837–1857.

Paulhus, D.L., Williams, K.M. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*, 36(6), 556–563.

Van Dam, A. (2021). A clinical perspective on burnout: diagnosis, classification, and treatment of clinical burnout. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 732–741.

Velando-Soriano, A., Pradas-Hernández, L., Membrive-Jiménez, M.J., Suleiman-Martos, N., Romero-Béjar, J.L., De La Fuente-Solana, E.I., Cañadas-De La Fuente, G.A. (2024). Burnout and personality factors among surgical area nurses: a cross sectional multicentre study. *Frontiers in Public Health*, (12), 1383735. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1383735>

References

Angelini, G. (2023). Big five model personality traits and job burnout: a systematic literature review. *BioMed Central Psychology*, 11(49). URL: <https://bmcpscychology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40359-023-01056-y> (accessed: 04.10.2024). <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01056-y>

Belozerseva, M.I., Boikov, N.S., Radchenkova, K.I., Trofimova, N.B. (2023). The relationship between emotional burnout of a teacher and the professional orientation of his personality. In: N.B. Trofimova, (ed.). Modern problems of educational psychology. Scientific and Practical Conference with International Participation, dedicated to the Year of the Teacher and Mentor in the Russian Federation (April 27, 2023). (pp. 95–104). Voronezh: Voronezh State Pedagogical University Publ. (In Russ.)

Bulgakov, I.A. (2023). Modern directions in the study of the phenomenon of emotional burnout. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 12(2), 94–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120209>

Chirico, F., Afolabi, A.A., Ilesanmi, O.S., Nucera, G., Ferrari, G., Sacco, A., Szarpak, L., Crescenzo, P., Magnavita, N., Leiter, M. (2021). Prevalence, risk factors and prevention of burnout syndrome among healthcare workers: An umbrella review of systematic reviews and meta-analyses. *Journal of Health and Social Sciences*, 6(4), 465–491. <https://doi.org/10.19204/2021/prvl3>.

De Vine, J.B., Morgan, B. (2020). The relationship between personality facets and burnout. *SA Journal of Industrial Psychology*, 46(1), 1–11.

de Vries, J.D., van Hooff, M.L.M., Geurts, S.A.E., Kompier, M.A.J. (2021). Process evaluation of the receipt of an exercise intervention for fatigued employees: the role of exposure and exercise experiences. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 753–769. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2020.1829034>

Demerouti, E., Bakker, A.B., Peeters, M.C.W., Breevaart, K. (2021). New directions in burnout research. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 686–691. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2021.1979962>

Egorova, M.S., Parshikova, O.V. (2016). Psychometric characteristics of the Big Five Personality Inventory (B5-10). *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 9(45). (In Russ.). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/492> (accessed: 04.10.2024). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>

Egorova, M.S., Parshikova, O.V., Zyryanova, N.M., Staroverov, V.M. (2020). Personality Traits and Perception of the COVID-19 Pandemic. *Voprosy psikhologii*, (4), 81–103. (In Russ.)

Egorova, M.S., Sitnikova, M.A., Parshikova, O.V. (2015). Adaptation of the Short Dark Triad Questionnaire. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 8(43). (In Russ.). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1052> (accessed: 04.10.2024). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>

Ermolaeva, E.P. (ed.). (2008). Psychology of Social Realization of a Professional: Collection of Scientific Papers. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. (In Russ.)

Escartín, J., Dollard, M., Zapf, D., Kozlowski, S.W.J. (2021). Multilevel emotional exhaustion: Psychosocial safety climate and workplace bullying as higher level contextual and individual explanatory factors. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 742–752. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2021.1939412>

Filippu, O.Yu. (2020). Bibliometric Analysis of the Concept of Machiavellianism in Foreign and Domestic Psychology. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 9(4), 120–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090411>

Il'in, N.Yu., Borodina, A.A. (2022). Actual Problems of Regulatory Framework for the Training of Radiologists in the Legal Order of the European Union. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*, (2), 143–146. (In Russ.). https://doi.org/10.52070/2500-3488_2022_2_843_143

Kaneva, D.A., Tararaeva, T.Yu., Breusov, A.V., Maksimenko, L.V. (2024). The Problem of Shortage of Medical Personnel in Russian Healthcare: Causes and Solutions (Literature Review). *Sovremennye problemy zdavookhraneniya i meditsinskoi statistiki = Modern Problems of Healthcare and Medical Statistics*, (1), 747–767. (In Russ.)

Klimenko, T.S., Abdullaeva, M.M. (2024). Profession-specific Review of Nuclear Medicine Physicians' Work Tasks: Analysis of Compliance with Regulatory Requirements and Actual Work Activity. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 21(1), 242–264. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-1-242-264>

Krasavtseva, Yu.V., Kornilova, T.V. (2019). Narcissism as a “Light” Aspect in the Dark Triad. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 27(4), 65–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270405>

Kuatova, D.Ya., Zhakupova, A.A. (2023). Professional burnout of personnel: causes, economic consequences, ways of prevention. *Central Asian Economic Review*, (6), 77–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2023-6-77-91>

Lemonaki, R., Xanthopoulou, D., Bardos, A.N., Karademas, E.C., Simos, P.G. (2021). Burnout and job performance: A two-wave study on the mediating role of employee cognitive functioning. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 692–704. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2021.1892818>

Leonova, E.N., Leonov, I.N. (2021). Narcissistic personality traits as predictors of altruistic attitudes in medical residents. *Nauchnoe mnenie = Scientific Opinion*, (5), 112–119. (In Russ.)

Mäkikangas, A., Leiter, M.P., Kinnunen, U., Feldt, T. (2021). Profiling development of burnout over eight years: relation with job demands and resources. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 720–731. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2020.1790651>

Narang, G., Wymer, K., Mi, L., Wolter, Ch., Humphreys, M., Stern, K. (2022). Personality Traits and Burnout: A Survey of Practicing US Urologists. *Urology*, 167(11), 43–48. <https://doi.org/10.1016/j.urology.2022.03.004>

Orekhovskii, P.A., Razumov, V.I. (2021). The onset of narcissistic culture: implications for education, science, and policy. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 13(3-1), 84–102. (In Russ.)

Osipova, N.G., Semina, T.V. (2017). The Personality of a Doctor in Modern Society: Ideal Type and Professional Deformations. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 23(3), 4–29. (In Russ.)

Panayides, A.S., Amini, A., Filipovic, N.D., Sharma, A., Tsaftaris, S.A., Young, A., Pattichis, C.S. (2020). AI in medical imaging informatics: current challenges and future directions. *IEEE Journal of Biomedical and Health Informatics*, 24(7), 1837–1857.

Paulhus, D.L., Williams, K.M. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*, 36(6), 556–563.

Tville, P.S., Savinova, T.L., Khal'fin, R.A. (2023). Features of the Emotional Burnout Syndrome of Managerial Personnel in the Healthcare System. *Zdorov'e megapolisa = Metropolis Health*, 4(3), 13–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2023.v.4i3;13-25>

Van Dam, A. (2021). A clinical perspective on burnout: diagnosis, classification, and treatment of clinical burnout. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(5), 732–741.

Velando-Soriano, A., Pradas-Hernández, L., Membrive-Jiménez, M.J., Suleiman-Martos, N., Romero-Béjar, J.L., De La Fuente-Solana, E.I., Cañadas-De La Fuente, G.A. (2024). Burnout and personality factors among surgical area nurses: a cross sectional multicentre study. *Frontiers in Public Health*, (12), 1383735. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1383735>

Vodop'yanova, N.E. (2000). Burnout syndrome in communication professions. In: G.S. Nikiforov, (ed.). *Health Psychology*. (pp. 443–463). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ. (In Russ.)

Vodop'yanova, N.E., Starchenkova, E.S. (2008). Burnout syndrome: diagnostics and prevention. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Сергеевна Клименко, аспирант кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, klimenko_tatyana@list.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6971-7017>

Мехирбан Махаметжановна Абдуллаева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, mehirban@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7927-48-53>

ABOUT THE AUTHORS

Tatyana S. Klimenko, Posyhgraduate Student, Department of Occupational Psychology and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, klimenko_tatyana@list.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6971-7017>

Mehirban M. Abdullaeva, Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor at the Department of Occupational Psychology and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, mehirban@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7927-4853>

Поступила 04.10.2025. Получена после доработки 25.02.2025. Принята в печать 25.03.2025.

Received 04.10.2025. Revised 25.02.2025. Accepted 25.03.2025.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / APPLIED STUDIES

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-19>

УДК/UDC 159.99

Сравнительный анализ взаимосвязи отношения к смерти и эмоционального выгорания у медицинских работников онкологических учреждений в Узбекистане и Германии

Е.П. Белинская¹ ✉, К.С. Холмурадова²

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Ташкент, Ташкент, Узбекистан

✉ elena_belinskaya@list.ru

Резюме

Актуальность. Проблематика эмоционального выгорания медиков достаточно представлена в психологии в силу распространенности феномена и влияния эмоционального состояния профессионала на его работоспособность и возможность конструктивного взаимодействия с больным. Однако исследование факторов возникновения синдрома эмоционального выгорания у врачей-онкологов еще далеко не исчерпано. Одним из них мы полагаем особенности отношения к смерти, которые могут иметь кросс-культурные различия.

Цель. Сравнительный анализ взаимосвязи типа отношения к смерти и выраженности эмоционального выгорания у медиков Узбекистана и Германии.

Выборка. В исследовании приняли участие 190 медиков-онкологов Узбекистана и Германии ($M_{\text{возраст}} = 37,1$; $SD = 9,6$; 73 женщины и 117 мужчин), из них 139 из Узбекистана и 51 из Германии.

Методы. Использовались два опросника, адаптированных на русском и немецком языках, — методика диагностики профессионального выгорания и опросник отношения к смерти, а также анкетирование для сбора данных о социально-демографических, профессиональных, мировоззренческих (религиозность и конкретное вероисповедание) характеристиках респондентов.

Результаты. Большая часть медиков-онкологов обеих стран сталкивается с симптомами эмоционального выгорания, наиболее высокие показатели наблюдаются по субшкалам редукции профессиональных достижений и эмоционального истощения. Вне зависимости от страны, уровень эмоционального

выгорания медиков старшего возраста по сравнению с молодыми коллегами ниже, а высокий уровень удовлетворенности специалистов заработной платой сопровождается снижением уровня эмоционального выгорания. Более выражен синдром эмоционального выгорания у узбекских медиков. Наиболее часто у специалистов обеих стран встречается позитивное отношение к смерти: приближающее принятие в Узбекистане и нейтральное принятие в Германии. Значимая положительная связь эмоционального выгорания наблюдается почти со всеми типами отношения к смерти на выборке медиков из Узбекистана, в то время как у медиков из Германии она наблюдается только с приближающим ее принятием. Только нейтральное принятие смерти связано с низким уровнем выраженности эмоционального выгорания, причем это характерно для медиков-онкологов Узбекистана, а не Германии.

Выводы. Тип отношения к смерти можно считать одним из факторов эмоционального выгорания медиков-онкологов. Низкий уровень эмоционального выгорания в наибольшей степени определяется нейтральным принятием смерти. Связь отношения к смерти и эмоционального выгорания имеет кросс-культурные различия, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: отношение к смерти, синдром эмоционального выгорания, кросс-культурные различия, нейтральное принятие смерти, медики-онкологи

Для цитирования: Белинская, Е.П., Холмурадова, К.С. (2025). Сравнительный анализ взаимосвязи отношения к смерти и эмоционального выгорания у медицинских работников онкологических учреждений в Узбекистане и Германии. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 246–264. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-19>

Comparative Analysis of the Relationship Between Attitudes Towards Death and Emotional Burnout Among Medical Staff of Oncological Institutions in Uzbekistan and Germany

Elena P. Belinskaya ¹ ✉, Kamilla S. Kholmuradova ²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University (Tashkent branch), Tashkent, Uzbekistan

✉ elena_belinskaya@list.ru

Abstract

Background. The issue of emotional burnout in medical professionals is sufficiently represented in modern psychology — first of all, due to the prevalence of

the phenomenon, as well as the influence of the emotional state of a professional on his/her efficiency and the possibility of constructive interaction with a patient. However, the study of the factors of emotional burnout syndrome in oncologists is far from being exhausted. We believe that one of them is the peculiarities of attitude to death, which may have cross-cultural differences.

Objective. Comparative analysis of the relationship between the dominant type of attitude to death and the severity of emotional burnout in Uzbek and German medics.

Study Participants. The study involved 190 medical specialists from oncological institutions in Uzbekistan and Germany (Age = 37.1; SD = 9.6; 73 women and 117 men), including 139 Uzbek doctors and 51 German doctors.

Methods. Two questionnaires adapted in Russian and German were used: the method of diagnosing professional burnout and the attitude to death questionnaire, as well as questionnaires to collect data on socio-demographic, professional, worldview (religiosity and specific religion) characteristics of the respondents.

Results. The majority of oncologists in both countries are experiencing symptoms of emotional burnout, with the highest rates observed in subscales of reduced professional achievement and emotional exhaustion. The level of emotional burnout among older doctors is lower in comparison with younger colleagues, regardless of the country. A high level of professionals' satisfaction with wages is accompanied by a decrease in the level of emotional burnout, regardless of the country. Uzbek doctors have a more pronounced burnout syndrome. Experts from both countries most often have a positive attitude towards death: approaching acceptance in Uzbekistan and neutral acceptance in Germany. A significant positive association of emotional burnout is observed with almost all types of attitudes towards death in a sample of doctors from Uzbekistan, while among doctors from Germany it is observed only with its approaching acceptance. Only neutral acceptance of death is associated with a low level of emotional burnout, and this is characteristic of medical oncologists in Uzbekistan, but not in Germany.

Conclusions. The type of attitude towards death can be considered one of the factors of emotional burnout of oncologists. A low level of emotional burnout is most likely determined by a neutral acceptance of death. The relationship between attitudes towards death and emotional burnout has cross-cultural differences that need further study.

Keywords: attitudes towards death, burnout syndrome, cross-cultural differences, neutral acceptance of death, oncologists

For citation: Belinskaya, E.P., Kholmuradova, K.S. (2025). Comparative analysis of the relationship between attitudes towards death and emotional burnout among medical staff of oncological institutions in Uzbekistan and Germany. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 246–264. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-19>

Введение

Осознание конечности своего существования, приводящее к страху смерти, будучи одной из основных экзистенциальных проблем, на протяжении всей истории наук о человеке закономерно привлекало внимание исследователей. И одновременно оказывалось той темой, перед которой этот интерес отступал — в силу неспособности человеческого разума совладать со всей тяжестью данного экзистенциального переживания. Неслучайно И. Ялом начинает свое известное исследование страха смерти с максимы Ф. де Ларошфуко, согласно которой попытка понимания отношения к смерти подобна вглядыванию в солнце — столь же болезненна, сколь и безрезультативна (Yalom, 2009). Лишь в ситуации непосредственного столкновения со смертью, переживая горе утраты родных людей или сталкиваясь с собственным тяжелым или неизлечимым заболеванием, мы способны хоть как-то терпеть эту боль и безнадежность — во многом потому, что через эти переживания к нам приходит осознание отношения к жизни (Yalom, 1999). И не случайно поэтому тема смерти сложно представлена и в общественном сознании, традиционно отражая конкретные культурно-исторические особенности отношения к ценности человеческой жизни — от прославления конкретных обстоятельств и соответствующих видов смерти до полного вытеснения этого сюжета и/или подмены его (Моуди, 2020).

В психологии феномен отношения к смерти обсуждался представителями разных теоретических направлений, но наиболее развернуто — в психоаналитических и экзистенциальных концепциях (Гришина, 2018). Однако его достаточно сложно операционализировать на уровне количественных эмпирических исследований. Существуют попытки представить отношение к смерти фактически как аттитюд, охватывающий когнитивные (совокупность представлений человека о том, что такое смерть), эмоциональные (страх смерти) и поведенческие (принятие смерти) компоненты этого отношения (Кулагина, Сенкевич, 2013; Юревич, 2018; Матвеева, Пинегина, 2020). Однако это не решает проблему его достаточно разнообразной феноменологии. Возможно, поэтому наиболее популярной сегодня с эмпирической точки зрения является позиция П. Вонга и его коллег (Wong, 2007), в рамках которой разработана типология, подразделяющая отношение к смерти на позитивное (различные виды ее принятия) и негативное (страх и избегание). При этом все выделенные типы отношения к смерти рассматриваются как независимые (так, отсутствие страха смерти не означает ее принятия). На основе данной типологии был

создан опросник (Wong et al., 1994), с помощью которого уже накоплены эмпирические данные о взаимосвязи отношения человека к смерти с его социально-демографическими и личностными особенностями, в том числе — и в отечественной психологии (Юревич, 2018; Матвеева, Пинегина, 2020; Дмитриева, 2020).

Отношение к смерти не только определяет чувства и представления человека о смерти, но и является основой для формирования его отношения к жизни, выступая причиной развития ряда качеств и свойств личности, а также влияя на общение и взаимодействие с другими людьми (Фейфел, 1999). Исходя из этого, мы считаем важным обратить внимание на данный феномен у работников онкологических учреждений. Ведь повседневное столкновение со смертью, особенно в сочетании с частым переживанием своего бессилия и одновременно максимальным профессиональным сосредоточением, способно приводить к пассивной фаталистической позиции, социальной и психологической дезадаптации и, как следствие, детерминировать деструктивные формы поведения (Yalom, 2009).

Отметим при этом, что имеются доказательства все более ухудшающегося психологического состояния врачей по всему миру: с 2021 по 2022 г. количество диагностируемых психических заболеваний в этой профессиональной группе увеличилось с 38,2 % до 62,8 %, а частота эмоционального выгорания за тот же период — с 23 % до 30 %, причем максимальная его выраженность наблюдается у онкологов, для которых распространенность данного синдрома достигает более 90 % (Кондратьева и др., 2022; Клименко, 2023; Carmen, Hall, 2023). Однако не только врачи, но и весь медицинский персонал онкологических клиник в разных странах и в объективно разных социально-организационных условиях своей профессиональной деятельности имеет высокие показатели эмоционального выгорания (Чулкова и др., 2012; Banerjee, 2017), что закономерно приводит к снижению работоспособности и психологическому неблагополучию (Mern, 2017; Клименко, 2023). Неудивительно поэтому, что, по зарубежным данным, число самоубийц среди врачей-онкологов составляет от 28 до 40 на 100 тыс. человек (Mern, 2017; Murali, Banerjee, 2018; Senf et al., 2020). При этом существуют данные, согласно которым эмоциональное выгорание и психологическое неблагополучие лечащего врача могут быть предикторами снижения качества коммуникации с пациентом, что особенно важно при онкозаболеваниях (Schulz-Kindermann, 2021).

Отметим, что изучение закономерностей возникновения и развития синдрома эмоционального выгорания у медиков как весомого фактора их психологического неблагополучия является достаточно разработанной исследовательской темой (например: Москвичева, 2020; Вачков, Вачкова, 2021), также показана специфика эмоционального выгорания у медицинских работников онкологических учреждений (Mern, 2017; Булгакова и др., 2020; Клименко и др., 2022). Однако роль особенностей отношения к смерти в перечне возможных факторов эмоционального выгорания исследована не была, что определяет гносеологическую актуальность проведенного исследования.

Также тему проведенного исследования определил тот очевидный факт, что на характер отношения к смерти могут влиять различные социокультурные параметры, в частности — особенности доминирующей в том или ином регионе религиозной конфессии. Поэтому сравнение выборок медицинского персонала узбекских и немецких онкологических клиник было обусловлено не только активным становлением и развитием в настоящий момент в Республике Узбекистан системы медицинской и психологической помощи при онкозаболеваниях¹, но и возможностью изучения влияния на взаимосвязь отношения к смерти и эмоционального выгорания таких объективных факторов, как специфика вероисповедания и особенности организационных аспектов медицинской помощи, которые качественно отличны в Узбекистане и Германии. Последнее определяет, на наш взгляд, социальную актуальность исследования.

Основной гипотезой исследования стало предположение о том, что выраженность эмоционального выгорания у медицинских работников онкологических учреждений связана с характером их отношения к смерти. Мы также предполагали, что данная связь может иметь кросс-культурные различия в силу особенностей мировоззренческих установок (прежде всего — связанных с доминирующим типом религиозности), а также в силу специфики организационных аспектов медицинской и психологической помощи при онкозаболеваниях

¹ Согласно недавним законодательным инициативам, в Узбекистане предусмотрено открытие новых специализированных научно-практических медицинских центров онкологии и радиологии, усовершенствование паллиативной помощи, а также снабжение хосписом каждой из областей Узбекистана (так, открытие первого взрослого хосписа Ташкента планируется уже к середине 2025 г.). При этом большое значение будет уделяться не только психологическому состоянию онкобольных, но и взаимодействующему с ними медицинскому персоналу (Новостной электронный ресурс Узбекистана: <https://www.gazeta.uz/>), что ставит новые задачи при подготовке психологических кадров.

в двух странах: так, Германия обладает уже сложившимися традициями в этом вопросе, в отличие от Узбекистана.

Выборка

В исследовании участвовали 190 медицинских специалистов онкологических учреждений ($M_{\text{возраст}} = 37,1$; $SD = 9,6$; 73 женщины и 117 мужчин): из них 139 медиков Узбекистана и 51 медик Германии.

Базы исследования: в Германии — клиника Хелиос Мюнхен-Вест, Мюнхенский частный медицинский онкологический праксис, в Узбекистане — Ташкентский городской онкологический диспансер; Республиканский специализированный гематологический научно-практический медицинский центр; детский онкологический хоспис «Taskin»; филиалы Центра онкологии и радиологии.

Методы

В исследовании применялись:

1. Для определения типа отношения к смерти использовался опросник «Отношение к смерти» (Death Attitude Profile-Revised — DAP-R) в русско-язычной адаптации К.А. Чистопольской, О.В. Митиной, С.Н. Ениколопова (Чистопольская и др., 2017), а также в немецкоязычной адаптации Дж. Дженсона, К. Шульц-Кватч и Н. Айзенбека (Jansen et al., 2019), включающий в себя пять шкал (в диапазоне возможных значений по каждой шкале от 1 до 7): страх смерти (негативные чувства человека при столкновении с темой собственной смерти), избегание смерти (избегание мыслей и разговоров на тему конечности бытия в попытке ослабить тревогу по этому поводу), нейтральное принятие смерти (убеждение в том, что смерть является частью жизни и не надо ни бояться, ни приветствовать ее), избавляющее принятие (убеждения человека о том, что смерть предлагает освобождение от физической или психологической боли) и приближающее принятие (вера в то, что смерть является переходом в другую жизнь).

2. Для определения уровня выраженности эмоционального выгорания у медицинских работников использовалась методика диагностики профессионального выгорания (Maslach Burnout Inventory — MBI), адаптированная на русскоязычных выборках Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой (Водопьянова, Старченкова, 2001), включающая в себя три шкалы: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений. Для респондентов

Германии использовалась немецкоязычная адаптация данной методики, предложенная М. Буритшем и М. Боркса (Burisch, Borcsa, 2009).

3. Авторские анкеты на русском и немецком языках, предназначенные для получения информации о социально-демографических, профессиональных и мировоззренческих характеристиках респондентов (среди последних — общая религиозность и вероисповедание).

Все методики проводились очно и индивидуально; с узбекскими медиками — на русском языке (в связи с тем, что весь медицинский персонал свободно владеет русским языком), с работниками германских онкологических учреждений — на немецком языке.

Полученные данные обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS 23.0, с предварительной проверкой на нормальность распределения по критерию Колмогорова — Смирнова (эмпирическое распределение считалось соответствующим нормальному при $p > 0,05$).

Результаты исследования

1. Преобладающие типы отношения к смерти у медицинских работников онкологических учреждений Узбекистана и Германии

Возможные варианты типов отношения к смерти у онкомедиков обеих стран представлены в Таблице 1. Распределение во всех выборках отличается от нормального ($p < 0,05$), поэтому в дальнейшем при сравнении использовался непараметрический U-критерий Манна — Уитни.

Таблица 1
Описательная статистика типов отношения к смерти у медицинского персонала онкологических учреждений в Узбекистане и Германии

Отношение к смерти	Приближающее принятие		Избегающее принятие		Нейтральное принятие		Страх		Бегство	
Страна	Узб.	Гер.	Узб.	Гер.	Узб.	Гер.	Узб.	Гер.	Узб.	Гер.
Мин.	0	2	4	2	4	1	3	1	2	2
Макс.	9	9	6	9	6	8	6	10	7	10
Ср. значение	5,50	5,40	5,49	5,49	5,07	5,56	4,27	5,52	4,59	5,50
Станд. откл.	2,093	2,133	0,609	2,032	0,602	2,092	0,613	2,073	0,995	1,961
Асим.	-0,464	0,036	-0,761	0,221	-0,029	-0,170	0,365	0,336	0,063	0,355
Эксцесс	-0,058	-1,224	-0,383	-1,216	-0,218	-1,281	0,349	0,356	-0,130	-0,445
Z Колмогорова-Смирнова	0,000	0,005	0,000	0,003	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,003

Table 1
Descriptive statistics of the types of attitudes towards death among medical personnel in oncological institutions in Uzbekistan and Germany

Attitudes towards death	Approach Acceptance		Escape Acceptance		Neutral Acceptance		Fear of Death		Death Avoidance	
	Uzb.	Ger.	Uzb.	Ger.	Uzb.	Ger.	Uzb.	Ger.	Uzb.	Ger.
Country										
Minimum	0	2	4	2	4	1	3	1	2	2
Maximum	9	9	6	9	6	8	6	10	7	10
Mean	5.50	5.40	5.49	5.49	5.07	5.56	4.27	5.52	4.59	5.50
Standard deviation	2.093	2.133	0.609	2.032	0.602	2.092	0.613	2.073	0.995	1.961
Asymmetry	-0.464	0.036	-0.761	0.221	-0.029	-0.170	0.365	0.336	0.063	0.355
Excess	-0.058	-1.224	-0.383	-1.216	-0.218	-1.281	0.349	0.356	-0.130	-0.445
Kolmogorov-Smirnov's Z	0.000	0.005	0.000	0.003	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.003

При определении преобладающего типа отношения к смерти у медицинского персонала онкологических учреждений было выявлено, что наибольшее среднее значение у работников обеих стран имеет позитивное отношение к смерти: приближающее принятие в Узбекистане и нейтральное принятие в Германии. Именно нейтральное принятие смерти мы считаем наиболее конструктивным отношением к ней с точки зрения возможных психологических следствий. Средние значения по негативным типам отношения к смерти выше у немецких онкомедиков.

Важно отметить, что статистически значимые различия у выборок двух стран наблюдаются исключительно по шкалам «нейтральное принятие смерти» ($U(190) = 5013$; $p = 0,031$), «страх смерти» ($U(190) = 3551$; $p = 0,000$), «избегание смерти» ($U(190) = 4003$; $p = 0,001$).

2. Выраженность синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников онкологических учреждений Узбекистана и Германии

Согласно полученным результатам (Таблица 2), большая часть онкоспециалистов обеих стран сталкивается хотя бы частично с симптомами эмоционального выгорания, вне зависимости от каких-либо сопутствующих факторов (в среднем 60–70 баллов по шкале из 110, что демонстрирует средний уровень выраженности синдрома). Отметим, что наиболее высокие показатели при этом наблюдались по

Таблица 2
Описательная статистика и результаты сравнения (U-критерий Манна — Уитни) уровня выраженности синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников онкологических учреждений

Описательная статистика	СЭВ* (Узб)	СЭВ (Герм.)	ЭИ* (Узб)	ЭИ (Гер)	Деп* (Узб)	Деп (Гер)	РПД* (Узб)	РПД (Гер)
Минимум	36	40	8	12	1	2	11	12
Максимум	115	100	47	43	27	22	48	48
Среднее значение	67,60	62,9	22,64	21,16	10,76	9,71	34,20	32,04
Стандартное отклонение	16,658	13,917	7,328	6,952	5,739	5,285	10,322	10,346
Асимметрия	-0,107	0,895	0,660	1,689	0,640	0,534	-0,593	-0,118
Экссесс	1,613	0,982	1,519	3,214	0,145	-0,539	-0,177	-0,988
Z Колмогорова — Смирнова	0,200	0,057	0,007	0,000	0,000	0,029	0,001	0,020
р-значение различий	<0,001		<0,001		<0,001		<0,001	

Примечание. * — синдром эмоционального выгорания (СЭВ) представлен следующими симптомами: эмоциональное истощение (ЭИ), деперсонализация (Деп) и редукция профессиональных достижений (РПД).

Table 2
Descriptive statistics of the level of emotional burnout syndrome expression in medical staff of oncologic institutions

Descriptive statistics	BS* (Uzb)	BS (Ger)	EE* (Uzb)	EE (Ger)	Dep* (Uzb)	Dep (Ger)	RS* (Uzb)	RS (Ger)
Minimum	36	40	8	12	1	2	11	12
Maximum	115	100	47	43	27	22	48	48
Mean	67.60	62.9	22.64	21.16	10.76	9.71	34.20	32.04
Standard deviation	16.658	13.917	7.328	6.952	5.739	5.285	10.322	10.346
Asymmetry	-0.107	0.895	0.660	1.689	0.640	0.534	-0.593	-0.118
Excess	1.613	0.982	1.519	3.214	0.145	-0.539	-0.177	-0.988
Kolmogorov — Smirnov's Z	0.200	0.057	0.007	0.000	0.000	0.029	0.001	0.020
p-value of differences	<0.001		<0.001		<0.001		<0.001	

Note. * — burnout syndrome (BS) is represented by the following symptoms: emotional exhaustion (EE), depersonalization (Dep.) and a reduced sense of personal accomplishment (RS).

субшкалам редукции профессиональных достижений и эмоционального истощения.

При этом можно видеть, что существуют и выраженные кросс-культурные различия. Отметим, что исходно мы предполагали, что синдром эмоционального выгорания будет чаще встречаться у медиков Германии, в связи с тем, что в этой стране на весь медицинский персонал возлагается больше профессиональной ответственности уже с самого начала карьеры (Banerjee, 2017; Weis, Giesler, 2017; Москвичева, 2020), в отличие от узбекских медиков, чья профессиональная социализация сопряжена с постепенным нарастанием личной профессиональной ответственности. Однако данная гипотеза не нашла своего подтверждения: более выраженным синдром эмоционального выгорания оказался у узбекских медиков (по критерию Манна — Уитни различия статистически значимы) ($U(190) = 3261$; $p < 0,001$). Именно у них наблюдались более высокие показатели не только по эмоциональному выгоранию в целом, но и по всем его отдельным симптомам (эмоциональному истощению, деперсонализации и редукции личностных достижений).

3. Взаимосвязь уровня выраженности эмоционального выгорания с типом отношения к смерти

Как можно видеть из приведенной ниже Таблицы 3, значимая положительная связь эмоционального выгорания наблюдается почти со всеми типами отношения к смерти на выборке медиков из Узбекистана, в то время как у медиков из Германии данная связь наблюдается только с таким вариантом отношения к смерти, как приближающее принятие, которое, напомним, заключается в вере, что смерть является просто переходом в другую жизнь. При сравнении коэффициентов корреляции после преобразования Фишера, можно отметить, что у онкомедиков двух стран различия в коэффициентах корреляции не являются статистически значимыми ($p = 0,312$).

Представляется важным подчеркнуть, что только один из типов отношения к смерти — ее нейтральное принятие — оказался связан с низким уровнем выраженности синдрома эмоционального выгорания. Иными словами, отношение к смерти как убеждение в том, что она является естественной частью жизни, в минимальной степени приводит к эмоциональному выгоранию, причем это характерно для медиков Узбекистана, а не Германии.

При изучении возможных связей уровня эмоционального выгорания с рядом других показателей путем корреляционного анализа

Таблица 3
Взаимосвязь типа отношения к смерти с уровнем эмоционального выгорания

Тип отношения к смерти	СЭВ (Узбекистан)		СЭВ (Германия)		Различия по- сле преобразо- вания Фишера
	r Спир- мена	Асимп. знач. Р	R Спир- мена	Асимп. знач. Р	Асимп. знач. Р
Негативные типы отно- шения к смерти					
Страх смерти	0,354*	<0,001	0,238	0,096	–
Избегание смерти	0,420*	<0,001	0,278	0,061	–
Позитивные типы от- ношения к смерти	r Спир- мена	Асимп. знач. Р	r Спир- мена	Асимп. знач. Р	–
Нейтральное принятие	–0,291*	0,001	0,237	0,095	–
Приближающее при- нятие	0,409*	<0,001	0,350*	0,013	0,312
Избегающее принятие	0,256*	0,003	0,278	0,054	–

Примечание. * — статистически значимые показатели коэффициента корреляции Спирмена ($p < 0,05$).

Table 3
Results of the relationship between the prevailing type of attitude to death and the level of emotional burnout

Type of attitude to death	Burnout Syndrome (Uzbekistan)		Burnout Syndrome (Germany)		diff. after Fisher transform.
Negative attitudes towards death	Spearman's r	Asymp. sig. P	Spearman's r	Asymp. sig. P	Asymp. sig. P
Fear of Death	0.354*	<0.001	0.238	0.096	–
Death Avoidance	0.420*	<0.001	0.278	0.061	–
Positive attitudes towards death	Spearman's r	Asymp. sig. P	Spearman's r	Asymp. sig. P	–
Neutral Acceptance	–0.291*	0.001	0.237	0.095	–
Approach Acceptance	0.409*	<0.001	0.350*	0.013	0.312
Escape Acceptance	0.256*	0.003	0.278	0.054	–

Note. * — statistically significant Spearman's correlation coefficient values ($p < 0.05$).

и однофакторного дисперсионного анализа критерием Краскела — Уоллиса оказалось, что он не связан с подавляющим числом социально-демографических (пол, возраст, семейное положение), мировоззренческих (религиозность) и организационных факторов (стаж

и конкретная специализация медицинского работника), при этом по выборкам обеих стран.

Однако выяснилось, что:

— уровень эмоционального выгорания медиков более старшего возраста ниже, нежели у их молодых коллег, при этом вне зависимости от страны ($p = 0,004$);

— высокий уровень удовлетворенности заработной платой у онкоспециалистов, вне зависимости от ее объективных размеров, сопровождается пониженным уровнем выраженности эмоционального выгорания ($p < 0,001$), при этом вне зависимости от страны.

Таким образом, гипотезы исследования — о связи уровня эмоционального выгорания онкомедиков и их отношения к смерти, а также о наличии культурной вариативности этой взаимосвязи, — были подтверждены частично.

Обсуждение результатов

Одним из полученных результатов, свидетельствующих о возможности наличия кросс-культурных различий отношения к смерти, являлся тот факт, что негативные типы отношения к смерти у немецких медиков-онкологов оказались более выражены, нежели у их коллег из Узбекистана. Возможно, это связано с особенностями религиозного мировоззрения у медиков данных стран. В исламе, которого придерживались практически все респонденты-узбеки, в сравнении с протестантизмом и католицизмом, преобладающими у немецких респондентов, смерть рассматривается как нечто позитивное и возможность возвращения туда, где человеческая душа была «рождена».

Как уже отмечалось при описании результатов, выраженность синдрома эмоционального выгорания у наших респондентов также имеет кросс-культурные различия: вопреки исходной гипотезе, он оказался более выраженным у узбекских медиков. Мы предполагаем, что это связано не только с профессиональными особенностями медицинских работников онкологического профиля (Клименко и др., 2022) и организационными аспектами их труда (Maslach, 2001; Булгакова и др., 2020), которые специфичны для каждой страны, но и с особенностями места проживания. Ташкент (2,393 млн населения) является более густонаселенным городом и одновременно обладает гораздо меньшим количеством онкологических учреждений, в отличие от Мюнхена (1,472 млн населения). Кроме того, Узбекистан, согласно данным Human Development Report за 2023/2024 гг., находится намного ниже по уровню качества жизни населения, занимая

69-е место, по сравнению с Германией, которая находится на 7-м месте в мире (Данилов, 2024). Подобные макросоциальные факторы (густонаселенность в сочетании с низким уровнем жизни и меньшей представленностью специализированной медицинской помощи) могут, судя по всему, провоцировать больший уровень эмоционального выгорания онкомедиков.

При анализе результатов, касающихся взаимосвязи уровня эмоционального выгорания и типа отношения к смерти, наиболее интересным, на наш взгляд, является положительная корреляция такого типа отношения к смерти, как приближающее принятие (состоящее в вере, что смерть есть переход в другую жизнь), с эмоциональным выгоранием, что оказалось характерно и для медиков-узбеков, и для медиков-немцев. В целом можно сказать, что картина мира, в которой присутствует образ продолжения жизни после физической смерти, сопровождается более высоким уровнем эмоционального выгорания у людей, сталкивающихся со смертью в своей повседневной профессиональной деятельности, при этом вне зависимости от социально-культурного контекста ее осуществления. Возможно, данный факт может быть объяснен определенным обесцениванием при подобном образе мира собственной субъектности и своих профессиональных усилий (степень его осознанности — отдельный вопрос).

Связь уровня эмоционального выгорания медиков обеих стран с рядом социально-демографических (пол, возраст, семейное положение) и организационных (стаж работы, конкретная специализация) показателей выявлена не была. Этот результат вызывает некоторое недоумение, тем более что он частично противоречит уже имеющимся эмпирическим данным (например, на российских выборах онкологов показана большая выраженность эмоционального выгорания у молодых медиков-мужчин (Клименко и др., 2022)). Мы объясняем данный факт несбалансированностью изучаемых подвыборок — как по численности, так и по возрасту и полу, а также тем, что однородность узбекской подвыборки медиков-онкологов по семейному статусу (полное отсутствие неженатых/незамужних респондентов) не позволила провести соответствующие сравнения с немецкой подвыборкой.

Выводы

1. У медиков онкологических учреждений Узбекистана и Германии наблюдается в разной степени выраженность симптомов эмоционального выгорания: более подвержены ему оказались узбекские медики.

2. Уровень выраженности эмоционального выгорания онко-специалистов связан с возрастом и степенью удовлетворенности заработной платой вне зависимости от страны.

3. Выраженность эмоционального выгорания у медиков онкологических учреждений связана с типом их отношения к смерти, однако эта связь имеет кросс-культурные различия.

4. Значимая положительная связь эмоционального выгорания наблюдается почти со всеми типами отношения к смерти на выборке медиков из Узбекистана, в то время как у медиков из Германии она наблюдается только с приближающим принятием смерти, которое заключается в вере, что смерть является переходом в другую жизнь.

5. С низким уровнем эмоционального выгорания связано только нейтральное принятие смерти, причем это характерно для медиков-онкологов Узбекистана.

Результаты проведенного исследования имеют ограничения и в силу особенностей подвыборок (их несбалансированности), и в силу недостаточности методических средств (так, например, возможно расширение методического инструментария для более детального анализа особенностей эмоционального выгорания), и в силу самого дизайна исследования (который может быть модифицирован в сторону изучения возможных вариантов взаимодействия в диаде врач — больной в ситуациях различного отношения к смерти и уровня эмоционального выгорания). Однако представляется, что и уже полученные результаты могут быть использованы в психологических службах медицинских учреждений онкологического профиля, а также при подготовке и повышении квалификации медицинских психологов.

Список литературы

Булгакова, О.С., Пархомчук, Д.С., Ульянова, Т.А. (2020). Синдром эмоционального выгорания у медиков как признак профессии. *Вестник психофизиологии*, (1), 9–20.

Вачков, И.В., Вачкова, С.Н. (2021). Копинг-стратегии и уровень эмоционального выгорания педагогов. В сб.: *Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию*. Под ред. Л.М. Митиной. (С. 290–295). Москва: Изд-во Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований.

Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С. (2001). Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Гришина, Н.В. (2018). Экзистенциальная психология. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Данилов, Д. (2024). Топ-69 стран по уровню жизни населения-2024. Рейтинги и новости, 12 июня 2024 г. URL: <https://top-rf.ru/places/121-rejting-stran-po-urovnyu-zhizni.html> (дата обращения: 24.07.2024).

Дмитриева, П.В. (2020). Отношение к смерти: от страха и избегания к принятию. *Инновационная наука*, (8), 76–79.

Клименко, Е.Н., Сазонов, В.Я., Назыров, Р.К. (2022). Синдром выгорания: его структура и особенности формирования у врачей-онкологов. *Креативная хирургия и онкология*, 2(4), 13–25.

Клименко, Т.С. (2023). Особенности профессионального выгорания врачей-онкологов. *Креативная хирургия и онкология*, 13(2), 41–66.

Кондратьева, К.О., Сафина, С.З., Семиглазова, Т.Ю., Карасева, В.В., Тюлядин, С.А. (2022). Исследования эмоционального выгорания среди врачей. *Злокачественные опухоли*, 12(3S1), 213–214.

Кулагина, И.Ю., Сенкевич, Л.В. (2013). Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия. *Культурно-историческая психология*, 9(4), 58–64.

Матвеева, Е.В., Пинегина, Н.М. (2020). Отношение к смерти: психологический анализ понятия. *Научный альманах*, 12(2), 156–161.

Москвичева, Л.И. (2020). Синдром профессионального эмоционального выгорания у врачей онкологической службы: распространенность и выраженность синдрома, факторы, влияющие на его развитие. *Менеджер здравоохранения*, (6), 28–36.

Моуди, Р. (2020). Жизнь после жизни. Москва: Изд-во «Научный альманах».

Фейфел, Г. (1999). Смерть — релевантная переменная в психологии. В кн.: *Экзистенциальная психология*. (С. 49–58). Москва: Изд-во «Апрель-Пресс».

Чистопольская, А.К., Митина, О.В., Ениколопов, С.Н. (2017). Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти». *Суицидология*, 8(4), 22–30.

Чулкова, В.А., Комяков, И.П., Карелов, А.Е., Демин, Е.В., Донских, Р.В. (2012). Эмоциональное выгорание врачей-онкологов и медицинских сестер онкологической клиники. Санкт-Петербург: Изд-во Северо-Западного государственного медицинского ун-та имени И.И. Мечникова.

Юревич, А.В. (2018). Психологические аспекты отношения к смерти. *Ярославский педагогический вестник*, (1), 123–132.

Banerjee, A. (2017). Professional burnout in european young oncologists: Results of the European Society for Medical Oncology (ESMO) Young Oncologists Committee Burnout Survey. *Annals of Oncology*, 36(2), 599–617.

Burisch, M., Borcsa, M. (2009). Burisch on Burnout. *PiD — Psychotherapie im Dialog*, 10(3), 256–259.

Carmen, J., Hall, R. (2023). Burnout in the U.S. Oncology Community: Results of a 2020-2023 Survey. *Systematic Review and Meta-Analysis*, 2(2), 44–53.

Jansen, J., Schulz-Quach, C., Eisenbeck, N., Carreno, D.F., Schmitz, A., Fountain, R., Franz, M., Schäfer, R., Wong, P.T., Fetz, K. (2019). German version of the Death Attitudes Profile-Revised (DAP-GR) — translation and validation of a multidimensional measurement of attitudes towards death. *BMC Psychology*, 7, 1–11. <https://doi.org/10.1186/s40359-019-0336-6>

Maslach, C. (2001). *Die Wahrheit über Burnout*. Vienna: Springer Press.

Mern, K. (2017). Jeder dritte Onkologe fühlt sich ausgebrannt. *Medinside*, 12(4), 17–25.

Murali, K., Banerjee, S. (2018). Burnout in oncologists is a serious issue: What can we do about it? *Cancer Treatment Reviews*, 68, 55–61. <https://doi.org/10.1016/j.ctrv.2018.05.009>

Schulz-Kindermann, K. (2021). *Psychoonkologie. Grundlagen und psychotherapeutische Praxis*. Weinheim: Schattauer Press.

Senf, B., Fettel, J., Gog, C. (2020). Suizidalität in der Onkologie. Herausforderung und Chance. *Hessisches Ärzteblatt*, (4), 124–145.

Weis, J., Giesler, J. (2017). Versorgungsforschung in der Psychoonkologie. *Der Onkologe*, (11), 893–899.

Wong, P.T. (2007). Meaning management theory and death acceptance. In: A. Tomer, G.T. Eliason, P.T. Wong, (eds.). *Existential and spiritual issues in death attitudes*. (pp. 65–87). New York: Lawrence Erlbaum Associates Publ.

Wong, P.T.P., Reker, G.T., Gesser, G. (1994). Death Attitude Profile—Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In: R.A. Neimeyer, (ed.). *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application*. (pp. 121–148). New York: Taylor & Francis Publ.

Yalom, I.D. (1999). *Existential Psychotherapy*. New York: Harper Collins Publishers.

Yalom, I.D. (2009). *Staring at the Sun: Overcoming the Terror of Death*. San Francisco: Publisher Jossey-Bass.

References

Banerjee, A. (2017). Professional burnout in European young oncologists: Results of the European Society for Medical Oncology (ESMO) Young Oncologists Committee Burnout Survey. *Annals of Oncology*, 36(2), 599–617.

Bulgakova, O.S., Parkhomchuk, D.S., Ul'yanova, T.A. (2020). Burnout syndrome in doctors as a sign of the profession. *Vestnik psikhofiziologii = Bulletin of Psychophysiology*, (1), 9–20. (In Russ.)

Burisch, M., Borcsa, M. (2009). Burisch on Burnout. *PiD — Psychotherapie im Dialog*, 10(3), 256–259.

Carmen, J., Hall, R. (2023). Burnout in the U.S. Oncology Community: Results of a 2020–2023 Survey. *Systematic Review and Meta-Analysis*, 2(2), 44–53.

Chistopol'skaya, A.K., Mitina, O.V., Enikolopov, S.N. (2017). Development of short Russian-language versions of the questionnaires "Attitude to Death" and "Fear of Personal Death". *Suitsidologiya = Suicidology*, 8(4), 22–30. (In Russ.)

Chulkova, V.A., Komyakov, I.P., Karelov, A.E., Demin, E.V., Donskikh, R.V. (2012). Emotional burnout of oncologists and nurses of an oncology clinic. St. Petersburg: North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov Publ. (In Russ.)

Danilov, D. (2024). Top 69 Countries by Standard of Living-2024. Ratings and News, June 12, 2024. (In Russ.). URL: <https://top-rf.ru/places/121-rejting-stran-po-urovnyu-zhizni.html> (accessed: 24.07.2024).

Dmitrieva, P.V. (2020). Attitude to Death: From Fear and Avoidance to Acceptance. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science*, (8), 76–79. (In Russ.)

Feifel, G. (1999). Death as a Relevant Variable in Psychology. In *Existential Psychology*. (pp. 49–58). Moscow: April-Press Publ. (In Russ.)

Grishina, N.V. (2018). *Existential Psychology*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Jansen, J., Schulz-Quach, C., Eisenbeck, N., Carreno, D.F., Schmitz, A., Fountain, R., Franz, M., Schäfer, R., Wong, P.T., Fetz, K. (2019). German version of the Death Attitudes Profile-Revised (DAP-GR) — translation and validation of a multidimensional measurement of attitudes towards death. *BMC Psychology*, 7, 1–11. <https://doi.org/10.1186/s40359-019-0336-6>

Klimenko, E.N., Sazonov, V.Ya., Nazyrov, R.K. (2022). Burnout Syndrome: Its Structure and Features of Formation in Oncologists. *Kreativnaya khirurgiya i onkologiya = Creative Surgery and Oncology*, 2(4), 13–25. (In Russ.)

Klimenko, T.S. (2023). Features of professional burnout of oncologists. *Kreativnaya khirurgiya i onkologiya = Creative Surgery and Oncology*, 13(2), 41–66. (In Russ.)

Kondrat'eva, K.O., Safina, S.Z., Semiglazova, T.Yu., Karaseva, V.V., Tyulyadin, S.A. (2022). Studies of emotional burnout among doctors. *Zlokachestvennye opukholi = Malignant Tumors*, 12(3S1), 213–214. (In Russ.)

Kulagina, I.Yu., Senkevich, L.V. (2013). Attitude to death: age, regional and gender differences. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 9(4), 58–64. (In Russ.)

Maslach, C. (2001). *Die Wahrheit über Burnout*. Vienna: Springer Press.

Matveeva, E.V., Pinegina, N.M. (2020). Attitude to death: psychological analysis of the concept. *Nauchnyi al'manakh = Scientific Almanac*, 12(2), 156–161. (In Russ.)

Mern, K. (2017). Jeder dritte Onkologe fühlt sich ausgebrannt. *Medinside*, 12(4), 17–25.

Moody, R. (2020). *Life After Life*. Moscow: Scientific Almanac Publ. (In Russ.)

Moskvicheva, L.I. (2020). Burnout Syndrome in Oncology Physicians: Prevalence and Severity of the Syndrome, Factors Affecting its Development. *Menedzher zdravookhraneniya = Healthcare Manager*, (6), 28–36. (In Russ.)

Murali, K., Banerjee, S. (2018). Burnout in oncologists is a serious issue: What can we do about it? *Cancer Treatment Reviews*, 68, 55–61. <https://doi.org/10.1016/j.ctrv.2018.05.009>

Schulz-Kindermann, K. (2021). *Psychoonkologie. Grundlagen und psychotherapeutische Praxis*. Weinheim: Schattauer Press.

Senf, B., Fettel, J., Gog, C. (2020). Suizidalität in der Onkologie. Herausforderung und Chance. *Hessisches Ärzteblatt*, (4), 124–145.

Vachkov, I.V., Vachkova, S.N. (2021). Coping strategies and the level of emotional burnout of teachers. In: L.M. Mitina, (ed.). *New psychology of professional work of a teacher: from unstable reality to sustainable development*. (pp. 290–295). Moscow: Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research Publ. (In Russ.)

Vodop'yanova, N.E., Starchenkova, E.S. (2001). Burnout syndrome: diagnostics and prevention. 2nd ed. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Weis, J., Giesler, J. (2017). Versorgungsforschung in der Psychoonkologie. *Der Onkologe*, (11), 893–899.

Wong, P.T. (2007). Meaning management theory and death acceptance. In: A. Tomer, G. T. Eliason, P.T. Wong, (eds.). *Existential and spiritual issues in death attitudes*. (pp. 65–87). New York: Lawrence Erlbaum Associates Publ.

Wong, P.T.P., Reker, G.T., Gesser, G. (1994). Death Attitude Profile—Revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In: R.A. Neimeyer, (ed.). *Death anxiety handbook: Research, instrumentation, and application*. (pp. 121–148). New York: Taylor & Francis Publ.

Yalom, I.D. (1999). *Existential Psychotherapy*. New York: Harper Collins Publishers.

Yalom, I.D. (2009). *Staring at the Sun: Overcoming the Terror of Death*. San Francisco: Publisher Jossey-Bass.

Yurevich, A.V. (2018). Psychological aspects of attitude to death. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, (1), 123–132. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Павловна Белинская, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, elena_belinskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>

Камилла Сухробовна Холмурадова, студентка кафедры психологии факультета психологии филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Ташкент, Ташкент, Узбекистан, kholmuradova2021@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6079-1954>

ABOUT THE AUTHORS

Elena P. Belinskaya, Dr. Sci. (Psychol.), Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, elena_belinskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>

Kamilla S. Kholmuradova, Student at the Department of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Tashkent branch), Tashkent, Uzbekistan, kholmuradova2021@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6079-1954>

Поступила 24.07.2024. Получена после доработки 25.02.2025. Принята в печать 26.03.2025.

Received 24.07.2024. Revised 25.02.2025. Accepted 26.03.2025.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / APPLIED STUDIES

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-20>

УДК/UDC 159.99; 159.9.07

Стратегии совладающего поведения у женщин, мужья которых работают вахтовым методом

К.А. Володина , И.А. Русяева, А.А. Рагулина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация

 k.a.volodina@utmn.ru

Резюме

Актуальность. Вахтовый метод работы достаточно распространен в разных регионах России. Преимущественно выбор в пользу данного метода работы делают мужчины. Исследования пар или семей, в которых один из партнеров работает вахтовым методом, в научной литературе представлены мало. В то же время работы, констатирующие проявление стресса в семьях вахтовых специалистов, инициируют интерес к изучению совладающего поведения женщин, чьи мужья работают вахтовым методом.

Цель. Выявление специфики стратегий совладающего поведения женщин, мужья которых работают вахтовым методом.

Выборка. В исследовании приняли участие 103 женщины с семейным стажем от 5 до 10 лет, из них: 51 женщина, мужья которых работают вахтовым методом, и 52 женщины, постоянно проживающие с супругами (контрольная группа).

Методы. Изучение стратегий совладающего поведения осуществлялось при помощи Опросника совладания со стрессом COPE.

Результаты. Результаты исследования позволили выявить специфику совладания со стрессом у женщин, чьи мужья работают вахтовым методом. Для них характерна в большей степени стратегия «мысленный уход от проблемы» в сравнении с женщинами, постоянно проживающими с супругами. Наличие детей в семьях вахтовых специалистов также определенным образом влияет на выбор стратегий совладающего поведения женщин: у женщин с детьми выше показатели по продуктивным стратегиям — «позитивное переформулирование ситуации и личностный рост», «принятие» и «юмор», что помогает им справляться со стрессом при периодическом раздельном проживании с мужьями. Женщины без детей при периодическом раздельном проживании с мужьями чаще используют стратегии: «активное

совладание», «отрицание», «обращение к религии» и «мысленный уход от проблемы».

Выводы. Учет двух аспектов в ходе исследования (режим проживания с супругом и наличие детей) позволил выявить специфику совладающего поведения женщин, мужья которых работают вахтовым методом. Это позволит психологам грамотнее выстроить психологическую помощь и поддержку семьям данной категории.

Ключевые слова: женщины, дети, психология семьи, совладающее поведение, вахтовый метод

Для цитирования: Володина, К.А., Русяева, И.А., Рагулина, А.А. (2025). Стратегии совладающего поведения у женщин, мужья которых работают вахтовым методом. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 265–283. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-20>

Coping Strategies in Women Whose Husbands Work on a Rotational Basis

Ksenia A. Volodina ✉, Irina A. Rusyaeva, Anna A. Ragulina

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

✉ k.a.volodina@utmn.ru

Abstract

Background. Shift work is quite common in different regions of Russia. This method of work is most often chosen by men. In the scientific literature, there are few investigations devoted to the study of couples or families with one of the spouses working on a shift basis. Interest in studying the coping behaviour of women whose husbands work on a shift basis is caused by scientific studies into the manifestation of stress in the families of shift workers.

Objective. The article focuses on identifying specifics of coping behaviour in women whose husbands work on a rotational basis.

Study Participants. The study involved 103 women with marital experience ranging from 5 to 10 years, including: 51 women whose husbands work on a rotational basis and 52 women living permanently with their spouses (control group).

Methods. The study of coping strategies is carried out with the Coping with Stress Questionnaire COPE. The Mann-Whitney U-test is used to process quantitative data.

Results. The results of the study revealed the specifics of coping with stress in women whose husbands work in shifts. They are characterized by the strategy “mental disengagement” to a greater extent as compared to the women who live with their spouses permanently. The presence of children in the families of shift

workers also has a certain impact on the choice of coping strategies by women. Women with children have higher rates of productive strategies: “positive reinterpretation and personal growth”, “acceptance” and “humor”, it helps them cope with the stress of periodic separation from their husbands. In separation from their husbands, women without children are more likely to use the following strategies: “active coping”, “denial”, “religious coping” and “mental disengagement”.

Conclusions. Taking into account two aspects in the course of the study (the mode of living with a spouse and the presence of children) made it possible to identify the specifics of coping behaviour of women whose husbands work in shifts. This will allow psychologists to better organize psychological assistance and support for families in this category.

Keywords: women, children, family psychology, coping behaviour, shift method

For citation: Volodina, K.A., Rusyaeva, I.A., Ragulina, A.A. (2025). Coping strategies in women whose husbands work on a rotational basis. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 265–283. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-20>

Введение

В настоящее время вахтовый метод организации труда достаточно распространен среди предприятий различных отраслей. Изменения в экономике, низкие доходы семей, в особенности проживающих в малых городах и сельской местности, ведут к выбору работы вахтовым методом одним из супругов, чаще всего это мужчины. Вахтовый метод работы одного из супругов требует повышенных затрат адаптационных ресурсов пары, что приводит к постоянному напряжению в отношениях (Куликов, 2000).

Проблема исследования состоит в том, что, при относительной научной разработанности темы психологических особенностей вахтового труда (Симонова, 2010), приоритет в исследованиях отдается изучению самих вахтовых работников, в частности их личностных процессов (Прохоров, Чернов, 2012), особенностей саморегуляции (Войтехович, Симонова, 2018), факторов профессиональной адаптации (Белых и др., 2016) и др. В то же время вахтовый труд обуславливает также специфичность внутрисемейных отношений, образа жизни и мира супружеской пары. И.Н. Свириденко отмечает, что работы, направленные на исследование внутрисемейных отношений людей, работающих вахтовым методом, практически отсутствуют, что сказывается на качестве и своевременности оказания помощи

и поддержки вахтовикам и членам их семей (Свириденко, 2010). Тем не менее такие семьи нуждаются в помощи ввиду специфичности их отношений. Исследователи отмечают, что партнерские отношения включают в себя три взаимосвязанные системы: привязанность, забота и секс, при этом привязанность составляет основу чувства безопасности и защищенности в близких отношениях (Mikulincer, Shaver, 2020). Соответственно, изменения в этих системах влияют на качество отношений и диадического копинга в паре (Екимчик, Опекина, 2022). В ряде работ исследователи раскрывают актуальные проблемы семей, где один из супругов работает вахтовым методом: распределение семейных функций (Gallegos, 2005), психологическое благополучие (Бекренева и др., 2023), особенности супружеских отношений (Прынков, 2020; Васильева, Симонова, 2017), удовлетворенность браком (Нечепоренко, Самченко, 2014; Meredith et al., 2014).

Исследование внутрисемейных отношений является актуальной и значимой областью психологической науки и практики. Семья является одним из факторов, влияющих на психическое, эмоциональное состояние личности. А.М. Акимов, А.Н. Силин, Ю.М. Конев установили, что у мужчин, работающих вахтовым методом в газодобывающем комплексе более 5 лет, более выражены проявления стресса в семье, характеризующие рост изменений семейного положения и семейных конфликтов (Акимов и др., 2023). Заметим, что удовлетворенность отношениями внутри семьи оказывает значительное влияние на самореализацию человека в различных сферах деятельности. Также гармоничные отношения в семье сказываются на благополучном функционировании общества в целом.

По мнению В.В. Орловой, временная разлука может стать поводом, который обостряет уровень возникающих разногласий, споров, что может привести к отчуждению супругов (Орлова, 2010).

В. Мередит, П. Раш, Е. Робинсон провели обзор зарубежных научных работ о влиянии вахтовой организации работы одного из супругов на внутрисемейные отношения. Авторы отмечают, что в таких семьях наблюдается более высокий уровень стресса, снижение уровня удовлетворенности супружескими отношениями (Meredith et al., 2014). Д. Галлегос, исследуя австралийских нефтяников и шахтеров, пришел к выводу, что динамика внутрисемейных отношений зависит от рабочего цикла супруга, работающего вахтовым методом. В результате происходит перераспределение функций внутри семьи (Gallegos, 2005).

Так, С. Диттман, А. Энрикес, Н. Роксбург отметили, что в семьях, где один из супругов работает вахтовым методом, по сравнению с семьями с обычным режимом работы, у женщин в большей степени наблюдаются депрессия, тревога, стресс, беспокойство о благополучии супруга, мужчины же в большей степени употребляют алкогольные напитки, также в большей мере ощущают беспокойство о благополучии супруги (Dittman et al., 2016). В.А. Андрухович, Н.Н. Симонова также в качестве трудностей семей вахтовых специалистов выделяют в детско-родительских отношениях тенденцию к непринятию ребенка, в супружеских — снижение степени близости между партнерами (Андрухович, Симонова, 2020).

Опираясь на результаты данных исследований, стоит заметить, что это достаточно малоизученная область на сегодняшний день. Открытыми продолжают оставаться вопросы: как происходит адаптация к изменяющимся условиям в семье вахтовых специалистов, как справляются с этим супруги на разных уровнях — эмоциональном, поведенческом, когнитивном? Наше исследование направлено на изучение специфики стратегий совладающего поведения женщин, мужья которых работают вахтовым методом.

Совладающее с трудностями поведение — это сознательное, целенаправленное поведение, направленное на овладение, разрешение или смягчение, привыкание или уклонение, при необходимости, предотвращение кризисной ситуации (Крюкова и др., 2005, с. 57). Кроме того, совладающее поведение, или копинг, рассматривается отечественными психологами Т.В. Гущиной, Т.Л. Крюковой, и М.В. Сапоровской как конструктивный способ реагирования, который может усваиваться личностью под влиянием воспитания, семейных сценариев поведения с другими людьми (Гущина, 2009; Крюкова, 2010; Крюкова, Гущина, 2012; Сапоровская, 2013).

Совладающее поведение может быть продуктивным либо непродуктивным. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, Е.В. Куфтык выделяют продуктивный копинг семьи, включающий понимание стрессовой ситуации, поиск информации, поиск поддержки от близких людей, от людей, находящихся в подобной ситуации, от профессионалов, налаженную коммуникацию в семье, включенность членов семьи в разрешение проблемы. Непродуктивный копинг характеризуется преобладанием эмоциональных реакций на ситуацию, погружением в переживания, обвинением друг друга, себя (Крюкова и др., 2005, с. 57).

Анализ работ Ч. Карвера, Э. Фрайденберг и других, в которых предоставлены детальные классификации методов копинга, делает

очевидным, что стратегии, направленные на активное решение проблем, являются наиболее эффективными для адаптации (Carver et al., 1989; Frydenberg, Lewis, 2000; Рассказова, Гордеева, 2011). Однако существует и другой набор методов, которые не включают активное противодействие, но все же могут помочь человеку адаптироваться к стрессовым ситуациям. К этим подходам относятся: поиск поддержки и понимания у окружающих, что помогает обрести эмоциональную защиту; уменьшение внимания к другим задачам и проблемам, сосредоточение на главной причине стресса; а также терпение и ожидание более подходящего момента для действия. В определенных обстоятельствах люди могут использовать методы, которые хоть и не считаются адаптационными, помогают им преодолевать стресс. Вместо традиционных подходов они могут прибегать к таким тактикам, как эмоциональный отклик или выражение своих чувств, отказ от признания неприятных событий или даже психологическое устранение себя от ситуации с помощью мечтаний. Кроме того, есть стратегии, которые включают обращение к религии или к потреблению алкоголя и наркотиков, хотя их эффективность и влияние на адаптацию могут значительно различаться (Losoya et al., 1998).

Таким образом, на основе проведенного теоретического анализа проблемы и эмпирического исследования поведения женщин, чьи мужья работают вахтовым методом, мы сможем расширить представления о стратегиях совладания с трудными ситуациями у женщин при периодическом раздельном проживании с супругом. Это свидетельствует не только о практической, но и теоретической значимости исследования в психологической науке о взаимосвязи копинга и семейных отношений.

Основная цель исследования — это выявление стратегий совладающего поведения женщин, мужья которых работают вахтовым методом.

Гипотезы исследования

Совладающее поведение женщин, чьи мужья работают вахтовым методом, отличается от копингов у женщин, постоянно проживающих с супругами.

Совладающее поведение женщин имеет свою специфику в зависимости от наличия детей в семьях вахтовых специалистов и в семьях с постоянным совместным проживанием супругов.

Выборка

В исследовании приняли участие 103 женщины с семейным стажем от 5 до 10 лет:

— 50 женщин, имеющих зарегистрированный брак без детей: 25 женщин, постоянно проживающих с супругом (контрольная группа), и 25 женщин, периодически проживающих с супругом (мужья работают вахтовым методом);

— 53 женщины, имеющие зарегистрированный брак с детьми: 27 женщин, постоянно проживающих с супругом (контрольная группа), и 26 женщин, периодически проживающих с супругом (мужья работают вахтовым методом).

Возраст детей от 4 до 9 лет.

Методы исследования

Для изучения стратегий совладающего поведения применялся Опросник совладания со стрессом COPE (Coping Orientation to Problems Experienced Inventory) в адаптации Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой (Carver et al., 1989; Рассказова и др., 2013). Данный опросник позволяет определить выраженность копинг-стратегий, среди которых авторы отмечают наиболее адаптивные копинг-стратегии — это стратегии, направленные непосредственно на разрешение проблемной ситуации (активное совладание, использование инструментальной социальной поддержки, использование эмоциональной социальной поддержки, планирование, позитивное переформулирование и личностный рост, принятие). Вторая группа копинг-стратегий не связана с активным совладанием, но может способствовать адаптации человека в стрессовой ситуации (поиск эмоциональной социальной поддержки, подавление конкурирующей деятельности, сдерживание, юмор). Третью группу копинг-стратегий составляют стратегии, которые не являются адаптивными, однако в некоторых случаях помогают человеку в стрессовой ситуации (концентрация на эмоциях и их активное выражение, отрицание, мысленный уход от проблемы, поведенческий уход от проблемы). Отдельно авторы отмечают такие копинг-стратегии, как «обращение к религии» и «использование “успокоительных”». По мнению Е.И. Рассказовой и Т.О. Гордеевой, к «продуктивным» копинг-стратегиям стоит относить те, которые ориентированы на решение стрессовой ситуации (Рассказова, Гордеева, 2011).

Статистический анализ данных представлен описательными статистиками (медиана, квартили), сравнение выборок производилось с использованием U-критерия Манна — Уитни.

Результаты исследования

В ходе исследования рассматривалось два аспекта: во-первых, это постоянное или периодически раздельное проживание женщин с супругами (муж — вахтовый специалист), во-вторых, наличие детей в семье. Для проверки поставленных гипотез необходимо было провести сравнение выборок. Так как проверка нормальности распределения с использованием критерия Колмогорова — Смирнова показала, что распределение части шкал отличается от нормального ($p < 0,05$), то для сравнения двух независимых выборок применялся непараметрический критерий Манна — Уитни.

На первом этапе сравнивались показатели двух групп женщин — постоянно и периодически раздельно проживающих с супругом (Таблица 1).

Таблица 1
Значимые различия в стратегиях совладающего поведения у женщин при периодическом раздельном и постоянном проживании с супругом (n = 103)

Стратегия	Периодическое раздельное проживание (n = 51)			Постоянное проживание (n = 52)			U-критерий	Р-значение
	медиана	Q ₁	Q ₃	медиана	Q ₁	Q ₃		
Мысленный уход от проблемы	7	6	8	5	4	7	204	<0,001

Table 1
Significant differences in coping strategies among women during periodic separation and permanent residence with their spouses (n=103)

Coping strategy	Periodic separation (n = 51)			Permanent residence (n = 52)			U-criterion	P-value
	median	Q ₁	Q ₃	median	Q ₁	Q ₃		
Mental disengagement	7	6	8	5	4	7	204	<0.001

Из Таблицы 1 видно, что статистически значимые различия выявлены по шкале «мысленный уход от проблемы». Показатели по этой

шкале у женщин при периодическом раздельном проживании с супругом выше, чем у женщин при постоянном проживании с супругом. На втором этапе, в ходе сравнения выборок, учитывалось наличие детей в семьях вахтовых специалистов. В Таблице 2 представлены стратегии совладающего поведения у женщин с детьми и без детей при периодическом раздельном проживании с супругом.

Таблица 2
Значимые различия в стратегиях совладающего поведения у женщин с детьми и без детей при периодическом раздельном проживании с супругом (n = 51)

Стратегии	С детьми (n = 26)			Без детей (n = 25)			U-кри- терий	р-зна- чение
	медиана	Q ₁	Q ₃	медиана	Q ₁	Q ₃		
Позитивное переформулирование и личностный рост	10	8	11	7	6	8	37	0,001
Принятие	9	8	10	5	4	6	26,5	<0,001
Юмор	6,5	5	8	4	4	4	21,5	<0,001
Подавление конкурирующей деятельности	8,5	7	10	6	5	7	179	0,005

Table 2
Significant differences in coping strategies among women during periodic separation and permanent residence with their spouses (n = 51)

Coping strategies	Families with children (n = 26)			Families without children (n = 25)			U-criterion	P-value
	median	Q ₁	Q ₃	median	Q ₁	Q ₃		
Positive reinterpretation	10	8	11	7	6	8	37	0.001
Acceptance	9	8	10	5	4	6	26.5	<0.001
Humor	6.5	5	8	4	4	4	21.5	<0.001
Suppression of competing activities	8.5	7	10	6	5	7	179	0.005

Представленные в Таблице 2 результаты указывают на статистически значимые различия по шкалам: «позитивное переформулирование и личностный рост», «принятие», «юмор», «подавление конкурирующей деятельности», данные копинг-стратегии более выражены у женщин с детьми, чем без детей, при периодическом раздельном проживании с мужем. Третьим этапом выступил более детальный анализ — а именно сравнение женщин с детьми и без детей при периодическом

раздельном и постоянном проживании с супругом. У женщин с детьми при периодическом раздельном и совместном проживании супругов статистически значимые различия были установлены по стратегии «мысленный уход от проблем» (Таблица 3). Показатели у женщин с детьми по этой стратегии более выражены при периодическом раздельном, чем при постоянном совместном проживании.

Таблица 3
Значимые различия в стратегиях совладающего поведения у женщин с детьми при периодическом раздельном и постоянном проживании с супругом (n = 53)

Стратегия	Периодическое раздельное проживание (n = 26)			Постоянное проживание (n = 27)			U-критерий	p-значение
	медиана	Q ₁	Q ₃	медиана	Q ₁	Q ₃		
Мысленный уход от проблемы	6	6	7	4	4	5	87	<0,001

Table 3
Significant differences in coping strategies among women during periodic separation and permanent residence with their spouses (n = 53)

Coping strategy	Periodic separation (n = 26)			Permanent residence (n = 27)			U-criterion	P-value
	median	Q ₁	Q ₃	median	Q ₁	Q ₃		
Mental disengagement	6	6	7	4	4	5	87	<0.001

Далее на данном этапе было выполнено сравнение групп женщин без детей при постоянном и периодическом раздельном проживании с супругом (Таблица 4).

Таблица 4
Значимые различия в стратегиях совладающего поведения у женщин без детей при периодическом раздельном и постоянном проживании с супругом (n = 50)

Стратегии	Периодическое раздельное проживание (n = 25)			Постоянное проживание (n = 25)			U-критерий	p-значение
	медиана	Q ₁	Q ₃	медиана	Q ₁	Q ₃		
Активное совладание	12	10	13	9	8	10	37	0,001
Отрицание	8	6	9	4	4	5	26,5	<0,001
Обращение к религии	7	5	11	4	4	5	21,5	<0,001
Мысленный уход от проблемы	8	8	9	5	4	6	179	0,005

Table 4
Significant differences in coping strategies among women during periodic separation and permanent residence with their spouse (n = 50)

Coping strategies	Periodic separation (n = 25)			Permanent residence (n = 25)			U-crite- rion	P-value
	median	Q ₁	Q ₃	median	Q ₁	Q ₃		
Active coping	12	10	13	9	8	10	37	0.001
Denial	8	6	9	4	4	5	26.5	<0.001
Religious coping	7	5	11	4	4	5	21.5	<0.001
Mental disengagement	8	8	9	5	4	6	179	0.005

Из Таблицы 4 видно, что, согласно результатам сравнительного анализа, по четырем стратегиям выявлены статистически значимые различия. Женщины, не имеющие детей, при периодическом раздельном проживании с супругом более склонны к активному совладанию, отрицанию, обращению к религии и мысленному уходу от проблемы. Для женщин, не имеющих детей, но совместно проживающих с супругом, данные стратегии характерны в меньшей степени.

Таким образом, полученные результаты показывают, что режим постоянного или периодического раздельного проживания с супругом и наличие детей в семьях связаны с выраженностью различных стратегий совладающего поведения у женщин.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило выявить специфику совладания со стрессом у женщин, мужья которых работают вахтовым методом. Полученные результаты согласуются с данными исследований В. Мередит, П. Раш, Э. Робинсон, в которых авторы отмечают более высокий уровень стресса в семьях, где муж работает вахтовым методом (Meredith et al., 2014).

У женщин при периодическом раздельном проживании с супругом наиболее выражена стратегия мысленного ухода от проблемы, в сравнении с женщинами, которые постоянно проживают с супругом. В семьях, где супруг периодически отсутствует, длительное время семейные роли и функции могут реализоваться недостаточно. Согласно исследованиям, обстановка в таких семьях может быть конфликтной (Орлова, 2010). Е.В. Селезнева и М.М. Соколова сообщают, что субъективная оценка переживаний в трудной ситуации

как более интенсивных связана с компромиссным и эмоционально-ориентированным поведением женщин (Селезнева, Соколова, 2015). Исходя из этого, стратегия «мысленный уход от проблем» похожа на отвлечение от неприятных, тягостных мыслей о том, с чем женщина по какой-то причине не может справиться. Мы предполагаем, что эта стратегия может проявляться в виде откладывания принятия решений или разрешения проблем до тех пор, пока муж не вернется с вахты. Аспект временного распределения копинг-стратегий во время отсутствия супруга и во время нахождения его в семье требует отдельного изучения.

Результаты исследования показали, что наличие детей в семьях с периодическим раздельным проживанием супругов также играет важную роль в выборе стратегий совладающего поведения женщин.

Для женщин с детьми характерна склонность к проявлениям продуктивных стратегий поведения. Так, стратегия «позитивное переформулирование и личностный рост» означает восприятие ситуации как точки роста, и женщины с детьми более склонны к этому, как и к стратегии «принятие», поскольку наличие детей предполагает и ответственность за стабильность семьи. Эти стратегии выступают как стабилизирующие, они позволяют признать существующую реальность и выработать оптимальные пути решения трудностей, наполнить их смыслом (Рассказова и др., 2013). Использование данных стратегий способствует поиску положительных моментов, смыслов в ситуации, наращиванию новых компетенций и возможностей, что усиливает опору на себя, укрепляет самооценку и самоуважение у женщин. Стратегия «юмор» также более свойственна женщинам с детьми, поскольку позволяет снизить напряжение и получить эмоциональную разрядку в процессе общения, взаимодействия с детьми. В то же время женам вахтовиков, имеющим детей, в большей степени, чем бездетным, свойственна стратегия «подавление конкурирующей деятельности», которая, в отличие от ранее рассмотренных, является непродуктивной. Это проявляется в отсутствии гибкости мышления и поведения, излишней фиксации на стрессовой ситуации, что может негативно отразиться на включенности женщины в воспитание и заботу о детях.

Таким образом, в целом для женщин с детьми более свойственно демонстрировать продуктивные стратегии совладания, чем для женщин без детей при периодически раздельном проживании с супругом.

Сравнительный анализ стратегий совладающего поведения у женщин, не имеющих детей, показал, что совладающее поведение

женщин при периодическом раздельном проживании с супругом значительно отличается от стратегий поведения женщин при постоянном проживании с супругом. Помимо мысленного ухода от проблем, который характерен также и для общей выборки жен вахтовиков, им свойственны еще такие стратегии, как «активное совладание», «отрицание», «обращение к религии». Вариативность данных стратегий можно объяснить тем, что женщинам без детей, с одной стороны, труднее принять ситуацию раздельного проживания с мужем (возможно, это связано с супружескими ролями, реализация которых может быть депривирована в период отсутствия супруга), и поэтому они используют менее продуктивные стратегии совладания (отрицание, обращение к религии, мысленный уход от проблем). С другой стороны, при возникновении сложностей, трудностей, проблем женщины, более склонные к активному совладанию со стрессовыми ситуациями (продуктивной стратегии), способны выдерживать режим жизни, при котором муж периодически отсутствует дома в связи с работой вахтовым методом.

Также у женщин без детей при периодическом раздельном проживании с супругом выражены «отрицание» и «обращение к религии». Возможно, отрицание — это одна из доминирующих реакций женщины, столкнувшейся с необходимостью самостоятельно решать возникающие трудности, в особенности те из них, что ей раньше не приходилось решать самой, поэтому происходит отрицание самого факта возникновения трудности, выбирается принцип «не замечать». Один из вариантов поиска новых «опор» в этой ситуации — поиск помощи, поддержки «высших сил», что приводит женщин к выбору стратегии — «обращение к религии». Для женщин, совместно проживающих с супругом, данные стратегии свойственны в меньшей степени. Вероятно, что совместное времяпрепровождение позволяет супругам находить поддержку и опору друг в друге.

Таким образом, рассмотрев два аспекта: режим проживания с супругом и наличие детей, можем сказать, что есть связь данных факторов со стратегиями совладающего поведения у женщин.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить специфику совладающего поведения женщин, мужья которых работают вахтовым методом. Женщины при периодическом раздельном проживании с супругом более склонны мысленно игнорировать трудности,

в отличие от женщин, постоянно проживающих с супругом. Наличие детей в семьях вахтовых специалистов играет значительную роль: женщины, имеющие детей, чаще прибегают к продуктивным копингам: принятию, позитивному переформулированию и личностному росту, а также чаще смотрят на трудности с юмором, в отличие от женщин, не имеющих детей. Женщины без детей, мужа которых работают вахтовым методом, имеют более вариативный репертуар стратегий совладающего поведения в сравнении с женщинами, постоянно проживающими с супругами. Таким образом, гипотезы исследования могут быть приняты.

Практическое применение

Проблематика отношений, эмоциональная и поведенческая сфера семей, где один из супругов работает вахтовым методом, мало изучена. На примере исследования стратегий совладающего поведения женщин, чьи мужья работают вахтовым методом, были выявлены особенности совладающего поведения женщин в сравнении с контрольной группой, при этом учитывался факт периодического раздельного или постоянного совместного проживания с супругом, а также наличие детей в семьях вахтовых специалистов. Результаты проведенного исследования могут быть полезны семейным психологам для разработки методов семейно-ориентированной психологической помощи, оптимальных способов гармонизации отношений, направленных на достижение психологического равновесия и благополучия в семьях вахтовых специалистов.

Список литературы

Андрухович, В.А., Симонова, Н.Н. (2020). Супружеские отношения при работе одного из супругов вахтовым методом. В кн.: Психология и современный мир. Материалы заочной Всеросс. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (23 апреля, 2020 г.). Под ред. Е.В. Казакова. (С. 96–100). Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.

Акимов, А.М., Силин, А.Н., Конев, Ю.М. (2023). Стресс в семье у мужчин, занятых вахтовой формой труда в Арктическом регионе. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*, 16(1), 9–19. <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-1-9-19>

Бекренева, Ю.С., Бриль, М.С., Ермилова, В.А. (2023). Психологическое благополучие в семьях вахтовых специалистов. *The Caucasus Journal of Medical and Psychological Sciences*, 1(2-3), 19–30. <https://doi.org/10.61699/cjmps-v1-i2-3-p19-30>

Белых, С.Л., Симонова, Н.Н., Корнеева, Я.А., Войтехович, Т.С. (2016). Ментальные репрезентации вахты как фактор профессиональной адаптации персонала. *Психологический журнал*, 37(5), 32–44.

Васильева, Н.В., Симонова, Н.Н. (2017). Особенности супружеских отношений специалистов, работающих вахтовым методом в условиях Крайнего Севера. В кн.: *Психология и современный мир. Субъект жизнедеятельности в современном обществе. Материалы Всеросс. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (27 апреля, 2017 г.)*. Под ред. Е.В. Казакова. (С. 162–166). Архангельск: Изд-во «КИРА».

Войтехович, Т.С., Симонова, Н.Н. (2018). Особенности саморегуляции работников различных групп профессий вахтового труда на Крайнем Севере. *Российский психологический журнал*, 15(2), 133–168.

Гущина, Т.В. (2009). Адаптация к другой культуре как трудная жизненная ситуация и совладание с ней: роль социальных представлений. *Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, 15(5), 177–182.

Екимчик, О.А., Опекина, Т.П. (2022). Романтическая привязанность как предиктор диадического копинга в паре. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(2), 223–240.

Крюкова, Т.Л. (2010). Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Изд-во Костромского государственного ун-та имени Н.А. Некрасова.

Крюкова, Т.Л., Гущина, Т.В. (2012). О социокультурной контекстуализации в исследованиях стресса и совладания. *Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Серия Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, 18(3), 194–198.

Крюкова, Т.Л., Сапоровская, М.В., Куфтяк, Е.В. (2005). Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. Санкт-Петербург: Изд-во «Речь».

Куликов, Л.В. (2000). Психические состояния: Хрестоматия. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».

Нечепоренко, О.П., Самченко, Е.М. (2014). Особенности удовлетворенности браком и ролевых ожиданий супругов при периодическом раздельном проживании. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, (1), 52–58.

Орлова, В.В. (2010). Фактор разлуки в семейно-брачных отношениях моряков и рыбаков Приморья. *Молодой ученый*, (3), 226–231.

Прохоров, А.О., Чернов, А.В. (2012). Рефлексивная регуляция психических состояний. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*, 154(6), 244–257.

Прынков, М.В. (2020). Особенности супружеских отношений в семьях вахтовых специалистов. *Молодой ученый*, (24), 501–504.

Рассказова, Е.И., Гордеева, Т.О. (2011). Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы. *Психологические исследования*, 4(17). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/850> (дата обращения: 01.10.2024).

Рассказова, Е.И., Гордеева, Т.О., Осин, Е.Н. (2013). Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики СОРЕ. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(1), 82–118.

Сапоровская, М.В. (2013). Совладание в межпоколенном срезе. *Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова*, 19(5), 198–201.

Свириденко, И.Н. (2010). Актуальные проблемы психологической диагностики лиц, работающих вахтовым методом на Крайнем Севере. В кн.: *Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера. Материалы Всеросс. науч. конф. (17–18 ноября, 2010 г.)*. Под ред. Г.Ю. Колевой. (С. 143–148). Тюмень: Изд-во Тюменского государственного нефтегазового ун-та.

Селезнева, Е.В., Соколова, М.М. (2015). Особенности совладания с трудными жизненными ситуациями у женщин. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 4(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovladaniya-s-trudnymi-zhiznennymi-situatsiyami-u-zhenschin-1> (дата обращения: 20.10.2024).

Симонова, Н.Н. (2010). Психология вахтового труда на Севере. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та.

Carver, C.S., Scheier, M.F., Weintraub, J.K. (1989). Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56, 267–283.

Dittman, C.K., Henriquez, A., Roxburgh, N. (2016). When a non-resident worker is a non-resident parent: Investigating the family impact of fly-in, fly-out work practices in Australia. *Journal of Child and Family Studies*, 25(9), 2778–2796.

Frydenberg, E., Lewis, R. (2000). Teaching Coping to adolescents: when and to whom? *American Educational Research Journal*, 37(3), 727–745.

Gallegos, D. (2005). Fly-in fly-out employment: Managing the parenting transitions. Perth: Centre for Social and Community Research Publ., Murdoch University Press.

Losoya, S., Eisenberg, N., Fabes, R. (1998). Developmental issues in the study of coping. *International Journal of Behavioral Development*, 2, 287–313.

Meredith, V., Rush, P., Robinson, E. (2014). Fly-in fly-out workforce practices in Australia: The effects on children and family relationships. Melbourne: Australian Institute of Family Studies Press.

Mikulincer, M., Shaver, P.R. (2020). Enhancing the “Broaden and Build” cycle of attachment security in adulthood: From the laboratory to relational contexts and societal systems. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(6), 2054. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062054>

References

Andrukhovich, V.A., Simonova, N.N. (2020). Marital relations when one of the spouses works on a rotational basis. In: E.V. Kazakova, (ed.). *Psychology and the modern world*. All-Russian scientific conference of students, graduate students and

young scientists (April 23, 2020). (pp. 96–100). Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov Press. (In Russ.)

Akimov, A.M., Silin, A.N., Konev, Yu.M. (2023). Family Stress in Men Employed on Shift Work in the Arctic Region. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* = *News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 16(1), 9–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-1-9-19>

Bekreneva, Iu.S., Bril', M.S., Ermilova, V.A. (2023). Psychological well-being in families of shift workers. *The Caucasus Journal of Medical and Psychological Sciences*, 1(2–3), 19–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.61699/cjmps-v1-i2-3-p19-30>

Belykh, S.L., Simonova, N.N., Korneeva, Ya.A., Voitekhovich, T.S. (2016). Mental representations of shift work as a factor in professional adaptation of personnel. *Psihologicheskij zhurnal* = *Psychological Journal*, 37(5), 32–44. (In Russ.)

Carver, C.S., Scheier, M.F., Weintraub, J.K. (1989). Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56, 267–283.

Dittman, C.K., Henriquez, A., Roxburgh, N. (2016). When a non-resident worker is a non-resident parent: Investigating the family impact of fly-in, fly-out work practices in Australia. *Journal of Child and Family Studies*, 25(9), 2778–2796.

Ekimchik, O.A., Opekina, T.P. (2022). Romantic attachment as a predictor of dyadic coping in a couple. *Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki* = *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(2), 223–240. (In Russ.)

Frydenberg, E., Lewis, R. (2000). Teaching Coping to adolescents: when and to whom? *American Educational Research Journal*, 37(3), 727–745.

Gallegos, D. (2005). Fly-in fly-out employment: Managing the parenting transitions. Perth: Centre for Social and Community Research Publ., Murdoch University Press.

Gushchina, T.V. (2009). Adaptation to another culture as a difficult life situation and coping with it: the role of social representations. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova. Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika* = *Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenile studies. Sociokinetics*, 15(5), 177–182. (In Russ.)

Kryukova, T.L., Saporovskaia, M.V., Kuftiak, E.V. (2005). Family psychology: life's difficulties and coping with them. St. Petersburg: Rech Publ. (In Russ.)

Kryukova, T.L. (2010). Methods of studying coping behavior: three coping scales. Kostroma: Kostroma State University named after N.A. Nekrasov Press. (In Russ.)

Kryukova, T.L., Gushchina, T.V. (2012). On sociocultural contextualization in stress and coping studies. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova. Pedagogika. Psihologiya. Social'nayarabota. Yuvenologiya. Sociokinetika* = *Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenile Studies. Sociokinetics*, 18(3), 194–198. (In Russ.)

Kulikov, L.V. (2000). Mental States: Reader. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)

Losoya, S., Eisenberg, N., Fabes, R. (1998). Developmental issues in the study of coping. *International Journal of Behavioral Development*, 2, 287–313.

Meredith, V., Rush, P., Robinson, E. (2014). Fly-in fly-out workforce practices in Australia: The effects on children and family relationships. Melbourne: Australian Institute of Family Studies Press.

Mikulincer, M., Shaver, P.R. (2020). Enhancing the “Broaden and Build” cycle of attachment security in adulthood: From the laboratory to relational contexts and societal systems. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(6), 2054. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062054>

Necheporenko, O.P., Samchenko, E.M. (2014). Features of marital satisfaction and role expectations of spouses during periodic separation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psikhologiya» = Bulletin of Omsk University. Series Psychology*, (1), 52–58. (In Russ.)

Orlova, V.V. (2010). The factor of separation in family and marital relations of sailors and fishermen of Primorye. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, (3), 226–231. (In Russ.)

Prokhorov, A.O., Chernov, A.V. (2012). Reflexive regulation of mental states. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Scientific Notes of Kazan University. Series Humanities*, 154(6), 244–257. (In Russ.)

Prynkov, M.V. (2020). Peculiarities of marital relations in families of shift workers. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, (24), 501–504. (In Russ.)

Rasskazova, E.I., Gordeeva, T.O. (2011). Coping strategies in stress psychology: approaches, methods and prospects. *Psikhologicheskie issledovaniia = Psychological Research*, 4(17). (In Russ.). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/850> (accessed: 01.10.2024).

Rasskazova, E.I., Gordeeva, T.O., Osin, E.N. (2013). Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric characteristics and the possibilities of using the COPE methodology. *Psychology. Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10(1), 82–118. (In Russ.)

Saporovskaya, M.V. (2013). Coping in the intergenerational context. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova = Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*, 19(5), 198–201. (In Russ.)

Selezneva, E.V., Sokolova, M.M. (2015). Features of coping with difficult life situations in women. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Current Problems of Humanitarian and Natural Sciences*, 4(2). (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovladaniya-s-trudnymi-zhiznennymi-situatsiyami-u-zhenschin-1> (accessed: 20.10.2024).

Simonova, N.N. (2010). Psychology of shift work in the North. Arkhangelsk: Pomor Univ. Press. (In Russ.)

Sviridenko, I.N. (2010). Actual problems of psychological diagnostics of persons working on a rotational basis in the Far North. In: G.Yu. Koleva, (ed.). Man in the conditions of intensive oil and gas development of the North. All-Russian Scientific Conference (November 17–18, 2010). (pp. 143–148). Tyumen: Industrial University of Tyumen Press. (In Russ.)

Vasilyeva, N.V., Simonova, N.N. (2017). Features of marital relations of specialists working on a rotational basis in the Far North. In: E. V. Kazakova, (ed.). Psychology and the modern world. Subject of life in modern society. All-Russian Scientific Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists (April 27, 2017). (pp. 162–166). Arkhangelsk: KIRA Publ. (In Russ.)

Voitekhovich, T.S., Simonova, N.N. (2018). Features of self-regulation of workers of various groups of professions of shift work in the Far North. *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal = Russian Psychological Journal*, 15(2), 133–168. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ксения Андреевна Володина, кандидат психологических наук, доцент Школы образования Тюменского государственного университета, Тюмень, Российская Федерация, k.a.volodina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5570-8976>

Ирина Александровна Русяева, кандидат психологических наук, доцент Школы образования Тюменского государственного университета, Тюмень, Российская Федерация, irinagfel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2196-5536>

Анна Алексеевна Рагулина, кандидат психологических наук, старший преподаватель Школы образования Тюменского государственного университета, Тюмень, Российская Федерация, a-pusha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3365-3684>

ABOUT THE AUTHORS

Ksenia A. Volodina, Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor at the School of Education, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, k.a.volodina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5570-8976>

Irina A. Rusaeva, Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor at the School of Education, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, irinagfel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2196-5536>

Anna A. Ragulina, Cand. Sci. (Psychol.), Senior Lecturer at the School of Education, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, a-pusha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3365-3684>

Поступила 02.11.2024. Получена после доработки 08.03.2025. Принята в печать 31.03.2025.

Received 02.11.2024. Revised 08.03.2025. Accepted 31.03.2025.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / APPLIED STUDIES

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-25-21>

УДК/UDC 159.9.075; 159.922.8

Стресс, осознанная саморегуляция и экзаменационная успешность у студентов инженерных вузов

В.И. Моросанова, И.Н. Бондаренко ✉, И.Ю. Цыганов

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

✉ pondi@inbox.ru

Резюме

Актуальность. Экзаменационный стресс наблюдается у большинства студентов, что подчеркивает актуальность задачи поиска психологических ресурсов успешности на экзаменах.

Цель. Выявление уровня стресса, а также универсальных и специальных регуляторных ресурсов экзаменационной успешности студентов IT-специальностей.

Выборка. 322 студента второго курса московского технического вуза, обучающихся по специальности «Информационная безопасность» ($M_{\text{возраст}} = 19,22$; $SD = 4,64$; 29 % — девушки).

Методы. На платформе «Тестограф» (<https://www.testograf.ru>) перед сессией студенты заполнили 4 опросника: Стиль саморегуляции поведения (ССПМ 2020), Краткий опросник острого и хронического стресса (КОХС), Шкала воспринимаемого стресса (ШВС), Стресс субъективной и объективной неопределенности (ССОН). При анализе показателей учитывались также результаты ближайшей к тестированию сессии.

Результаты. Для большинства студентов IT-специальностей характерен средний уровень выраженности всех исследованных видов стресса в сравнении с данными по общероссийской выборке. Различия студентов по результатам экзаменов связаны в большей степени с уровнем острого стресса в период экзаменационной подготовки и с типом учебной дисциплины. Осознанная саморегуляция вносит значимый положительный вклад в экзаменационную успешность по профильным дисциплинам — математике и программированию: чем выше уровень ее развития, тем выше экзаменационные оценки. Значимыми предикторами экзаменационной успешности являются регуляторные компетенции оценивания результатов и програм-

мирования учебных действий, а также регуляторные свойства надежности и настойчивости.

Выводы. Осознанная саморегуляция является универсальным регуляторным ресурсом экзаменационной успешности студентов технических специальностей. Переживания острого стресса могут влиять на экзаменационную оценку как положительно, так и отрицательно. Выявлены регуляторные компетенции, выступающие специальными ресурсами для успешной сдачи экзаменов.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, студенты ИТ-специальностей, острый стресс, хронический стресс, воспринимаемый стресс, стресс неопределенности, регуляторные ресурсы, экзаменационная успешность

Для цитирования: Моросанова, В.И., Бондаренко, И.Н., Цыганов, И.Ю. (2025). Стресс, осознанная саморегуляция и экзаменационная успешность у студентов инженерных вузов. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(2), 284–304. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-21>

Stress, Conscious Self-Regulation, and Examination Success in Engineering Students

Varvara I. Morosanova, Irina N. Bondarenko ✉, Igor Yu. Tsyganov,

Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

✉ pondi@inbox.ru

Abstract

Background. Examination stress is observed in the majority of students, which emphasizes the relevance of searching for psychological resources facilitating successful examination.

Objective. The study had its purpose to reveal the stress level of IT students as well as their universal and special regulatory resources for exam success.

Study Participants. The study involved 322 second-year students of a Moscow technical university specializing in information security ($M_{\text{age}} = 19.22$; $SD = 4.64$; 29 % were female students).

Methods. The students completed 4 questionnaires on the “Testograph” platform (<https://www.testograf.ru>) shortly before the exam session: Self-Regulation Profile (SRP-2020), Brief Acute and Chronic Stress (BACS), Perceived Stress Scale (PSS), Subjective and Objective Uncertainty Stress (SOUS) scale. The data processing also included the results of the examination session.

Results. The majority of IT students demonstrated an average level of all the studied types of stress when compared to the data from the all-Russian sample. Differences in student performance are mostly related to the level of acute stress experienced during exam preparation period and to the type of academic discipline. Conscious self-regulation makes a significant positive contribution to examination success in the profile disciplines — mathematics and programming: the higher the level of its development is, the higher the examination grades are. Significant predictors of examination success are regulatory competencies of evaluating results and programming educational activities, as well as regulatory properties of reliability and persistence.

Conclusions. Conscious self-regulation is a universal regulatory resource for examination success for students in technical specialties. Acute stress experiences can influence exam performance both positively and negatively. The study has identified the regulatory competencies acting as special resources for examination success.

Keywords: conscious self-regulation, IT students, acute stress, chronic stress, perceived stress, uncertainty stress, regulatory resources, examination success

For citation: Morosanova, V.I., Bondarenko, I.N., Tsyganov, I.Yu. (2025). Stress, conscious self-regulation, and examination success in engineering students. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(2), 284–304. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-21>

Введение

Исследования регуляторных ресурсов, способствующих достижению учебных целей в высшей школе в условиях стрессовой нагрузки, возникающей на экзамене, не теряют своей актуальности. Студенты, проходящие обучение по различным ИТ-специальностям в вузах, в ходе образовательного процесса подвергаются значительным интеллектуальным, эмоциональным и физическим нагрузкам, что превращает проблему преодоления стресса в одну из наиболее острых в образовательной среде (Моросанова и др., 2025). ИТ-специалист — профессионал с глубокими техническими знаниями, аналитическим мышлением и способностью быстро осваивать новые технологии. Для него важно умение планировать работу, соблюдать сроки и сохранять хладнокровие в критических ситуациях, обеспечивая безопасность данных. Это подчеркивает актуальность и значимость исследования психологических механизмов влияния

стресса и психологических ресурсов его преодоления при подготовке специалистов этой востребованной в современном мире профессии.

Стресс негативно воздействует на когнитивную деятельность, мотивацию, поведение и самочувствие студентов (Deng et al., 2020), снижая их академические достижения и общее благополучие (Фомина и др., 2024; Wuthrich et al., 2020). Изучение стресса у студентов IT-специальностей важно для выявления механизмов снижения образовательных результатов и разработки стратегий психологической поддержки, эффективно способствующих подготовке студентов к будущим профессиональным вызовам. В настоящий момент выделено три его вида: острый, хронический и воспринимаемый (Моросанова и др., 2025). В последнее время ситуация усугубилась за счет появления нового вида — стресса неопределенности (Моросанова и др., 2024).

При сдаче экзаменов студенты преимущественно сталкиваются с острым стрессом, характеризующимся краткосрочным воздействием и проявляющимся через симптомы острого стресса (МКБ-10) (Моросанова и др., 2025). Его влияние на успеваемость двояко: хоть он и ухудшает рабочую память и когнитивную гибкость (Kan et al., 2021), но одновременно стимулирует эффективность выполнения заданий и усиливает мотивацию (Ruthig et al., 2011; Pascoe et al., 2020). Повышенное возбуждение способствует росту учебной продуктивности (DelaCruz et al., 2022), однако такие факторы, как перфекционизм, низкая самооценка и низкая стресс-резистентность, усиливают напряжение (Putwain, von der Embse, 2021).

Хронический стресс, обусловленный продолжительным воздействием неблагоприятных факторов, вызывает психоэмоциональные расстройства и соматические заболевания, характеризующиеся повышенной утомляемостью, нарушениями сна, изменениями пищевого поведения, проблемами ЖКТ и головными болями (Леонова, 2004; Моросанова, Зинченко, 2024). Последствия включают дефицит концентрации внимания, нарушения памяти, склонность к прокрастинации и ухудшение общего самочувствия (Бодров, 2006; Моросанова, Зинченко, 2024).

Ученые подчеркивают необходимость исследования различий между этими видами стресса в аспекте их влияния на успеваемость (Моросанова и др., 2025). Важно учитывать, что стресс в данном контексте оценивается преимущественно посредством самооценки соответствующих симптомов и состояний, а не на основе объективных медицинских показателей. Таким образом, по сути, речь идет

о воспринимаемом стрессе. Возникающая здесь путаница заключается в том, что воспринимаемый стресс, как его определяет Ш. Коэн, есть «степень, в которой человек оценивает *события* своей жизни как стрессовые» (Cohen, 1983, p. 385). На выборке студентов-медиков были обнаружены значимые корреляции между воспринимаемым стрессом и снижением успеваемости (Madani et al., 2024).

Установлено, что стресс, связанный с неопределенностью, затрудняет выполнение повседневных задач, негативно влияет на самооценку (Peng et al., 2021) и усиливает негативные эмоции (Wise et al., 2023). Он представляет собой негативное переживание различных жизненных событий как непредсказуемых и неконтролируемых и обусловлен недостатком психологических ресурсов для его преодоления (Моросанова, Зинченко, 2024). Его влияние на академическую успеваемость изучено мало.

В настоящей работе ставилась задача прояснить, какие виды стресса оказывают существенное влияние на результаты экзаменов у студентов IT-специальностей. Кроме того, исследования показали, что, помимо специфики влияния стресса на экзаменационную успешность, может иметь значение и предметная область, по которой проводится экзамен, и успеваемость на протяжении семестра (Моросанова, 2022). С.Н. Костромина и А.Е. Писарев предположили, что различные типы заданий оказывают разное влияние на возникновение стресс-реакций, в частности, наиболее стрессогенными являются задания открытого типа (Костромина, Писарев, 2017). Поэтому в настоящем исследовании успешность сдачи экзаменов по математике и программированию рассматривается отдельно. В качестве психологического ресурса преодоления этих видов академического стресса мы предлагаем исследовать осознанную саморегуляцию человека (СР). Она представляет собой высший уровень психической регуляции, выступая как рефлексивный механизм, который позволяет человеку запускать, структурировать и поддерживать свою активность с целью осознанного решения возникающих проблем. Показано, что СР является метаресурсом достижения разнообразных жизненных целей, в том числе и целей обучения (Моросанова и др., 2025). В зависимости от значимости изучаемого предмета для дальнейшей профессиональной деятельности, можно выявить универсальные и специальные регуляторные ресурсы успешности овладения конкретной дисциплиной. Кроме того, СР служит важным инструментом для преодоления стресса через развитие когнитивных компетенций, таких как планирование целей, моделирование условий

их реализации, разработка планов действий и оценка достигнутых результатов, а также личностных качеств — гибкости, надежности, упорства и ответственности (Моросанова, 2022).

Целью данного исследования было выявление уровня стресса у студентов IT-специальностей, а также изучение универсальных и специальных регуляторных ресурсов их экзаменационной успешности с учетом выраженности различных видов стресса.

В исследовании проверялись следующие гипотезы:

1. Развитие осознанной саморегуляции является универсальным ресурсом экзаменационной успешности по математике и программированию. Чем более развита осознанная СР, тем успешнее студенты будут справляться со стрессом различного вида и тем выше будет результат экзамена.

2. Существуют различия в специальных регуляторных ресурсах экзаменационной успешности в зависимости от особенностей учебной дисциплины.

3. Уровень острого стресса при подготовке к экзаменам предположительно связан с различным уровнем успешности студентов.

Методы исследования

Для диагностики уровня развития осознанной СР была использована методика В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» (Моросанова, Кондратюк, 2020). Для оценки трех видов стресса использованы «Краткий опросник острого и хронического стресса» (КОХС) (Моросанова, Зинченко, 2024), «Шкала воспринимаемого стресса» Ш. Коэна (Perceived Stress Scale — 10, PSS) в адаптации А. Золотаревой (Золотарева, 2023), опросник «Стресс субъективной и объективной неопределенности» (ССОН) (Моросанова и др., 2024).

Показатели экзаменационной успешности вычислялись как среднее арифметическое результатов экзаменов по математике и программированию в ближайшую к тестированию сессию. Для этого суммировались оценки по трем соответствующим этим дисциплинам экзаменам и вычислялось их среднее значение. Так, студенты сдавали три экзамена по математике: «Дифференциальные уравнения», «Математическая логика и теория алгоритмов», «Математический анализ», а также три экзамена по программированию: «Компьютерное моделирование сложных систем», «Операционные системы», «Технологии и методы программирования». Оценки варьировали от 2 до 5.

Выборка

В исследовании приняли участие 322 студента второго курса московского технического вуза, обучающихся по специальности «Информационная безопасность», 29 % — девушки, средний возраст $19,22 \pm 4,64$ лет. Сбор данных проводился с помощью платформы «Тестограф» (<https://www.testograf.ru/>) в период подготовки студентов к сессии.

Результаты исследования

Для оценки уровня стресса различного вида у студентов ИТ-специальностей выполнено сравнение их показателей по всем видам стресса с аналогичными показателями, измеренными на общей выборке студентов высших и средних специальных учебных заведений более широкого круга специальностей, обучающихся в 17 городах России — от Калининграда до Петропавловска-Камчатского (N = 2642). Результаты сравнения представлены в Таблице 1.

Оказалось, что общий уровень СР у студентов ИТ-специальностей несколько выше, чем в объединенной общероссийской выборке. По всем трем видам стресса наблюдается более высокая доля студентов со средним уровнем его выраженности. Доля студентов с низким уровнем хронического стресса у студентов технического вуза существенно ниже (1 % против 15,5 % соответственно).

Таблица 1
Средние значения показателей стресса и осознанной саморегуляции (общий уровень) у студентов ИТ-специальностей и студентов вузов/ссузов других специальностей

Показатели	ИТ-студенты (N = 322)						Общероссийская выборка (N = 2642)				
	М		Распределение, %			М		Распределение, %			
			низ-кий	сред-ний	высо-кий			низ-кий	сред-ний	высо-кий	
Саморегуляция	94,00	11,21	15,7	67,8	16,5	91,32	15,11	14,4	70,0	15,6	
Стресс	Острый	19,04	15,11	5,6	85,4	9	19,46	5,85	7,1	78,3	14,6
	Хронический	33,63	5,85	1,0	87,6	11,4	32,17	7,17	14,2	69,9	15,9
	Воспринимаемый	24,82	7,17	8,7	67,08	24,22	26,10	7,323	6,85	60,42	32,73

Table 1
Average values of stress and conscious self-regulation indices in IT-students and in students of higher and specialized secondary educational institutions

Variables	IT-students (N= 322)						Higher and specialized secondary educational institutions (N= 2642)				
	M	σ	Percentage distribution, %			M	σ	Percentage distribution, %			
			low	medium	high			low	medium	high	
Self-regulation	94.00	11.21	15.7	67.8	16.5	91.32	15.11	14.4	70.0	15.6	
Srtress	Acute	19.04	15.11	5.6	85.4	9	19.46	5.85	7.1	78.3	14.6
	Chronic	33.63	5.85	1.0	87.6	11.4	32.17	7.17	14.2	69.9	15.9
	Perceived	24.82	7.17	8.7	67.08	24.22	26.10	7.323	6.85	60.42	32.73

Универсальные и специальные ресурсы экзаменационной успешности по математике и программированию

Для проверки Гипотезы 1 о том, что чем более развита осознанная СР, тем успешнее студенты будут справляться со стрессом различного вида перед сдачей экзаменов и тем выше будет оценка на экзамене, выполнен анализ взаимосвязи экзаменационной успешности по математике и программированию, общего уровня СР и всех видов изучаемого стресса (Таблица 2).

Таблица 2
Базовые статистики и корреляции между экзаменационной успешностью, саморегуляцией и видами стресса (r Pearson)

Переменная	M±σ	1	2	3	4	5	6	7
1. Математика	4,29 ± 1,01	—						
2. Программирование	4,47 ± 0,85	0,43	—					
3. Саморегуляция	94 ± 15,11	0,24	0,32	—				
4. Острый стресс	19,04 ± 5,85	−0,19	−0,49	—				
5. Воспринимаемый стресс	24,82 ± 7,17	−0,12	−0,14	−0,56	0,69	—		
6. Стресс неопределенности	25,82 ± 7,47			−0,27	0,45	0,45	—	
7. Хронический стресс	33,63 ± 7,42		−0,14	−0,51	0,75	0,73	0,46	—

Примечание. Курсив $p < 0,05$, обычный шрифт $p < 0,01$, жирный шрифт $p < 0,001$.

Table 2
Basic statistics and correlations between the indicators of exam success, self-regulation, and different types of stress (r Pearson)

Variables	M±σ	1	2	3	4	5	6	7
1. Mathematics	4.29 ± 1.01	—						
2. Programming	4.47 ± 0.85	0.43	—					
3. Self-regulation	94.00 ± 15.11	0.24	0.32	—				
4. Acute stress	19.04 ± 5.85		–0.19	–0.49	—			
6. Perceived stress	24.82 ± 7.17	–0.12	–0.14	–0.56	0.69	—		
7. Stress of uncertainty	25.82 ± 7.47			–0.27	0.45	0.45	—	
8. Chronic stress	33.63 ± 7.42		–0.14	–0.51	0.75	0.73	0.46	—

Note. Italics — $p \leq 0.05$, font without highlighting — $p \leq 0.01$, bold font — $p \leq 0.001$.

Получены сильные и умеренные взаимосвязи между переменными. Экзаменационные оценки по математике и программированию высоко коррелируют между собой и обнаруживают сильную связь с общим уровнем саморегуляции. Выявлены разные по силе взаимосвязи экзаменационной успешности с изучаемыми видами стресса.

Для выявления вклада СР в экзаменационную успешность по математике и программированию с учетом исследуемых видов стресса выполнен регрессионный анализ методом принудительного включения. Зависимыми переменными выступили результаты экзаменов по математике и программированию, независимыми — СР и все виды стресса (общие уровни) (Таблица 3).

Согласно полученным моделям, наибольший положительный вклад в экзаменационные оценки по обоим дисциплинам вносит общий уровень осознанной СР, являясь, по существу, универсальным ресурсом экзаменационной успешности. Гипотеза 1 полностью подтвердилась.

При этом показано, что вторым значимым предиктором успешности студентов на экзаменах выступает острый стресс. Заметим, что его вклад в результаты экзаменов по математике — положительный, а по программированию — отрицательный.

Для проверки Гипотезы 2 о различиях в специальных регуляторных ресурсах экзаменационной успешности в зависимости от особенностей учебной дисциплины выполнен корреляционный анализ, в результате которого выявлены умеренные и сильные по-

Таблица 3
Предикторы экзаменационной успешности по математике
и программированию

Показатели	Beta	Std.Err.	t (260)	p
Экзаменационные оценки по математике: R = 0,266, Скорректированный R ² = 0,061 F (3,280) = 7,142 p < 0,000				
Intercept			4,03	0,000
Саморегуляция	0,273	0,065	4,20	0,000
Острый стресс	0,151	0,068	2,22	0,027
Экзаменационные оценки по программированию: R = 0,400; Скорректированный R ² = 0,154; F (2,25) = 24,32 p < 0,000				
Intercept			8,47	0,000
Саморегуляция	0,245	0,067	3,63	0,000
Острый стресс	-0,159	0,072	-2,21	0,028

Table 3
Predictors of exam success in mathematics and programming

Variables	Beta	Std.Err.	t(260)	p-level
Exam success in mathematics: R ² = 0.266; Adjusted R ² = 0.061; F (3.280) = 7.142; p ≤ 0.000				
Intercept			4.03	0.000
Self-regulation (general level)	0.273	0.065	4.20	0.000
Acute stress	0.151	0.068	2.22	0.027
Exam success in programming: R ² = 0.400; Adjusted R ² = 0.154; F (2.25) = 24.32; p ≤ 0.000				
Intercept			8.47	0.000
Self-regulation	0.245	0.067	3.63	0.000
Acute stress	-0.159	0.072	-2.21	0.028

ложительные связи результатов экзаменов с показателями регуляторно-когнитивных и регуляторно-личностных компетенций СР достижения цели.

Экзаменационные оценки по математике и программированию положительно взаимосвязаны со всеми регуляторными компетенциями и регуляторно-личностными свойствами. Коэффициенты корреляции варьируют от $r=0,12$ до $0,32$, $p \leq 0,01-0,001$. Отметим, что сила взаимосвязи с регуляторным планированием одинакова по обоим дисциплинам ($r=0,18$, $p \leq 0,01$). В то время как балл за экзамен по программированию существенно сильнее коррелирует с регуляторным программированием учебных действий, оцениванием результатов, надежностью и настойчивостью ($p \leq 0,001$). Все изучаемые виды стресса демонстрируют высоко значимые отрицательные взаимосвязи с регуляторно-личностными свойствами (гибкости, надежности, настойчивости), а также с регуляторным планированием и моделированием ($p \leq 0,001$).

Результаты корреляционного анализа были использованы для выбора переменных для пошагового регрессионного анализа, в котором независимыми переменными выступили когнитивные и личностные компетенции СР. Результаты показали, что экзаменационная успешность по математике зависит от настойчивости ($\beta=0,26$, $p \leq 0,00$), надежности ($\beta=0,13$, $p \leq 0,01$), оценивания результатов ($\beta=0,18$, $p \leq 0,01$), а по программированию — от регуляторного программирования ($\beta=0,28$, $p \leq 0,00$), надежности ($\beta=0,22$, $p \leq 0,01$) и настойчивости ($\beta=0,21$, $p \leq 0,01$).

Для проверки предположения о том, что уровень острого стресса при подготовке к экзаменам связан с различным уровнем успешности студентов (Гипотеза 3), был выполнен однофакторный регрессионный анализ ANOVA. Для проведения сравнения разных видов стресса, их показатели переведены в z-оценки.

Выявлены существенные различия в выраженности переживаемых видов стресса у студентов, сдавших экзамены по математике и программированию на «удовлетворительно», «хорошо» и «отлично». При подготовке к экзаменам бóльший стресс, и это касается всех его видов, испытывали студенты, получившие по математике оценку «хорошо», тогда как те, кто получил оценки «отлично» и «удовлетворительно», испытывали меньший стресс. Совершенно иная картина получена для успешности по программированию — «хорошисты» испытывают наименьший стресс в сравнении с «троечниками» и «отличниками» (Рисунок).

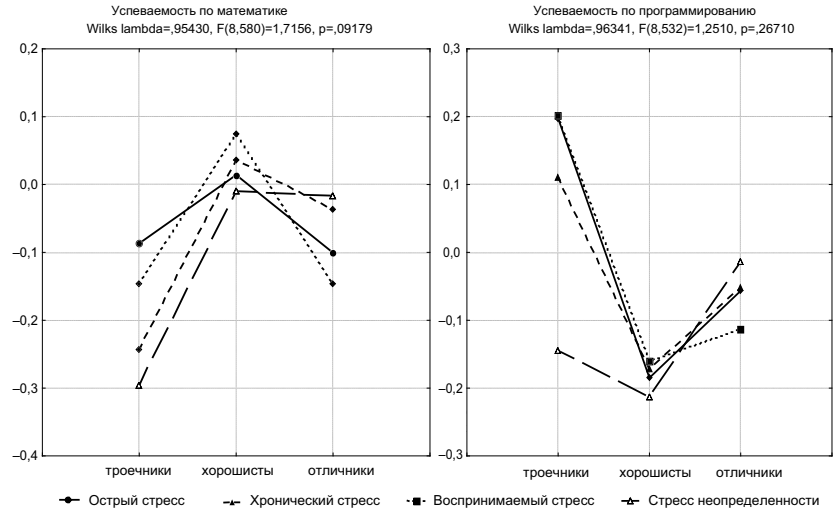

Рисунок
Сравнение уровней изучаемых видов стресса в группах с различным уровнем успешности по математике и программированию

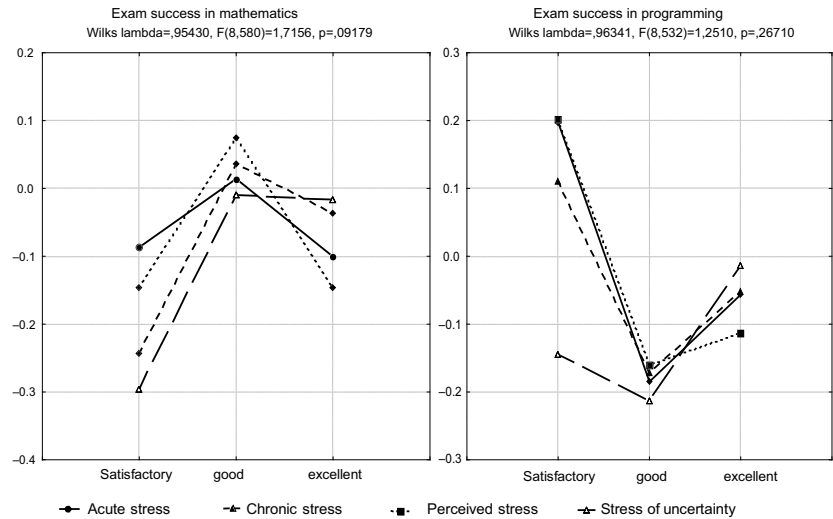

Figure
Comparison of indicators of the studied types of stress in groups with different levels of success in mathematics and programming

Обсуждение результатов

Изучение психологических ресурсов преодоления стресса у студентов инженерных направлений крайне актуально для поддержания их здоровья, успешной учебы и психологического благополучия. Впервые проведен анализ экзаменационной успешности студентов IT-специальностей по таким дисциплинам, как математика и программирование, и установлена связь этих показателей с осознанной саморегуляцией и различными видами стресса, переживаемого в предэкзаменационный период.

Экзаменационный стресс воспринимается большинством студентов одинаково остро независимо от предмета, будь то математика или программирование. В то же время исследование показало, что результаты экзаменов по обеим дисциплинам у большинства студентов были довольно высоки и по математике, и по программированию, что свидетельствует о наличии у них достаточных психологических ресурсов для его преодоления в момент сдачи экзамена. При этом отмечается существенное превышение доли студентов IT-специальностей со средним уровнем стресса в сравнении со студентами других специальностей. Особенно это касается симптомов хронического стресса.

Осознанная СР значимо влияет на успеваемость студентов IT-специальностей, объясняя до 40 % изменчивости по программированию и около 26 % — по математике. Острый стресс оказался амбивалентным фактором экзаменационной успешности. Подтверждена гипотеза о роли развитой осознанной СР как универсального ресурса преодоления экзаменационного стресса (Моросанова и др., 2025).

Выявлены специальные регуляторные ресурсы, обеспечивающие успешность на экзаменах по математике и программированию. Установлено, что регуляторно-личностные качества надежности и настойчивости являются одинаково важными факторами успеха для обеих дисциплин. Ранее было показано, что регуляторная надежность положительно влияет на экзаменационную успешность школьников и профессиональную эффективность взрослых (Фомина и др., 2024; Моросанова и др., 2020). В отличие от нее, регуляторная настойчивость приобретает особое значение именно в ситуациях экзаменационного стресса, так как успешность на экзамене определяется правильным распределением усилий и сосредоточенностью на конечной цели, что показано в нашем исследовании. Что касается влияний регуляторно-когнитивных компетенций, они существен-

ны, но при этом специфичны для разных дисциплин: успешность на экзамене по математике обусловлена развитостью компетенции оценивания результата, тогда как успех на экзамене по программированию обусловлен уровнем сформированности процессов программирования учебных действий. По мнению А. Карпова, развитые регуляторные компетенции важны для оптимизации учебной деятельности и минимизации негативных последствий стресса (Карпов и др., 2024). Таким образом, гипотеза о специальных регуляторных ресурсах экзаменационной успешности подтвердилась. Также подтвердилось предположение о том, что эти ресурсы зависят от особенностей учебной дисциплины.

Гипотеза о связи успешности студентов и интенсивности переживаемого ими экзаменационного стресса полностью подтвердилась: наибольший стресс испытывали «хорошисты» по математике и «троечники» по программированию. Причины заключаются в опасении получить более низкую оценку из-за неуверенности в прочности своих знаний у первых и недостаточной подготовке, стрессе и высокой значимости хорошей успеваемости по профильному предмету у вторых. Результаты подтверждают важность совладания со стрессом для успешной сдачи экзамена по программированию.

Впервые в исследовании рассматривались различные виды стресса, переживаемого студентами перед экзаменами. Показано, что острый стресс улучшает результаты по математике, что противоречит выводам Дж. Джеймисона и коллег (Jamieson et al., 2021), но сходится с данными Д. Бердиды и Р. Гранде (Berdida, Grande, 2023). В то же время результаты анализа успешности по программированию согласуются с предыдущими работами, подтверждающими снижение успеваемости при увеличении острого стресса (Моросанова и др., 2025; Kan et al., 2021). Вероятно, причиной является наличие в экзаменационных материалах большого количества открытых вопросов, требующих творческого подхода и интеллектуальных усилий. Это подтверждает опыт сдачи ЕГЭ по русскому языку, где путем мониторинга состояния вегетативной нервной системы учащихся отмечено наибольшее количество стрессовых реакций у учеников именно из-за большого числа заданий открытого типа (Костромина, Писарев, 2017).

Что касается хронического стресса, то на уровне тенденции показано, что он оказывает негативное влияние на успешность сдачи экзамена по программированию. Между тем воспринимаемый стресс и стресс неопределенности не показали статистически значимых эффектов на экзаменационные результаты. Вероятно, это объясняется

тем, что такие виды стресса ориентированы на субъективную оценку жизненных ситуаций, которые воспринимались студентами как незнакомые, неконтролируемые события, способствующие возникновению тревоги. К началу второго курса университетского образования студенты уже обладают опытом сдачи экзаменов, поэтому переживания экзаменационного стресса чаще зависят от особенностей выполняемых заданий, самооценки собственной компетентности и уровня готовности к испытаниям.

Выводы

Стресс различных видов переживается большинством студентов IT-специальностей в период подготовки к экзаменам одинаково остро. Отмечено существенное превышение доли студентов со средним уровнем стресса в нашей выборке в сравнении с данными общероссийской выборки.

Результаты исследования показали, что стресс влияет на экзаменационную успешность по профильным для IT-специальностей дисциплинам — математике и программированию. Это влияние различается в зависимости от уровня развития осознанной саморегуляции достижения цели, вида стресса и сдаваемого предмета.

Универсальным регуляторным ресурсом успешной сдачи экзаменов по математике и программированию выступает осознанная саморегуляция. Специальные регуляторные ресурсы включают общие для обеих дисциплин надежность и настойчивость, а также специфичные для каждого предмета компоненты СР: оценивание результатов — для математики и программирование учебных действий — для программирования.

Высокий уровень осознанной саморегуляции способствует успешному преодолению студентами стресса, возникающего в предэкзаменационный период, что положительно влияет на их экзаменационную успешность. Показано, что острый стресс положительно влияет на результат экзамена по математике, но не оказывает аналогичного эффекта на результат экзамена по программированию.

Отличники и учащиеся, получившие удовлетворительные оценки по программированию, испытывают больший стресс в сравнении с «хорошистами». В то же время именно «хорошистов» отличает самый высокий уровень стресса в случае сдачи экзамена по математике. Такие различия могут объясняться спецификой экзаменационных заданий по этим дисциплинам.

Практическое применение

Полученные результаты могут служить обоснованием для разработки практических рекомендаций, направленных на предотвращение и преодоление стресса, в том числе путем развития регуляторных компетенций у студентов ИТ-специальностей.

Список литературы

Бодров, В.А. (2006). Психологический стресс: развитие и преодоление, Москва: Изд-во «PerSe».

Золотарева, А.А. (2023). Психометрические свойства русскоязычной версии Шкалы воспринимаемого стресса (версии PSS-4, 10, 14). *Клиническая и специальная психология*, 12(1), 18–42. <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120102>

Карпов, А.В., Карпов, А.А., Присяжнюк, С.О. (2024). Специфика формирования профессиональных компетенций специалистов ИТ-сферы. *Национальный психологический журнал*, 19(4), 201–214. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0414>

Костромина, С.Н., Писарев, А.Е. (2017). Экзаменационный стресс на ЕГЭ: дестабилизация учащихся или фактор успеха? *Статистика и экономика*, (3), 80–91.

Леонова, А.Б. (2004). Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции. *Психологический журнал*, 25(2), 75–86.

Моросанова, В.И. (2022). Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 15(3), 57–83. <https://doi.org/24412/2073-0861-2022-3-57-82>

Моросанова, В.И., Бондаренко, И.Н., Доливец, С.С. (2025). Академический стресс и психологические ресурсы достижения образовательных целей. *Образование и наука*, 27(2), 108–134. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-2-108-134>

Моросанова, В.И., Зинченко, Ю.П. (2024). Краткий опросник острого и хронического стресса: разработка и валидизация. *Сибирский психологический журнал*, (94), 6–22. <https://doi.org/10.17223/17267080/94/1>

Моросанова, В.И., Кондратюк, Н.Г. (2020). Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — 2020». *Вопросы психологии*, (4), 155–167.

Моросанова, В.И., Кондратюк, Н.Г., Гайдамашко, И.В. (2020). Надежность осознанной саморегуляции как ресурс достижения целей в профессиях высокого риска. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (1), 77–95. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.01.05>

Моросанова, В.И., Потанина, А.М., Пащенко, А.К. (2024). Диагностика стресса субъективной и объективной неопределенности: разработка и валидизация опросной методики. *Российский психологический журнал*, 21(3), 112–132. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.7>

Фомина, Т.Г., Филиппова, Е.В., Бурмистрова-Савенкова, А.В., Моросанова, В.И. (2024). Стресс в образовательной среде и его влияние на академическую успешность и психологическое благополучие обучающихся. *Национальный психологический журнал*, 19(4), 148–160. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0410>

Berdida, D.J.E., Grande, R.A.N. (2023). Academic stress, COVID-19 anxiety, and quality of life among nursing students: The mediating role of resilience. *International Nursing Review*, 70(1), 34–42. <https://doi.org/10.1111/inr.12774>

Cohen, S., Kamarck, T., Mermelstein, R. (1983). A global measure of perceived stress. *Journal of Health and Social Behavior*, 24(4), 385–396. <https://doi.org/10.2307/2136404>

DelaCruz, P.J., Aquino, A.M., Curioso, M., Tia, D.J., Samonte, S.L., Policarpio, J.G. (2022). The impact of stress to the quality of life of the college students during the COVID-19 pandemic. *Psychology and Education: a Multidisciplinary Journal*, 2(3), 196–211. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6626151>

Deng, Y., Cherian, J., Khan, N.U.N., Kumari, K., Sial, M.S., Comite, U., Gavurova, B., Popp, J. (2022). Family and academic stress and their impact on students' depression level and academic performance. *Frontiers in Psychiatry*, 13, 869337. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.869337>

Jamieson, J.P., Black, A.E., Pelaia, L.E., Reis, H.T. (2021). The impact of mathematics anxiety on stress appraisals, neuroendocrine responses, and academic performance in a community college sample. *Journal of Educational Psychology*, 113(6), 1164–1176. <https://doi.org/10.1037/edu0000636>

Kan, F.P., Raoofi, S., Rafiei, S., Khani, S., Hosseinfard, H., Tajik, F., Raoofi, N., Ahmadi, S., Aghalou, S., Torabi, F., Dehnad, A., Rezaei, S., Hosseinpallangi, Zh., Ghashghae, A. (2021). A systematic review of the prevalence of anxiety among the general population during the COVID-19 pandemic. *Journal of Affective Disorders*, 293, 391–398. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.06.073>

Madani, H.E.L., Aarab, C., Tachfouti, N., Fakir, S.E.L., Aalouane, R., Berraho, M. (2024). Correlates of perceived stress with anxiety symptoms sleep quality and academic performance among Moroccan students. *Educación Médica*, 25(6), 100953. <https://doi.org/10.1016/j.edumed.2024.100953>

Pascoe, M.C., Hetrick, S.E., Parker, A.G. (2020). The impact of stress on students in secondary school and higher education. *International Journal of Adolescence and Youth*, 25(1), 104–112. <https://doi.org/10.1080/02673843.2019.1596823>

Peng, Y., Wu, P., Schartup, A.T., Zhang, Y. (2021). Plastic waste release caused by COVID-19 and its fate in the global ocean. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 118(47), e2111530118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2111530118>

Putwain, D.W., von der Embse, N.P. (2021). Cognitive-behavioral intervention for test anxiety in adolescent students: do benefits extend to school-related wellbeing and clinical anxiety. *Anxiety Stress Coping*, (1), 22–36. <https://doi.org/10.1080/10615806.2020.1800656>

Ruthig, J.C., Hanson, B.L., Pedersen, H., Weber, A., Chipperfield, J.G. (2011). Later life health optimism, pessimism and realism: psychosocial contributors and health correlates. *Psychology & Health*, 26(7), 835–853. <https://doi.org/10.1080/08870446.2010.506574>

Wise, S.K., Damask, C., Roland, L.T., Ebert, C., Levy, J.M., Lin, S., Luong, A., Rodriguez, K., Sedaghat, A.R., Toskala, E., Villwock, J. (2023). International consensus statement on allergy and rhinology: Allergic rhinitis — 2023. *International Forum of Allergy & Rhinology*, 13(4), 293–859. <https://doi.org/10.1002/alr.23090>

Wuthrich, V., Jaggiello, T., Azzi, V. (2020). Academic Stress in the Final Years of School: A Systematic Literature Review. *Child Psychiatry & Human Development*, 51(6), 986–1015. <https://doi.org/10.1007/s10578-020-00981-y>

References

Berdida, D.J.E., Grande, R.A.N. (2023). Academic stress, COVID-19 anxiety, and quality of life among nursing students: The mediating role of resilience. *International Nursing Review*, 70(1), 34–42. <https://doi.org/10.1111/inr.12774>

Bodrov, V.A. (2006). Psychological stress: development and overcoming. Moscow: PerSe Publ. (In Russ.)

Cohen, S., Kamarck, T., Mermelstein, R. (1983). A global measure of perceived stress. *Journal of Health and Social Behavior*, 24(4), 385–396. <https://doi.org/10.2307/2136404>

DelaCruz, P.J., Aquino, A.M., Curioso, M., Tia, D.J., Samonte, S.L., Policarpio, J.G. (2022). The impact of stress to the quality of life of the college students during the COVID-19 pandemic. *Psychology and Education: a Multidisciplinary Journal*, 2(3), 196–211. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6626151>

Deng, Y., Cherian, J., Khan, N.U.N., Kumari, K., Sial, M.S., Comite, U., Gavurova, B., Popp, J. (2022). Family and academic stress and their impact on students' depression level and academic performance. *Frontiers in Psychiatry*, 13, 869337. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.869337>

Fomina, T.G., Filippova, E.V., Burmistrova-Savenkova, A.V., Morosanova, V.I. (2024). Stress in the educational environment and its impact on academic success and psychological well-being of students. *National Psychological Journal*, 19(4), 148–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0410>

Jamieson, J.P., Black, A.E., Pelaia, L.E., Reis, H.T. (2021). The impact of mathematics anxiety on stress appraisals, neuroendocrine responses, and academic performance in a community college sample. *Journal of Educational Psychology*, 113(6), 1164–1176. <https://doi.org/10.1037/edu0000636>

Kan, F.P., Raoofi, S., Rafiei, S., Khani, S., Hosseinifard, H., Tajik, F., Raoofi, N., Ahmadi, S., Aghalou, S., Torabi, F., Dehnad, A., Rezaei, S., Hosseinipalangi, Zh., Ghashghaee, A. (2021). A systematic review of the prevalence of anxiety among the

general population during the COVID-19 pandemic. *Journal of Affective Disorders*, 293, 391–398. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.06.073>

Karpov, A.V., Karpov, A.A., Prisyazhnyuk, S.O. (2024). Development of professional competencies in IT-specialists. *National Psychological Journal*, 19(4), 201–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0414>

Kostromina, S.N., Pisarev, A.E. (2017). Exam stress at the USE: student destabilization or success factor? *Statistika i ekonomika = Statistics and Economics*, (3), 80–91. (In Russ.)

Leonova, A.B. (2004). Complex strategy of professional stress analysis: from diagnostics towards prophylaxis and correction. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 25(2), 75–86. (In Russ.)

Madani, H.E.L., Aarab, C., Tachfouti, N., Fakir, S.E.L., Aalouane, R., Berraho, M. (2024). Correlates of perceived stress with anxiety symptoms sleep quality and academic performance among Moroccan students. *Educación Médica*, 25(6), 100953. <https://doi.org/10.1016/j.edumed.2024.100953>

Morosanova, V.I. (2022). Psychology of conscious self-regulation: from the origins to modern research. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 15(3), 57–83. (In Russ.). <https://doi.org/24412/2073-0861-2022-3-57-82>

Morosanova, V.I., Bondarenko, I.N., Dolivets, S.S. (2025). Academic stress and psychological resources for achieving educational goals. *Obrazovanie i nauka = Education and Science*, 27(2), 108–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-2-108-134>

Morosanova, V.I., Kondratyuk, N.G. (2020). V.I. Morosanova's questionnaire "Style of self-regulation of behavior — 2020". *Voprosy psikhologii*, (4), 155–167. (In Russ.)

Morosanova, V.I., Kondratyuk, N.G., Gaidamashko, I.V. (2020). The reliability of conscious self-regulation as a resource for achieving goals in high-risk professions. *Lomonosov Psychology Journal*, (1), 77–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.01.05>

Morosanova, V.I., Potanina, A.M., Pashchenko, A.K. (2024). Diagnosis of stress of subjective and objective uncertainty: development and validation of a survey methodology. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 21(3), 112–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.7>

Morosanova, V.I., Zinchenko, Yu.P. (2024). A short questionnaire on acute and chronic stress: development and validation. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, (94), 6–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/17267080/94/1>

Pascoe, M.C., Hetrick, S.E., Parker, A.G. (2020). The impact of stress on students in secondary school and higher education. *International Journal of Adolescence and Youth*, 25(1), 104–112. <https://doi.org/10.1080/02673843.2019.1596823>

Peng, Y., Wu, P., Schartup, A.T., Zhang, Y. (2021). Plastic waste release caused by COVID-19 and its fate in the global ocean. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 118(47), e2111530118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2111530118>

Putwain, D.W., von der Embse, N.P. (2021). Cognitive-behavioral intervention for test anxiety in adolescent students: do benefits extend to school-related wellbeing and clinical anxiety. *Anxiety Stress Coping*, (1), 22–36. <https://doi.org/10.1080/10615806.2020.1800656>

Ruthig, J.C., Hanson, B.L., Pedersen, H., Weber, A., Chipperfield, J.G. (2011). Later life health optimism, pessimism and realism: psychosocial contributors and health correlates. *Psychology & Health*, 26(7), 835–853. <https://doi.org/10.1080/08870446.2010.506574>

Wise, S.K., Damask, C., Roland, L.T., Ebert, C., Levy, J.M., Lin, S., Luong, A., Rodriguez, K., Sedaghat, A.R., Toskala, E., Villwock, J. (2023). International consensus statement on allergy and rhinology: Allergic rhinitis — 2023. *International Forum of Allergy & Rhinology*, 13(4), 293–859. <https://doi.org/10.1002/alr.23090>

Wuthrich, V., Jagiello, T., Azzi, V. (2020). Academic Stress in the Final Years of School: A Systematic Literature Review. *Child Psychiatry & Human Development*, 51(6), 986–1015. <https://doi.org/10.1007/s10578-020-00981-y>

Zolotareva, A.A. (2023). Psychometric Properties of the Russian Version of the Perceived Stress Scale (PSS-4, 10, 14). *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 12(1), 18–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120102>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Варвара Ильинична Моросанова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии саморегуляции Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, morosanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7694-1945>

Ирина Николаевна Бондаренко, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, pondi@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5539-1027>

Игорь Юрьевич Цыганов, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, i4321@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1673-9091>

ABOUT THE AUTHORS

Varvara I. Morosanova, Corresponding Member of the RAE, Dr. Sci. (Psychol.), Head of the Department of Self-Regulation Psychology, Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, morosanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7694-1945>

Irina N. Bondarenko, Cand. Sci. (Psychol.), Leading Researcher at the Department of Self-Regulation Psychology, Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, pondi@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5539-1027>

Igor Yu. Tsyganov, Cand. Sci. (Psychol.), Senior Researcher at the Department of Self-Regulation Psychology, Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian, i4321@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1673-9091>

Поступила 24.04.2025. Получена после доработки 25.04.2025. Принята в печать 26.04.2025.

Received 24.04.2025. Revised 25.04.2025. Accepted 26.04.2025.